

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ Х И И.

М О С К В А,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,

1 7 8 8.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ВЕЧЕРА.

Продолженіе.

Мнѣ кажется, сударыня, сказалъ Сво-
мысловъ Гж. Добролюбовой, что вамъ
бы лучше было предсавить дѣтямъ побѣ-
лѣ явленій элекпрической силы, вѣ самой
сказкѣ, или вѣ примѣчаніяхъ. Увѣрю васъ,
опвѣчала Гж. Добролюбова, что эпова не
лзя было мнѣ сдѣлать, и по весьма осно-
вашельной причинѣ; именно же по тому,
что я совсѣмъ не знаю Физики. — „Съ
великимъ удовольствіемъ взялся бы я обра-
бошать эпу часъ примѣчаній, естли бы
вы удосшоили меня вашей довѣрен-
ности. „ — Какъ ученому рабошать вмѣ-
спѣ съ неученою? Къ тому же женщина
не должна позволять мушинѣ учаспвовапъ
вѣ ея сочиненіяхъ и для шого, чтобы его
не почли подлиннымъ Авшоромъ, а ее
Часть XIII. No. 1. А еще-

щеславною, приписывающею себѣ сочиненія другихъ, чему въ лихпературѣ Французской найдемъ многіе примѣры. — И такъ, сударыня — сказалъ съ насмѣшкою Своемысловъ, котораго самолюбіе оскорбилось словами Гж. Добролюбовой — и такъ естли вы сдѣлаесть совершеннымъ Авторомъ и будете печатать ваши сочиненія, шо ни у кого не спросите совѣта? Нѣтъ, сударь, отвѣчала Гж. Добролюбова: я стала бы прежде читать свои сочиненія, но только не *ученымъ* людямъ, а своимъ ближнимъ; я искала бы не пустой похвалы, а точной правды. Естли бы слушатели мой задремали, или спали бы скучать: шо я употребила бы въ пользу эту крипику; которая для меня всякой иной вѣрнѣе и справедливѣе.

Своемысловъ не отвѣчалъ ничего, но внутренно сердился. Гж. Добролюбова перемѣнила разговоръ, а черезъ нѣсколько минутъ дѣши опять спэли говорить о Сказкѣ. Какъ Альфонсъ былъ щаспливъ, сказалъ Пётръ, видѣвши такое множество чудесъ! Когда выросту, шакъ и я буду путешествовать -- и съ бапюшкою. Увижу множество удивительныхъ деревъ и чудныхъ жившныхъ -- Ксташи вспомнилъ ты мнѣ о чудесностяхъ, перервала Гж. Добролюбо-

любова: я не могла въ Сказкѣ моей говорить о всѣхъ чудныхъ живошныхъ, описанныхъ въ моихъ извлеченіяхъ. Теперь я вспомнила одного звѣря: кошите ли, чтобы я вамъ описала его? — „Ахъ, матушка! съ радостію будемъ васъ слушать.“

Предсавыше себѣ мохнатое, желтоватое чудовище, у котораго восемь ногъ, и на каждой ногѣ два когтя, а въ когтяхъ влажная губка. Кромѣ осьми ногъ, есть у сего чудовища два рода рукъ, которыми хватаетъ оно свою добычу. Подобно Аргусу, лице его покрыто глазами. Ихъ у него восемь. Всѣ они расположены оваломъ на лбу. Двои страшныя клещи съ острыми крючками, которыя, кажется, выходящъ изъ его рта — — „Какое же чудовище!“, -- Есть и чуднѣйшіе звѣри. Повѣрите ли вы, что есть такія живошныя, которыя размножаются отъ того, что ихъ рубишь; что живошное, разрубленное на восемь, десять, двадцать, шриццать, сорокъ частей, во столько же разъ умножается? — „Въ самомъ дѣлѣ, матушка?“, — Не трудно угадать имени этого живошнаго, сказалъ Своемысловъ. А знаете ли вы другое живошное, о которомъ матушка теперь говорила?

рила? спросила у Своемыслова Катерина. Признаюсь, ошвѣчалъ Студентъ, что описаніе эпова животнога есть для меня загадка. Однакожь оно точно справедливо, сказала Гж. Добролюбова. Можетъ быть я забыла еще нѣкоторыя примѣчанія доспойныя подробности въ эпомъ описаніи; но знаки, копорые я вамъ сказала, такъ примѣчательны, что всякой бы могъ узнать это животное — всякой, говорю, кто только читалъ описаніе его. — „Въ какихъ земляхъ, матушка, живетъ это чудовище?“, — У насъ въ Россіи, и вездѣ. — „Въ Россіи?“, — Не только въ Россіи, да и въ селѣ Уединенномъ; вы видали его тысячу разъ. — „Ахъ, матушка! увѣряю васъ, что такого звѣря я ошъ роду не видывала. Пожалуйше, скажите намъ его имя.“ — Паукъ, обыкновенной домовой паукъ (*). —
„Мнѣ

(*) Сіе описаніе паука точно справедливо. Посредствомъ маленькаго клубка, подобнаго не много намоченной губкѣ, копорой паукъ держитъ въ двухъ когтяхъ своихъ, онъ ходитъ и ползаетъ по самымъ гладкимъ тѣламъ. Изъ сижъ губокъ выходитъ вязкой сокъ, копорымъ

„Миѣ эпова совсѣмѣ и вѣ голову не приходило. У паука восемь глазѣ, влажная губка вѣ когпяхѣ, и у рша клещи!„ —
 Если бы ты посмошрѣлѣ на паука вѣ микроскопѣ, то увидѣлѣ бы вѣ немѣ все

рымѣ пауки вездѣ прилѣпляются. На концѣ брюха у паука шесть мускульныхѣ бородавокѣ, кѣ верху оспрыхѣ, вѣ которыхѣ образуешя жидкошть, дѣлающаяся шелкомѣ, когда высохнешѣ и выдепѣ изѣ бородавокѣ. Каждая изѣ шести бородавокѣ составлена еще изѣ тысячи непримѣтныхѣ бородавочекѣ, чрезѣ которыхѣ выходитѣ такое же число нитей. Разсмашривая шонкость сего пауковаго шедка, составленнаго изѣ шести тысячѣ невидимыхѣ нитей, не можно воображеніемѣ понять чрезвычайной шонкости шѣхѣ нитей, которыхѣ выходятѣ изѣ непримѣтныхѣ бородавокѣ. — Не у всѣхѣ пауковѣ одинакое число глазѣ, которые почти у всякаго рода разположены опмѣнно. Пауковѣ считаешся восемь родовѣ: паукѣ домовой, садовой, черной, бывающій вѣ погребяхѣ — злой паукѣ или шарангуль, вѣ Италіи весьма извѣстной — водяной, кирпичной, или шощѣ, кошорой на
 камен-

это ясно; даже и простымъ глазомъ можно это видѣть въ большомъ паукѣ. —

„И такъ я вѣлю принести себѣ большихъ пауковъ; потому что мнѣ несправедливо хочется видѣть губки, клещи и восемь глазъ.“

каменныхъ стѣнахъ держится — переходной, или шопъ, которой долго не бываетъ на одномъ мѣстѣ (vagabonde) — и полевой паукъ съ долгими ногами. — Изъ пауковаго шелка дѣлали перчатки и чулки; но онъ хуже шелка шелковыхъ червей. — На Американскихъ островахъ много большихъ пауковъ; бываютъ величиною съ кулакъ, но они не ядовиты. Когда сіи пауки соспаряются, то бываетъ на нихъ черноватой пухъ, мягкой и густой какъ бархатъ. Паушина ихъ такъ крѣпка, что маленькимъ пшпцамъ трудно изъ нее вырваться. По увѣдомленію нѣкоторыхъ жителей, доски ихъ жгущя какъ крапива. — Въ Луизианѣ есть родъ пауковъ, которые толщиною будутъ съ голубиное лицо, но гораздо длиннѣе онаго. Цвѣтомъ они черные съ золотыми крапинами. Сие насѣкомое дѣлаетъ на деревьяхъ паутины изъ толстаго, вишаго и какъ бы позолоченнаго шелка, подъ которымъ часто садятся пшпцы. — На островѣ Цейлонѣ есть паукъ серебрянаго цвѣта.

глазъ., — А я спану чипать вамъ на Французскомъ языкѣ описаніе пауковъ разнаго рода. Вы услышите многія примѣчанія достойныя подробности. — „Какъ же называется другое живошное, которое размножается отъ того, что его рубишь?„ — Полипъ, живущій въ прѣсной водѣ (*). — „Этова звѣря не знаю;

А 5

(*) Подипы, живущіе въ прѣсной водѣ, бывающъ различны величиною и цвѣтомъ. Г. Трамблей говоритъ о трехъ родахъ сихъ полиповъ, которыхъ называетъ онъ *долгорукими*. Подипы первого рода суть самыя меньшіе, не длиннѣе пяти или шести линій, и найти ихъ легко. Надобно только взять вѣсколько широкихъ дисковъ, плавающихъ обыкновенно на озерахъ, и положить ихъ въ прозрачной, водою наполненной сосудѣ: то увидишь, какъ полипы, которые сначала покажутся зелеными почками, спанутъ протягивать руки свои. При малѣйшемъ движеніи прячетъ сіе насекомое руки и показывается опять только зернышкомъ зеленой матеріи. Рукъ бываетъ у подиповъ обыкновенно не менѣе шести, а не болѣе двѣнашцати. Сіа насекомыя переходящъ съ мѣста на мѣсто, но

щоль

знаю; онъ конечно иностранной. Жаль, что его у насъ нѣтъ; потому что онъ еще

только всѣ ихъ движенія бывають чрезвычайно медленны. Если хочешь видѣть размноженіе полиповъ посредствомъ раздѣленія, то налей на ладонь не много воды и положи туда полипа; и когда онъ разожмется, то разрѣжь его на двое. Та часть, гдѣ будетъ голова его, въ шотъ же день спанетъ двигаться и ѣсть, если только опытъ сей сдѣлаешь въ теплые дни. На задней части черезъ двадцать четыре часа нарастутъ руки, а черезъ два дни будетъ она совершеннымъ полипомъ, протянетъ свои руки и будетъ ловить добычу. Перемѣняя всячески опыты, увидишь все новыя явленія. На сколько частей разрѣжешь сіе животное, столько выдешь изъ него и полиповъ. Полипы размножаются сами собою посредствомъ отростковъ. На полипѣ примѣчаютъ вырастающую маленькую бородавку, которая есть голова молодого полипа. Въ теплую погоду полипъ въ двадцать четыре часа образуется и съ всѣмъ отдѣляется. Иногда изъ одного полипа выходитъ осьмнадцать маленькихъ.

Весьма еще не давно нашли полиповъ, въ прѣсной и морской водѣ живущихъ,
кошо-

еще чуднѣе паука., — Естли ты очень
желаешъ видѣть это чудо, то желаніе
твое

которыхъ прежде почитали морскими
растеніями. Малые морскіе полипы суть
самые малые звѣрки, не примѣченныя и
хорошими наблюдашелями, которые почли
ихъ за цвѣпы. Сіи-то червячки, кото-
рыхъ роды безчисленны, составляютъ
кораллы, морской мохъ, лиоофитовъ,
морскую кору (esclarge), губки, разные
роды мадрепоровъ или каменистыхъ
морскихъ растеній, и всѣ иныя сущности,
которыя были почитаемы за растенія;
но Господа Пуасоннель, Реомюръ, Бер-
нардъ де Жюссье и прочіе, нашли, что
сіи мнимыя растенія суть ни что иное,
какъ жилищи, дѣлаемыя разными родами
червячковъ, которые въ безчисленномъ
множествѣ размножаются, и что сіи
жилищи, каждымъ червячкомъ особливѣ
для себя дѣлаемыя, суть въ разсужденіи
полиповъ то, что осинья гнѣзда въ
разсужденіи осѣ. И шакъ перестали ихъ
называть морскими растеніями, а на-
звали растеніями полипными, или порожд-
еніями полиповъ. Кромѣ сихъ полиповъ
находяся еще большіе морскіе полипы,
какъ-то морская кошка, морской заяцъ
и проч. У сихъ животнохъ на головѣ
бы-

швое могу удовольствоваться. — „Развѣ выпишите полиповъ изъ чужихъ краевъ? Ахъ! какъ вы милостивы, матушка! „ ---- Завтра они у насъ будутъ. ---- „ Какъ же этому спастись? „ --- Въ нашихъ прудахъ ихъ множество. ---- „ Въ нашихъ прудахъ! а мы не знаемъ и имени этого чуднаго животнаго! „ ---- Вездѣ показываетъ намъ Природа множество чудесъ. Невѣжество лишаетъ насъ удовольствія знать ихъ и удивляться имъ; а просвѣщенной человѣкъ на всякомъ шагѣ находитъ примѣчанія достойные предметовъ ---- „ Мы станемъ спрашивать, будемъ читать; доспанемъ микроскопы и начнемъ разсматривать всѣхъ насѣкомыхъ, какихъ только можно найти въ селѣ Уединенномъ; по крайней мѣрѣ узнаемъ то, что насъ окружаетъ. „

Свое-

бываютъ ноги или руки; длиною они обыкновенно отъ трехъ дюймовъ до трехъ футовъ. Они кладутъ яйца. Не извѣстно, такъ ли они плодятся, какъ полицы, живущіе въ прѣсной водѣ. Извѣстно только, что руки ихъ снова вырастаютъ, когда ихъ отрѣжешь, такъ какъ раковыя клешни. Древніе употребляли большихъ морскихъ полиповъ въ пищу.

Своемысловъ, которой все еще досадовалъ, что не узналъ наука, перервалъ наконецъ молчаніе и сказалъ дѣтямъ: матушка ваша справедливо сказала вамъ, что въ Сказкѣ своей говорила она только о немногихъ явленіяхъ, представляемыхъ намъ Природою; на прим. она ничего не говорила о бобрахъ и слонахъ. Можетъ быть для того, сказалъ Петръ, что мы уже знаемъ исторію элихъ звѣрей; матушкѣ извѣстно — — Я вамъ ничего не говорила и о другихъ чудныхъ животныхъ, перервала Гж. Добролюбова, которыя не такъ извѣсны, какъ слонъ и бобръ, на прим. о туканѣ (*), камихи-

(*) *Туканъ* есть птица, наиболѣе удивительная по несоразмѣрной толщинѣ и длинѣ своего носа, которой не только ни въ чемъ ей не полезенъ, но и мѣшаетъ ей летать. Длинной ея языкъ еще ей бесполезнѣе. Онъ не есть мясистой или хрящевой органъ, но обыкновенное перо, которому длинной носъ сей птицы служитъ наперникомъ. Имя *туканъ* значить на Бразилскомъ языкѣ перо.

Туканы находятся во всѣхъ теплыхъ мѣстахъ Полуденной Америки. Перья сихъ птицъ весьма хороши.

жи (*), чужестранныхъ лепучихъ мышахъ (*) и проч.

Своисмысловъ ломалъ свою голову, чтобы найши какую нибудь чудесность, про-

-
- (*) *Камини* есть большая черная птица въ Америкѣ, примѣчательная по своему пронзительному крику и по тому, что у нее на каждомъ крылѣ двѣ большія шпоры, а на головѣ острая корона, которая длиною въ три или четыре дюйма, и которой плоскость будетъ въ діаметрѣ двѣ или три линіи.
- (**) Лепучихъ мышей много въ разныхъ земляхъ; но въ теплыхъ мѣстахъ бывають онѣ ужасной величины. Въ Америкѣ есть родъ большихъ лепучихъ мышей, которыхъ Г. Бюффонъ назвалъ Vampire, для того что онѣ высасываютъ кровь изъ спящихъ людей и звѣрей. Видѣ сихъ мышей отвратителенъ. — Пупешественники согласно утверждаютъ, что онѣ высасываютъ кровь изъ спящихъ людей и звѣрей, никогда ихъ не пробуждая. Г. Бюффонъ думаетъ, что онѣ не зубами и не когтями раздирають у животныхъ кожу, но что языкомъ могутъ онѣ дѣлать въ кожѣ маленькія отверстія, изъ

пропущенную Госпожею Добролюбовою въ
 ся Сказкѣ, и наконецъ сказалъ: надобно
 замѣнить, что царство растений и ми-
 нераловъ, не говоря уже о животныхъ,
 представляешь множество явленій, о кошо-
 рыхъ вы намъ, сударыня, не изволили
 сказать ни слова въ вашемъ краткомъ
 сочиненіи. Впрочемъ мнѣ кажется, что
 вы бы могли къшаши упомянуть въ
 Сказкѣ вашей о восковомъ деревѣ (*),
 пра-

изъ которыхъ сосушь кровь. Хотя онъ
 не видалъ языка ихъ, однакожь думаетъ,
 что онъ подобенъ языку *рузетты*, дру-
 гаго рода лепучихъ мышей, которой
 осыпанъ жесткими, весьма тонкими и
 острыми бородавками, и отъ того по-
 добенъ жалу.

- (*) Такъ называемое *восковое дерево* есть
 кустъ. Его два рода: одного рода де-
 рева растутъ въ Луизианѣ, другаго въ
 Каролинѣ. Сіе дерево видомъ подобно
 миршовому кусту, да и листья его почти
 такъ же пахнутъ. Въ почкахъ его,
 которыхъ будущъ величиною съ коріанд-
 ровыя зерна, находящяся орѣхи, покры-
 шые нѣкошорымъ родомъ смолы, похо-
 жей на воскъ; изъ нее дѣлаютъ свѣчи.

МЫЛЬ-

справъ недошрогъ (*), флаксинеллѣ (*),

Мыльное дерево растетъ въ Китаѣ и Гвианѣ, и величиною бываетъ съ большое каштанное дерево. Плодъ его состоитъ изъ бѣлыхъ зеренъ, величиною съ орѣхъ, которыя по свойству своему подобны мылу; изъ нихъ свѣчи дѣлаютъ. Дерево же производитъ и курительные порошки; а Китайцы достаютъ прекрасной свой лакъ также изъ дерева.

(*) Какъ скоро тронешь сію справу, то листья ея тотчасъ увянутъ, и по томъ, какъ скоро пустишь ихъ, примутъ опять свѣжій видъ свой. Г. Адансонъ видѣлъ въ Африкѣ недошрогу, которой листья наклоняются къ землѣ, когда черезъ нее шагаешь. Говорятъ, что въ Панамѣ есть кустъ съ игловатыми листьями, котораго вѣтви наклоняются, когда идешь мимо, и будто бы стараются приставить къ платью мимоидущаго. По тому, что сей кустъ наклоняется передъ идущими, назвали его *Вонжонгъ*, ш. е. *Здравствуй*. Въ саду Короля Французскаго есть недавно найденное растеніе, родящееся въ Оттагити; оно есть родъ недошроги, но гораздо удивительнѣе сей справы.

(*) , азбестъ (**), и проч. Сказавъ сіе важнымъ голосомъ, Своемысловъ вспалъ и вышелъ вонъ, будучи весьма доволенъ своею памяшью. Кашерина засмѣялась и сказала: я думаю, машушка, что Г. Своемысловъ не много на васъ осердился. Есльи бы эшо и такъ было, опшвѣчала Гж. Добролюбова, то все бы не надлежало шибъ эшова сказывать. Положимъ, чшобы Г. Своемысловъ и дѣйствительна осердился, однакожь его можно извинить шѣмъ, что онъ никогда не жилъ въ большомъ свѣшѣ, въ кошоромъ хопя и лишающся многихъ

Часть XIII. Но. 2. Б добро-

(*) Флаксинель есль расшеніе, родящееся среди лѣсовъ въ Лангедокъ, Провансѣ, Ишаліи и Германіи. Концы штебля и сѣменникъ покрышы множествомъ пузырьковъ дѣйствительнаго масла, чшо легко можно примѣшпшь сѣ помощію микроскопа. Сіе расшеніе лѣшомъ поупру и ввечеру выпускаетъ ээирные горячіе пары, и въ такомъ изобиліи, чшо есльи поставишь подлѣ сего расшенія за жженную свѣчу, то дѣлаетъ превеликое пламя, обнимающее все расшеніе, кошорое кажетъя шогда огненнымъ.

(**) Азбестъ принадлежитъ къ фоссиліямъ, или изъ земли вырываемымъ суццностямъ,

добродѣшелей, однакожь всегда научаются скрыватьъ грубое самолюбіе. Нѣсколько уже разъ швердила я вамъ, что вы обязаны почитать учителя брата вашего, и что не только не позволено намъ ни съ кѣмъ говорить худо о шѣхъ людяхъ, съ которыми бываемъ въ какой нибудь связи, но что надобно стараться и совсѣмъ забывать пороки ихъ. — Такое наставленіе пронудило Кашерину: она спала пла-

и состоитъ изъ разныхъ отдѣленныхъ нитей. Есть разные роды азбеста: есть желшой, сѣрой и бѣлой; даже зеленой и красной. Его прядутъ и дѣлаютъ изъ него полотно, которое въ огонь не горитъ; огонь его только чиститъ или бѣлитъ, пожирая примѣсь чуждыхъ частицъ. Однакожь огонь всегда убавляетъ вѣсъ его. Во времена древнихъ Грековъ и Римлянъ сожигали въ азбестовомъ полотнѣ струны Царей, чтобы пепелъ ихъ не мѣшался съ пепломъ дерева. Изъ азбеста хорошо дѣлать свѣщильни; потому что онъ не подверженъ никакой перемѣнѣ, которая могла бы зашумитъ свѣшъ. Язычники дѣлали изъ него свѣщильню въ шѣхъ лампадахъ, которыми упошребляли для освѣщенія похоронъ.

плакать. А какъ слезы ея производили отъ разкаянія, то она скоро получила прощеніе и по прежнему стала весела.

Вечеру начали читать примѣчанія къ Альфонсовой исторіи. Сіе чтеніе продолжалось нѣсколько вечеровъ сряду; а какъ оно кончилось, то Петрѣ замѣтилъ, что одно чудо въ сказкѣ не было изъяснено. На Канарскихъ островахъ, сказалъ онъ, побывавши въ пещерѣ Гуанхесовъ, пришелъ Альфонсъ на берегъ озера, гдѣ увидѣлъ чудной столпъ, послѣ чего мочилъ его необыкновенной дождь; и когда увидѣлся съ Телисмаромъ, то услышалъ отъ него, что онъ уже зналъ все то, что приключилось ему на берегу озера. Телисмаръ сказалъ ему, что онъ видѣлъ его тамъ изъ своего сада, хотя отсюда до озера было не менѣе двухъ Французскихъ миль. — Правда, отвѣчала Гж. Добролюбова, что я не изъяснила этова въ моихъ примѣчаніяхъ. Приходите завтра въ нашъ бельведеръ: тамъ изъясню вамъ все чудо. Дѣти были весьма рады такому обѣщанію, и на другой день поутру собрались всѣ въ бельведеръ. Тамъ увидѣли большую машину, которой дѣти еще съ роду не видали. Онъ спросили о имени ея. Это телескопъ, отвѣ-

чала Еж. Добролюбова. Елисавета! сядь прямо противъ этова спекла и смотри. Чшо я вижу? закричала Елисавета: деревню, до которой, кажешся, не болѣе двухъ шаговъ. -- „Эшо деревня Г. Чванова, до кошорой опсюда нѣсколькo верстѣ., -- Ахъ! эшо не вѣрояшно, мапушка . . . Я вижу всѣхъ людей, кошорыя шамъ ходятъ . . . На барскомъ дворѣ женщина кормитъ куръ . . . пасухъ гонитъ спадо вѣ поле . . . спаруха сѣ сумою спойтѣ у вороштѣ — — Кашерина не дала Елисаветѣ болѣе говоритѣ, прося неопступно пущитѣ ее на свое мѣсто.

Посмотрѣвъ вѣ трубу, закричала Кашерина: ахъ, мапушка! я вижу Софью, шочно ее вижу! . . Она говоритѣ на крыльцѣ сѣ дѣвками . . . передѣ нею споятѣ ведра . . . конечно сѣ молокомъ . . . Я обѣ закладѣ бьюсь, что ей поручено смотрѣть, какѣ доятѣ коровѣ: какѣ же ей весело! Мнѣ бы самой хотѣлось, мапушка, присматривать за скопнымъ дворомъ и прибирашь кѣ мѣсту молоко . . . Софья наклоняетѣся . . . шеперь поднялась . . . шеперь опять наклоняетѣся . . . шеперь оборотилась кѣ воротамъ и рукою манишѣ кѣ себѣ спаруху. Ахъ братецъ! позволь мнѣ еще немного посмотреть . . .

Софья

Софья сошла съ крыльца и говоритъ съ старухою . . . подводитъ ее къ крыльцу и сажаетъ . . . сама входитъ на крыльцо и уходитъ въ домъ. — Теперь моя очередь, сказалъ Петръ -- „Ахъ, братецъ! погоди немного . . . Софья вышла и сходитъ съ крыльца . . . пошла къ старухѣ и даетъ ей деньги . . . Какъ же любезна Софья! какъ же ее люблю! — Сказавъ сіе, Катерина встала, а Петръ заступилъ ея мѣсто. Онъ не видалъ ничего примѣчанія достойнаго. Софья ушла въ домъ, а старуха, нѣсколько разъ перекрестившись, пошла со двора. — Петръ понялъ тогда, какъ Телисмаръ могъ изъ саду видѣть Альфонса, которой былъ онъ него за нѣсколько верстъ.

Во весь день говорили только о телескопѣ и Софіи. Катерина дивилась тому случаю, чрезъ которой узнала добродѣтель сей любезной дѣвицы. Она никакъ не могла думать, говорила Катерина, чтобы мы были свидѣтелями ея сегодняшняго поступка. Всякой день выходящъ наружу еще сокровеннѣйшія дѣла, сказала Гж. Добролюбова, и такимъ случаемъ, котораго совѣмъ не лзя было чаять. Поэтому всего безопаснѣе поступать всегда такъ, какъ бы при свидѣтеляхъ; для чего

что не только Богъ видитъ насъ во всѣхъ минушахъ жизни нашей, но и случай, любопытство человеческое, болшливость слугъ и измѣна друзей, часто открываютъ наши тайны.

Послѣ обѣда спросила Гж. Добролюбова у сына своего, прочиталъ ли онъ первой томъ книги, которую дала она ему за двѣнадцато-дней передъ тѣмъ, и какова она ему показалась. Ся книга была Французская, la Vie du Dauphin, père de Louis XV. Петрѣ отвѣчалъ, что сіе сочиненіе восхищаетъ его, и по тому болѣе, что въ немъ подробно описывается дѣяство сего Принца; во всѣхъ же другихъ Исторіяхъ о дѣяніяхъ никогда много не говорится. — „Ты мало читалъ другихъ Исторій; слѣдственно твое заключеніе основывается только на одномъ предположеніи или чаяніи.“ — Я думаю, что только о какомъ нибудь чудесномъ ребенкѣ Историкъ говоритъ будетъ; а какъ чудеса рѣдки, то и заключилъ я, что во всѣхъ Исторіяхъ не говорится почти ничего о дѣяніяхъ. — „Но что называешь ты чудомъ?“ — На прим. Дюкъ Бургонской былъ чудесной ребенокъ; онъ любилъ Математику и стихотворство, и сочинялъ басни, рѣчи — — „Этова никакъ

не лзя назватъ чудомъ; онъ былъ опмѣн-
ной ребенокъ, а не чудесной. „ — Естѣли
же и шакова ребенка не лзя назватъ чу-
деснымъ, шо что же я? — „Обыкновен-
ной ребенокъ. Впрочемъ опъ шебя зави-
ситъ вышти изъ числа обыкновенныхъ
дѣшей; будь шолько попрлѣжнѣе и шер-
пѣливѣе. „ — Однакожь, машушка, мнѣ
никогда не сочинять рѣчей. — „По
чему? „ — Да мои рѣчи будущъ очень
дурны. — „Не любовался ли ты головою,
копорую вчера нарисовалъ? „ — Правда,
машушка; мнѣ всѣ говорили, что она
была очень хорошо нарисована. — „ Не
уже ли ты думаешь, что она не хуже
оригинала? „ — Нѣтъ, машушка. —
„Однакожь по лѣтамъ швоимъ эшопъ ри-
сунокъ очень хорошъ. Таковы могутъ
быть и рѣчи швои. „ — Теперь мнѣ очень
захопѣлось сочинять рѣчи; жаль шолько,
что нѣтъ у меня времени. — „Когда
ты гуляешь, когда вѣ саду работаешь,
шо не уже ли думаешь шолько обѣ однихъ
деревахъ и цвѣсахъ? „ — Нѣтъ, ма-
шушка, я думаю о многихъ другихъ ве-
щахъ. — „ И шакъ вѣ эшо время зани-
майся какими нибудь однѣми хорошими мы-
слями; думай, думай вѣ связи, и будешь Со-
чинишелемъ. „ — Сказывайте мнѣ шолько

всякое ушро, о чемъ мнѣ думать. —
 „ Хорошо; а ты передъ ужиномъ давай
 мнѣ отчетъ въ своихъ размышленіяхъ. „ --
 Иногда дадите вы мнѣ матерію для басни,
 иногда для рѣчи. Я стану все располагать
 въ головѣ своей, и чувствую, что мнѣ
 никогда не будетъ скучно и одному; мнѣ
 только тогда бываетъ скучно, когда ду-
 мать не о чемъ. — „ Вотъ причина самой
 несносной скуки. Когда приходятъ къ
 намъ въ голову сбродныя мысли, то онѣ
 пягошяшъ насъ столько же, сколько бы
 пягосшно было другимъ людямъ, ешьяли
 бы мы спали имъ изъясняшъ мысли наши
 словами. Напротивъ того намъ бываетъ
 очень пріяшно, когда наше воображеніе
 работаетъ, и когда размышляемъ о чемъ
 нибудь важномъ.

Но возвратимся къ книгѣ, которую
 тебѣ дала я читать. Что ты особливо
 замѣтилъ въ первомъ томѣ? — „ То,
 что болѣе прочаго принесло мнѣ удоволь-
 ствія. Я замѣтилъ басню, сочиненную
 самимъ Дюкомъ Бургонскимъ, когда онъ
 еще былъ ребенкомъ. Эша басня назы-
 вается *путешественникъ съ собаками*; я
 перевелъ ее, и Г. Своемысловъ поправилъ
 мой переводъ. „ — Какого она содержа-
 нія? — „ Дикасъ отправился въ дорогу
 съ

съ шремя собаками, и въ запасъ взялъ четьре хлѣба. Онъ пришелъ въ *темной лѣсѣ*, по шомъ на *берегъ чистаго источника*. Вдругъ выскочило чудовище. Собаки бросились на чудовище и разорвали его. По шомъ Ликасъ далъ одинъ хлѣбъ *Вораксу* (такъ называлась одна собака), и *Вораксъ* потчасъ ушелъ. *Церберъ*, другая собака, также получилъ хлѣбъ и потчасъ ушелъ. *Гаргасъ*, шрешія собака, также подбѣжалъ, надѣясь получить награжденіе: но Ликасъ, *малой неглупой*, примѣшивъ что всякой хлѣбъ лишалъ его собаки, далъ *Гаргасу* только маленькой кусочикъ, и *Гаргасъ* остался, желая получить и остальное. — Вошъ вся басня, матушка!., — Пожалуй скажи шеперь, чему она учишъ? .-. „Переводъ мой у меня въ карманѣ: я вамъ и конецъ прочшу. Вошъ мораль: „Принцы! ешъли нашли вы вожей, которые могутъ васъ вести и защищать въ лѣсу здѣшняго міра: то остерегайтесь привести ихъ въ такое состояніе, въ кошоромъ бы они не имѣли въ васъ нужды, до того времени, пока уже вы сами не будете имѣть нужды въ ихъ услугахъ.„

Я увѣрена, сказала Гж. Добролюбова, что ты не понимаешь смысла эшой морали: однакожь я постараюсь другими

словами шебѣ ее изъяснить. Вотъ что это значитъ: „Принцы! естли нашли вы просвѣщенныхъ Министровъ, искусныхъ Генераловъ и вѣрныхъ друзей: по берегитись награждать ихъ по всей вашей возможности; берегитесь плапить имъ за ревность и услуги ихъ надлежащую цѣну, чпсбѣ они васъ не оставили, получивъ принадлежащее имъ. Принцы! будьте несправедливы, будьте неблагодарны, чпобы шѣмъ сильнѣе привязать ихъ къ вамъ!„

Ахъ, мапушка! закричалъ Петръ: не уже ли въ самомъ дѣлѣ басня эшому учишь? — „Вотъ точной смыслъ той морали, которою она заключается. Подумай, такъ самъ это увидишь.„ — Правда. Какъ я эпова прежде не почувствовалъ! какъ могъ я полюбить эшу басню! — „Въ шакомъ сочиненіи, которое во всякомъ смыслѣ достойно уваженія, ты полюбилъ то, что крипиковать должно. Естли бы ты чипалъ не такъ скоро и съ большимъ вниманіемъ, то не могъ бы такъ грубо ошибиться.„

Вечеру сказала Гж. Правосудова Петру: Ты жаловался на то, что Историки немного говорятъ о дѣпяхъ; но мы докажемъ, чпо швоя жалоба совсѣмъ неосновательна: потому чпо весь нынѣш-

нѣшній вечеръ станемъ разсказывать вамъ такія приключенія, которыя взяты изъ Истории, и Герои наши будутъ все дѣши. -- „Какъ же вы насъ одолжите!“, -- Ты увидишь, что ошмѣнныя дѣши не такъ рѣдки, какъ думаешь. — „И такъ вы намъ расскажете разныя Истории?“, — Мать ваша, Г. Своемысловъ и я, по очереди будемъ разсказывать вамъ Истории, которыя вспомнимъ, что можетъ занять цѣлой вечеръ. Я начну, продолжала Гжа Правосудова: слушайте.

У Хан-Хи, Императора Китайскаго, было три сына. Два первые были дѣши обыкновенныя; но послѣдній, именемъ Канг-Ги, былъ радостію отца и училей своихъ. Онъ былъ прилѣженъ, понятенъ, чувствителенъ, искрененъ и дѣшателенъ. Онъ могъ управлять собою; на обѣщаніе его можно было положиться; слово свое почиталъ онъ священнымъ залогомъ. Вознамѣрившись сдѣлать что нибудь полезное, намѣреніе свое производилъ онъ въ дѣйство съ такою твердостью, которую ничто поколебать не могло. Онъ горѣлъ желаніемъ научиться, отличать себя, заслуживать любовь отца своего и одобреніе ошѣвшихъ, его окружавшихъ. Онъ видѣлъ вокругъ себя все довольныя
лица.

лица. Каждой урокъ доставлялъ ему удовольствіе слушать похвалы прилѣжности его. Его ласкали, старались доставлять ему всякія удовольствія, всякія забавы. Онѣ находилъ въ отцѣ своемъ все то снисхожденіе, на которое только хорошее поведеніе даетъ право. Еслили нечаянно онѣ проступался, то не бранили его, а вмѣстѣ съ нимъ о томъ шутили.

Между тѣмъ Императоръ занемогъ. Старшему сыну его было тогда двѣнащцать лѣтъ, а меньшему, любезному Канг-Ги, пошелъ девятой годъ. Императоръ, чувствуя, что болѣзнь его смертельна, созвалъ своихъ дѣтей, и сказавъ имъ, что конецъ его приближился, спросилъ, кто изъ нихъ чувствуетъ въ себѣ силу носить бремя короны? Старшій извинялся своею молодостію и просилъ Императора по своей волѣ назначить наследника. Тогда Канг-Ги упалъ на колѣни передъ постелію отца своего, омочалъ слезами его руку, которую онѣ протянулъ къ нему, и, съ минутой помолчавъ, сказалъ: „Что касается до меня, то чувствую въ себѣ способность подражать тебѣ. Слава мнѣ любезнѣе всѣхъ удовольствій и всякаго покоя. Еслили Небо опыметъ себя у дѣтей твоихъ, и еслили

вы-

выборъ твой падетъ на меня: по тебя возьму въ примѣръ и сдѣлаю щастливыми моихъ подданныхъ., — Сей опвѣтъ сдѣлалъ такое впечатлѣнiе въ сердцѣ Хан-Хи, что онъ пошчасъ наименовалъ Канг-Ги своимъ наслѣдникомъ, подъ опекою четырехъ человекъ, по совѣту которыхъ надлежало ему поступать во всемъ. Канг-Ги оправдалъ выборъ родительской, спараясь о совершеннѣйшемъ просвѣщенiи своего разума и исправленiи сердца. Онъ удалилъ отъ Двора своего льстецовъ и коварныхъ; награждалъ щедро достоинства, былъ справедливъ, былъ отецъ своихъ подданныхъ, которые сердечно почитали и любили его.

Я не могу вамъ, любезныя дѣши, сказала Гж. Добролюбова, представить такого чудеснаго Героя, какого представила вамъ бабушка ваша: что можетъ быть чрезвычайнѣе осьмилѣтняго ребенка, достоинствами своими возшедшаго на престолъ проспранныѣйшей Имперiи? Однакожь расскажу вамъ исторiю одного молодаго Принца такихъ же лѣтъ, которой наконецъ былъ однимъ изъ величайшихъ Государей своего времени. Владиславъ царствовалъ въ Польшѣ въ 1094 году. У него былъ сынъ Болеславъ девяти лѣтъ,

лѣтъ, которой своею дѣятельностію, охотою къ ученію и хорошимъ нравомъ подавалъ надежду, что со временемъ будетъ онъ хорошимъ Государемъ. Богемія объявила войну Польшѣ. Однажды Владиславъ давалъ повелѣнія своему Генералу въ присутствіи своего сына. Молодой Болеславъ, слушавшій все съ великимъ вниманіемъ, бросился вдругъ къ ногамъ отца своего, прося позволить ему ѣхать въ армію вмѣстѣ съ командующимъ Генераломъ. Онъ просилъ такъ усиленно и предложилъ такія справедливыя, важныя и по лѣтамъ его чудныя причины, что изумленной и пронушой Владиславъ не могъ ему отказать. Согласившись исполнить его намѣреніе, ввѣрилъ онъ его своему Генералу, которой и поѣхалъ съ нимъ къ арміи.

Молодой Принцъ, прибывъ къ арміи, привелъ всѣхъ въ удивленіе. Ко всему происходящему былъ онъ весьма внимателенъ, и казалось, что не было для него ничего новаго, и что онъ ни чему снова не учился, а только воспоминалъ старое. Будучи ласковъ къ солдатамъ, и уважая начальниковъ, приобрѣлъ онъ всеобщую любовь. Пышность его видна была въ

однихъ только подаркахъ; онъ щедро награждалъ отличавшихся. Пища его была самая простая; земля служила ему поспелею и всякую непогоду сносилъ онъ терпѣливо. Онъ былъ при самыхъ трудныхъ работахъ, и оказывалъ всегда такое мужество, какъ бы все благополучіе жизни его зависѣло отъ его дѣлъ. Коротко сказать, достоинства его заставили всѣхъ думать, что нѣкогда будетъ онъ примѣромъ для хорошихъ Государей, которые послѣ него царствовать будутъ. Его мужество, удивительнѣйшее по его малолѣтству, умножало храбрость Поляковъ. Богемцы во всѣхъ сраженіяхъ были разбиты, и Владиславъ съ несказаннымъ удовольствіемъ признавалъ, что частію успѣховъ сей войны обязанъ онъ своему сыну.

Все послѣдствіе Болеславовой жизни соотвѣтствовало славному ея началу: онъ сдѣлался Героемъ. Хотя былъ воинъ и завоеватель, однакожь при всякомъ случаѣ оказывалъ свое челоуѣколюбіе и чувствительность своего сердца. Всѣми силами старался онъ устроить щастіе своихъ подданныхъ, въ чемъ и успѣлъ; онъ заставилъ ихъ любить себя какъ отца. Сей добродѣтельной Государь былъ образцемъ

цемъ сыновней любви. Всѣ Историки съ удовольствіемъ говорятъ подробно о знакахъ его нѣжной любви къ родителю. Когда онъ лишился его, тогда сердечная его скорбь показала всю доброту души его и умножило къ нему любовь подданныхъ. Болеславъ пять лѣтъ носилъ прауръ по своемъ отцѣ, кошораго оплакивалъ во всю свою жизнь. Онъ хотѣлъ, чтобы его образъ, глубоко у него въ сердцѣ начертанной, и глазамъ его всегда представлялся. Днемъ и ночью была у него на шеѣ медаль съ портретомъ Владиславовымъ. Онъ безпрестанно смотрѣлъ на него, чтобы, по словамъ его, воспоминать добродѣтели отца своего, весьма достойнаго его любви и сожалѣнія. Сверхъ того назвалъ онъ любимаго своего сына Владиславомъ, чтобы и сіе имя воспоминало ему отца его (*).

Теперь, сказала Гж. Добролюбова Своемыслову, пришла ваша очередь. Я не могу рассказать такихъ хорошихъ Исторій, ошвѣчалъ онъ: пошому, что теперь не
мо-

(*) Histoire générale de Pologne, par: Mr. le Chevalier de Solignac, T. I. page 313, & T. II. page 9.

могу вспомнить ничего, кромѣ двухъ Анекдотовъ, весьма не подробныхъ. Петру нашему теперь десять лѣтъ; учитель рисованія сказалъ ему, что онъ могъ бы уже рисовать головы съ натуры, если бы года за два учился поприлѣжанѣ; а Петръ, кажешся, думаешъ, что по его лѣтамъ и то хорошо, если можешъ онъ чтонибудь копировать вѣрно. И такъ не бесполезно будешъ рассказать ему слѣдующее:

Петръ Миньярдъ, учившійся Медицинѣ, въ часы отдохновенія упражнялся въ рисованіи. Не было у него учителя; однакожь онъ имѣлъ вкусъ и былъ весьма прилѣженъ. Въ одиннадцатъ лѣтъ рисовалъ онъ прекрасные и сходные портреты; и наконецъ родственники отдали его учиться къ одному живописцу; послѣ чего живопись была главнымъ его упражненіемъ, и онъ былъ лучшимъ Французскимъ живописцемъ.

Другой живописецъ, именемъ Жанъ Баписъ Ванлоо, съ осми лѣтъ началъ хорошо рисовать. — Сполько я не пребую отъ Петра; но хотѣлъ бы, чтобы онъ по благородному честолюбію пожелалъ во всемъ отличить себя и выйти изъ

многочисленнаго класса дѣтей обыкновенныхъ. —

Сии два Анекдота не показались дѣтямъ важными. Петрѣ, пронухой лично, не смѣлъ сказать мнѣнія своего, и наблюдалъ холодное молчаніе; но Катерина не уперѣла, и не весьма учтиво сказала Своемыслову, что испорія Кан-Гм и Болеслава ей лучше полюбилась. Я вижу, сударыня, отвѣчалъ Своемысловъ, что вы не жалуете прямыхъ наставленій. Въ эпомѣ подобны вы многимъ гордецамъ, копорые не могутъ сносить истины, естли она не сокрыта подъ пріятнымъ покрываломъ какой нибудь остроумной басни. — Ахъ! нѣтъ, сударь! перервала Катерина: я всегда люблю истину: въ эпомѣ васъ увѣряю. Однакожь я передъ вами виновата; и такъ простите меня, Г. Своемысловъ, и не думайте обо мнѣ дурно. — „Мое мнѣніе, сударыня, очень не важно.“ — Въ доказательство, что вы на меня не сердитесь, дайте мнѣ *прямое наставленіе*: — мнѣ одной; вы меня очень одолжите. — Кто такъ хочетъ знать истину, сказалъ Своемысловъ, того желаніе надобно исполнить. И такъ я вамъ скажу, сударыня, что съ того времени, какъ чрезвычайной жаръ принудилъ

часъ

насѣ оставить кабинетѣ брата вашего, и какѣ мы послѣ обѣда учимся внизу въ залѣ, гдѣ вы работаете часѣ на глазахѣ вашей надзирательницы, нѣсколько разѣ я думалѣ, что вы, взявѣ ваше филе или шивѣ въ пальцахѣ, могли бы гораздо лучше пользоваться шѣмѣ, что мы при васѣ читаемѣ. Относительно къ этому, расскажу вамѣ одинѣ Анекдотѣ, которой бы никогда не смѣлѣ рассказать при васѣ, есѣли бы вы не требовали отѣ меня прямого насѣавленія.

Дѣвица ле Феврѣ, а послѣ ученая и славная Госпожа Дасье, училась въ дѣшспивѣ своемѣ только читать, писать и разному женскому рукодѣлю. Такѣ воспитывали ее до одиннацѣти лѣтѣ. У Господина ле Февра, отца ее, былѣ сынѣ, котораго старался онѣ лучше воспитывать. Когда онѣ его училѣ, дѣвица ле Феврѣ была шупѣ же и шила въ пальцахѣ. Въ одинѣ день, когда молодой ле Феврѣ худо отвѣчалѣ на вопросы отца своего, сестра его, сидя за пальцами, въ полголоса подсказывала ему то, что ему отвѣчать надлежало. Отецѣ, слушавшій, что она сказывала, пришелѣ въ радостное удивленіе, и сѣ того времени ревностно старался

воспитывать наилучшимъ образомъ дочь свою, столь достойную его попеченія (*). Вы согласись, сударыня, продолжалъ Своемысловъ, что дѣвица ле Февръ не могла бы такъ обрадовать своего отца, есѣли бы, не слушая, чему онъ училъ сына своего, дѣлала она брату своему однѣ смѣшныя мины и всячески надѣ нимъ *проказила*. — Я не помню, сказала Катерина покраснѣвши, чѣобы я надѣ братцемъ какъ нибудь проказила. А я помню, ошвѣчалъ Своемысловъ, что вѣ прошедшій понедѣльникъ пришили вы его кафтанъ къ стулу, вѣ середу два раза укололи его иглою, для того, говорили бы, чѣобы возбудишь его вниманіе; вчера не давали вы ему учиться разными своими гримасами, а особлвно какимъ-то *заячьемъ рыльцомъ*, которое заставило вашу сестрицу такъ смѣяться, чѣо она должна была уйши вонъ изъ горницы.

Катерина посмотрѣла на свою мать со слезами и робкимъ видомъ. Не бойся, другъ мой, сказала ей Гж. Добролюбова: я не узнала бы эпова, есѣли бы ты не пошребовала *прямого наставленія*; тебѣ
конеч-

(*) Histoire Litteraire des Femmes Françoises, T. II.

конечно не будушѣ за то бранить, что ты хотѣла узнать истину безѣ всякой закрышки. Скажу те одно, что такими шалостями никому не лзя понравиться. Смѣются глупоспямѣ, но никого за глупости не любяшѣ. Такія же шалости болѣе всего отвращительны въ дѣвушкѣ, отнимая у нея видѣ шикости и скромности, копорыя сосзавляюшѣ главное украшеніе ея пола. Ребенокѣ шушѣ можетѣ забавляшѣ на минушю поспороннихѣ людей; но ошѣ несносенѣ родственникамѣ и всѣмѣ окружающимѣ его. Мнѣ надобно еще сдѣлать тебѣ выговорѣ, Каперина: ты обѣщала бышѣ противѣ меня искренною; ты увѣряла меня, что всегда скажешь мнѣ проступки свои, а не сказала, что ты мѣшала брату учиться.

Ахѣ, мапушка! отвѣчала Каперина: я не сказывала вамѣ эшова не для шого, чтобы тайшѣ хотѣла; а только для шого, что не чувствовала прежде вины своей шакѣ, какѣ шеперь чувствую. Въ доказательство, что не хотѣла отѣ васѣ ничего тайшѣ, признаюшѣ вамѣ, что Г. Своемысловѣ сказалѣ еще не все. Онѣ забылѣ, что за восемь или за десять дней передѣ эшимѣ, во все время братцева ученія я нарочно чихала и при всякомѣ разѣ

низко кланялась. ---- И я, мапушка, примолвила Елисавета печальнымъ голосомъ: я также не много чихала и кланялась. ---- И я, сударыня, также, сказалъ Своемысловъ: я опвѣсилъ по крайней мѣрѣ поклоновъ десять, думавъ отъ добраго сердца, что у дѣвицъ насморкъ; и для того не сказалъ вамъ объ этой шалости, будучи самъ обманутъ. ---- Простите меня, мапушка, сказала Каперина. Отъ всего моего сердца, опвѣчала Гж. Добролюбова, обнявъ ее: однакожь помни, Каперина, что зная непристойность такихъ шалостей, непросипельно будетъ приняться за нихъ въ другой разъ.

Возвратимся опять къ нашимъ Исторіямъ. Теперь моя очередь. Я расскажу вамъ дѣйствіе пятилѣтняго ребенка; и такъ приготовьтесь слушать весьма важное приключеніе. Этотъ ребенокъ былъ Густавъ Адольфъ, которой сдѣлался по помѣ величайшимъ изъ Королей Шведскихъ. Будучи пяти лѣтъ, прогуливался онъ съ своими приспавницами по лугу близъ Никопинга. Маленькой Принцъ побѣждалъ прыпаться въ кустъ. Одна изъ приспавницъ, хотѣвъ остановить его, закричала ему, что въ кустахъ есть множество ядовитыхъ змѣй, которыя его ужалятъ.

Такъ

Такъ дайте мнѣ палку, отвѣчалъ Густавъ: я ихъ перебью. Напрасно хотѣли отвратить его отъ такого намѣренія. Подобно Геркулесу, которой своею дубиною перебилъ всѣхъ чудовищъ въ лѣсу Немейскомъ, маленькой Принцъ, вооруженной палкою, вошелъ въ кусты, вознамѣрившись испребишь всѣхъ змѣй, которыхъ тамъ найдешъ; однакожь онъ тщетно искалъ ихъ. Ни одно чудовище не показалось ему, и на тотъ день подвигъ его окончался долгою и утомительною прогулкою (*).

Этотъ случай доказываетъ, сказала Гж. Правосудова, что храбрость происходитъ отъ души, а не отъ чувствованія своей силы, и не отъ разсужденія. Не пребываютъ отъ ребенка такихъ свойствъ, которыя производятъ уже отъ опытовъ и разсужденія. На прим. не странно кажется, если онъ бываетъ иногда легкомысленъ, въпренъ и лѣнивъ; но пребываетъ, чтобы въ немъ были тѣ добродѣтели, которыя производятъ отъ сердца — тѣ естественныя добродѣтели, которыя только надлежитъ очищать и

(*) Histoire de Gustave Adolphe, T. I, page 50

увеличивашь, и которыхъ зародышь бываетъ въ сердцѣ младенца при самомъ его рожденіи. И такъ подлой, жестокосердой и неблагодарной ребенокъ былъ бы чудовищемъ, естли бы его пороки производили не отъ худаго воспитанія.

По этому, бабушка, много чудовищъ? по тому что много жестокихъ, много неблагодарныхъ людей. — „Это значить то, что много испорченныхъ людей. Природа рѣдко производитъ чудовище; но воспитаніе дѣлаетъ многихъ пакowymi.“ — И такъ, естли много злыхъ людей, то виною этому отцы и матери? — „По большой части. Однакожь ребенокъ, и не будучи золъ отъ природы, можетъ испорчиться при самомъ хорошемъ воспитаніи.“ --- Какъ же быть тому? — „Естли онъ не будетъ покоренъ и искрененъ, то самыя бдительныя и просвѣщенные родители не предохраняшъ его отъ многихъ пороковъ, въ которые онъ нечувствительно вдастся. Помните ли вы Тимоѳея, слугу нашего?“ — Помнимъ, мапушка; тому уже два года, какъ онъ умеръ. — „У него была на ногѣ рана совсѣмъ не смертельная. Его лѣчилъ самой лучшей въ Москвѣ лѣкаръ. Къ нему приставили че-
ловѣка,

ловѣка, которой не опходилъ отъ него ни днемъ, ни ночью. Примѣшили, что онъ срывалъ съ ноги перевязку. Я приставила къ нему еще другаго человѣка. Принуждены были связать ему руки и ноги. Однакожь всѣ такія предосторожности были бесполезны. Онъ перѣ ногу объ ногу, и такимъ образомъ сбивалъ съ больной ноги перевязку, которая могла бы залѣчить его рану. Наконецъ сдѣлался у него на ногѣ ракъ. Не спасло его ни искусство лѣкарево, ни прилѣжное смотрѣніе приставниковъ, ниже твердость его сложенія — онъ умеръ. Этошъ несчастной человѣкъ есть изображеніе непослушнаго ребенка. Какую пользу принесутъ попеченія родственниковъ его, еслили онъ не будетъ чувствовать цѣны ихъ -- еслили онъ не будетъ понимать, что запрещаютъ ему одно порочное, отъ чего со временемъ будетъ онъ ненавидимъ и несчастливъ, а пребываютъ отъ него только того, что можешь сдѣлать его счастливымъ?., — Да надобно быть ребенку совсѣмъ безъ ума, чтобы не знать эщова. Когда мы что нибудь дѣлаемъ противъ вашей воли, то это происходитъ отъ вѣтренности и забывчивости; когда же это почувствуемъ, то сами на себя сер-

димся. „Этова еще не довольно. Надобно мнѣ во всемъ признаваться, надобно мнѣ все сказывать, такъ какъ пребываю совѣща у Доктора, когда по неосторожности сдѣлаю вредъ своему здоровью. Согласно, что спрахъ отъ *лѣкарствъ* часто удерживаетъ насъ прибѣгать къ Доктору; однакожь безумно хотѣшь лучше быть больнымъ, нежели принять лѣкарства, которыя вѣрно возвращаютъ намъ здоровье.

Не увѣрены ли вы, дѣпти, въ томъ, что признаваясь мнѣ въ своемъ проступкѣ, которой былъ мнѣ неизвѣстенъ, получаете за искренность свою право на мое снисхожденіе, и что эта искренность умножаетъ при томъ и мою къ вамъ любовь? Знаете вы и то, что за небольшой проступокъ не будетъ вамъ никакого наказанія, кромѣ представленія худыхъ его слѣдствій; естли же проступокъ важенъ, то наказаніе будетъ все легче, нежели бы тогда, когда бы я сама собою узнала его. Собственныя ваши выгоды заставляютъ васъ быть совершенно искренними. Положимъ, чтобы вы нѣсколько времени и могли тайно отъ меня ваши проступки; однакожь будьте увѣрены, что навсегда не можете ихъ скрыть отъ меня. Вчера, смотря въ

ше-

телескопъ, говорили мы, что все со временемъ открываеяся: и теперь подтверждаю то же. Лучше будетъ, естли вашей искренности обязана буду свѣденіемъ о вашихъ порокахъ, которые случай и мой строгой присмотръ наконецъ откроютъ. Наспавленія, которыя даю вамъ при случаѣ вашего признанія, просвѣщаютъ вашъ разумъ. Я даю вамъ чувствоватъ опасность вашихъ пороковъ; по чему, имѣя изрядной разсудокъ, вы осперегаеясь въ нихъ впасъ. Напротивъ того, когда не скоро узнау вашъ порокъ, то въ васъ укореняяся худыя привычки, которыя искоренить надобно будетъ тяжелыми наказаніями.

На прим. я всегда швердила вамъ, Елисавета и Катерина, что надобно привыкать къ порядку и бережливости. Во время продолжительной болѣзни вашей надзирашельницы привыкли вы ничего не запырать, ничего не класъ на свое мѣсто, шеряшь плашки, перчашки и проч. Я это узнала, но уже поздно. Эта привычка сдѣлалась въ васъ порокомъ, отъ котораго шрудно было вамъ исправиться. Естли бы сначала признались вы мнѣ въ своей небережливости, то одна Исторія Эглантины конечно бы васъ исправила.

Всѣ согласно признали справедливость разсужденій Госпожи Добролюбовой, и дѣши обѣщали впредь немедленно и искренно объявлять ей самые малѣйшіе свои проступки. Если вамъ угодно, сударыня, сказалъ Своемысловъ, расскажите еще какое нибудь приключеніе, по извольте разсказывать; у насъ остается не много времени: теперь уже десятой часъ въ половинѣ. Повѣсть моя не долга, описывала Гж. Правосудова. Теперь могу вамъ сказать только то, что было нѣкогда сраженіе, въ которомъ самолично командовали войсками при Короля: одному изъ нихъ было двѣнадцать лѣтъ (*), другому десять (**), а третьему девять (***).

Я также расскажу вамъ одинъ случай изъ Французской Исторіи, сказала Гж. Добролюбова. Несчастной Карлъ VI, которой въ жестокой болѣзни сошелъ съ ума, прежде сего ужаснаго несчастія былъ хорошій Король. Карлъ пятой старался особенно

бливо

(.) Клошаръ.

(**) Теодебертъ.

(***) Теодорикъ. — Теодебертъ и Теодорикъ были братья.

бливо сдѣлашь его мужественнымъ и добро-
сердечнымъ. Онъ находилъ удовольствіе
въ испытываніи первыхъ чувствъ его.
„Однажды, призвавъ его въ свой каби-
„нетъ, позволилъ онъ ему выбрать для
„себя любую драгоценную вещь изъ тѣхъ,
„которыя составляли его сокровище. Мо-
„лодой Принцъ, не посмотрѣвъ ни на что
„богатое и великолѣпное, подобно Ахил-
„лесу, потребовалъ шпагу, висѣвшую въ
„углу кабинета. Въ другой разъ Король
„предложилъ ему на выборъ золотую ко-
„рону и шишакъ. Принцъ выбралъ ши-
„шакъ. Сиръ! сказалъ онъ отцу своему:
„*пусть корона будетъ всегда ваша.* Та-
„кія чувства, обѣщавшія щасливой ха-
„рактеръ, наполняли радостию сердце
„сего мудраго Монарха, нѣжнаго отца и
„добродѣтельнаго Полишика (*). „

Мы говорили только объ опшѣнныхъ
дѣтяхъ, сказалъ Своемысловъ: теперь на-
именую вамъ такихъ дѣтей, которыхъ
можно назвать чудами. Кризилель ле Бе-
рекъ д'Экспертъ умеръ десяти лѣтъ въ 1706
году. Онъ былъ Докторской сынъ. Душе-
спасительныя его сочиненія напечатаны
по

(*) Hist. de la querelle de Philippe de Valois &
d'Edouard III, par Mr. Gaillard, T. II.

по смерти его на Нѣмецкомъ языкѣ; въ нихъ видна простота и здравой разумъ.

Яковъ Марини, Венеціанинъ, будучи семи лѣтъ, публично защищалъ въ Римѣ, въ 1547 году, разныя положенія Теологіи, Юриспруденціи, Медицины и многихъ другихъ наукъ.

Сынъ Господина Баратъе, именемъ Жанъ Филиппъ, на четвертомъ году хорошо говорилъ по-Латински, а на пятомъ году выучился и по-Гречески. По шомъ началъ учиться по-Еврейски, и въ шесть лѣтъ зналъ чепыре языка, Исторію и Географію.

Въ число чрезвычайныхъ дѣшей можно включить Барона Гельмфельда, Шведа, умершаго въ 1674 году. Юношеской возрастъ его доказалъ, что не тщетно ожидали отъ него чего нибудь великаго, когда онъ былъ еще маленькимъ ребенкомъ. На семнатцатомъ году былъ онъ принятъ въ члены Королевскаго Лондонскаго Общества. Въ двацать лѣтъ говорилъ онъ десятию языками, былъ превосходной Математикъ и великой Юристъ.

Христіанъ Генрихъ Гейнеке, родившійся въ Любекѣ, черезъ десять мѣсяцевъ началъ говорить. Въ два года имѣлъ онъ хотя легкое, однакожь общее познаніе о древ-

древней и новой Истории и Географіи. Въ пять лѣтъ зналъ онъ три языка, и говорилъ на всѣхъ прехъ равно хорошо.

Адріанъ Балье, сочинившій книгу о дѣтяхъ, славныхъ по своимъ знаніямъ, говоритъ о многихъ иныхъ, и самъ достоинъ того, чтобы его включишь въ число ихъ. Онъ родился въ 1649 году, въ деревнѣ Невилъ, близъ Бове. Отецъ его былъ крестьянинъ. Молодой Балье учился читать и писать въ Францисканскомъ монастырѣ; и хотя отецъ не посылалъ его, однакожь онъ всякой день ходилъ въ монастырь, до котораго отъ деревни было болѣе мили. Черезъ нѣкоторое время одинъ просвѣщенный и благодѣшельной Проповѣдникъ взялъ на свои руки сего умнаго ребенка и началъ его учить. Балье сдѣлался славнымъ ученымъ, и умеръ въ 1705 году. Не одинъ онъ собиралъ извѣстія о дѣтяхъ, прославившихся учеными сочиненіями; но и многіе другіе ученые занимались тѣмъ же (*).

Ко-

(*) Между прочими Геце, Клефекеръ, Вольфъ, Зеленъ, и проч. Смори *Diction. des Merveilles de la Nature*, подъ словомъ *Enfants précoces*. Въ число славныхъ дѣтей можно

Конечно вы, Г. Своемысловъ, сказала Гж. Добролюбова, изъ благосклонности къ слушателямъ своимъ назвали *чудомъ* всѣхъ тѣхъ дѣшей, о которыхъ говорили. Правда, что такія дѣши гораздо превосходнѣе нашихъ; однакожь между ими

включить еще Эдуарда VI, Короля Англійскаго, сына Генриха VIII. На девятомъ году взошелъ онъ на престолъ, и зналъ уже тогда по-Латински, по-Французски, по-Гречески, и по-Италіянски. Маріа Стюартъ, Королева Шотландская, будучи принащцати лѣтъ, въ залѣ Луврской, въ присутствіи Короля Генриха II, Королевы Каперины де Медицисъ и всего Двора, говорила своего сочиненія Латинскую рѣчь, въ которой она опровергала всеобщее тогдашнее предразсужденіе, что женщинамъ не прилично быть учеными. Она сочиняла и Французскіе стихи, весьма хорошіе по тогдашнему времени. Къ тому же имѣла она и многія пріятныя дарованія: совершенно хорошо танцовала, пѣла и играла на разныхъ инструментахъ.

Извѣстна Исторія славнаго Пика де Мирандола; извѣстно и то, что Паскаль въ двѣнащцать лѣтъ былъ великимъ Геометромъ.

ими вижу я только одного чудеснаго ребенка, а именно того, кошорой въ десять мѣсяцевъ говоришь началъ. Всѣ прочія дѣши показались мнѣ только весьма прилѣжными. — Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Своемысловъ, все ихъ достоинство происходило отъ великой прилѣжности и великаго послушанія. Я читалъ со вниманіемъ подробную Исторію разныхъ дѣшей, и находилъ, что всѣ онѣ имѣли неограниченное почтеніе и нѣжную любовь къ своимъ учителямъ, и по тому были всегда послушны. — „А эта чудесная память.“ — — Она есть плодъ не разума оспраго, а шѣхъ свойствъ, копорья теперь мною описаны. Ребенокъ всегда воспоминаетъ то, что онѣ со вниманіемъ слушалъ. Въ доказательство этому служитъ то, что не было еще весьма прилѣжнаго ребенка, кошорой бы не имѣлъ и весьма острой памяти. Сверхъ того сочтите, сколько времени теряетъ грубой и непослушной ребенокъ отъ своего неперпѣнія, упрямства, безпокойства и сердца; сколько времени теряетъ онѣ въ празднословіи! Когда дѣлаютъ ему выговоръ, то вмѣсто того, чтобы слушать со вниманіемъ и съ покорностію, всячески выискиваетъ онѣ худыя

Часть. XIII. No. 4. Г дья

дья извиненія. Надобно принудить его молчать. Естли послушается, то все еще внутренно сердится, ропщетъ, и въ такомъ состояніи не можетъ ничего слушать. Всѣ наставленія безплодны; что ни говори, все бесполезно., — Однакожь я надѣюсь, Г. Своемысловъ, что вы не находите меня *грубымъ и непослушнымъ ребенкомъ*? — „Конечно нѣтъ; по тому что я съ вами еще уживаюсь. Вообще вы послушны и довольно прилѣжны; однакожь вы бы могли бытъ еще гораздо послушнѣе и прилѣжнѣе.“ — Увѣряю васъ, Г. Своемысловъ, что я никогда еще не чувствовалъ въ себѣ такой охоты къ ученію и ко всему доброму, какъ теперь, узнавъ, какое множество было славныхъ дѣшей во всѣ времена. Чпобъ бытъ самому шаковымъ, то надобно только имѣть повиновеніе и доброе сердце; и пакъ впредь буду я пакъ прилѣженъ и внимателенъ, что вы будете конечно мною довольны.

Елисавета и Катерина то же обѣщали своей матери, и всѣ пошли спать, будучи весьма довольны вечеромъ, произведшимъ такое хорошее рѣшеніе.

Пріѣздѣ нѣкоторыхъ сосѣдей, ко-
торыя пробыли въ селѣ Уединенномъ нѣ-
сколько дней, перервалъ вечернія повѣсти.
На другой день послѣ ихъ отпѣзда Гжа.
Правосудова разсказывала слѣдующую
Исторію:

НЕВОЛЬНИКИ,

или

СИЛА БЛАГОДѢЯНІЯ.

Снелъгравъ, Англичанинъ, былъ корабель-
нымъ Капитаномъ и славился своимъ
человѣколюбіемъ. Долго путешествовалъ
онъ по Африкѣ (въ 1722 году), и пор-
говалъ невольниками: поргъ злобной, ко-
шораго не можеть извинить обыкновеніе!
Посрамляя челоѣчество, онъ сопряженъ
еще съ величайшими опасностями; по-
тому что несправедливость и ширанство
производятъ всегда опчаяніе и бунтъ.
Европейцы принуждены несчастныхъ Ара-
бовъ, ими покупаемыхъ, держать скован-
ныхъ цѣлую ночь и большую часть дня;
но не смотря на всѣ предосторожности,
невольники находятъ всегда средства дѣ-

лашь заговоры, копорые часто споятъ жизни господамъ ихъ.

Снельгравъ накупилъ многихъ невольниковъ на берегахъ рѣки. Каллабара. Между сими несчастными замѣшилъ онъ одну молодую женщину, копорая, казалось, болѣе всѣхъ угнѣшена была печалію. Будучи пронутъ ея слезами, спросилъ онъ у нее черезъ переводчика о причинѣ ея горести, и узналъ, что оплакиваетъ своего ребенка, котораго за день передъ тѣмъ потеряла. Ее отвели на корабль къ Снельграву. — Въ тотъ же еще день начальникъ или Король Кантона, прислалъ звать къ себѣ Снельграва. Снельгравъ обѣщалъ бытъ къ нему; но зная свирѣпость сего народа, взялъ онъ съ собою десятъ хорошо вооруженныхъ мапросовъ и своего пушкаря. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега нашелъ онъ Короля сидящаго на высокомъ престолѣ подъ тѣнію деревъ. Собраніе было многочисленно. Множество знатныхъ Арабовъ окружало Короля. Позади его стояла гвардія, копорая состояла изъ пятидесяти человекъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами; на поясу висѣли у нихъ сабли, а въ рукахъ были копья. Англичане,

чане, у которыхъ были за плечами ружьи, спали противъ Короля.

Снельгравъ поднесъ Королю нѣсколько Европейскихъ бездѣлокъ; и когда онъ окончалъ свою рѣчь, услышалъ вдругъ стонъ, которой привелъ его въ ужасъ. Онъ оборотился, и увидѣлъ маленькаго Араба, привязаннаго ногою ко врышному въ землю столпу. Подлѣ него спояли два Араба гнуснаго вида, державшіе въ рукахъ дубины, и одѣтые весьма странно. Казалось, что они сперегли ребенка, которой со слезами смотрѣлъ на нихъ и сложенными своими рученками просилъ о помилованіи. Король, увидѣвъ, какое сильное дѣйствіе произвело сіе странное зрѣлище въ Снельгравъ, думалъ его успокоить, сказавъ, что ему нѣтъ причины бояться сихъ двухъ Арабовъ, на которыхъ смотрѣлъ онъ съ такимъ удивленіемъ. По томъ съ важностію изъяснилъ онъ Капистану, что сей ребенокъ есть *жертва, которую посвящаютъ богу Ёгго для блага государства.* При сихъ словахъ Снельгравъ запрепепалъ отъ ужаса. Съ нимъ было только одиннацать человекъ. Придворные и гвардія Африканскаго Принца составляли болѣе ста человекъ. Но сожалѣніе и человеколюбіе не

дали ему времени подумать о числѣ и свирѣпости окружавшихъ его Арабовъ. Друзья мой! воскликнулъ онъ, оборотившись къ своимъ товарищамъ; спасемъ эпова несчастнаго ребенка! Подите за мною! — Сказавъ сіе, идетъ онъ къ привязанному младенцу. Англичане, оживленные такимъ же чувствомъ, идутъ за нимъ. Арабы подняли ужасной крикъ, и кучею бросились на Англичанъ. Снельгравъ вынулъ изъ кармана пистолетъ, Король испугался. Снельгравъ пребуетъ, чтобы его выслушали. Король однимъ словомъ утишаетъ волненіе Арабовъ; они оспанавливаются и пребываютъ неподвижны. Тогда Снельгравъ, посредствомъ переводчика, объявляетъ причины своего дѣйствія, и рѣчь свою заключаетъ прозьбою, чтобы Король продалъ ему сего ребенка. Такое предложеніе было принято. Снельгравъ не хотѣлъ спорить о цѣнѣ. Но къ счастью, Арабской Король не имѣлъ нужды ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ; онъ не зналъ ни алмазовъ, ни жемчуга, и думалъ, что назначаетъ великую цѣну, потребовавъ ожерелье изъ зеленого спекла, которое ему пошчасъ и отдано было. Снельгравъ бросился тогда къ невинному младенцу, котораго спасъ онъ

онъ отъ смерти, и вынулъ свою саблю, чтобы перерубить веревку, копорою былъ онъ привязанъ. Устрашенной ребснокъ, подумавъ, что Снельгравъ хочешъ его умертвить, закричалъ жалоспнымъ голосомъ. Снельгравъ съ восхищеніемъ беретъ его въ свои объятія и прижимаетъ къ своему сердцу. Обрадованной младенцъ улыбается и ласкаетъ своего избавителя, копорой, чувствуя несказанное удовольствіе, прощается съ Королемъ и возвращается на свой корабль. Взошедши на бордъ, увидѣлъ онъ шу молодую Арабку, копорую поупру купилъ. Она занемогла, и, заливаясь слезами, сидѣла подлѣ корабельнаго лѣкаря, копорой, не могши ее заставить чего нибудь поѣсть, вышелъ съ нею на воздухъ, бояся, чтобы она опять не упала въ обморокъ. Когда Снельгравъ шелъ съ своими машросами мимо ее, она оборотила голову, и, увидѣвъ младенца, копорого одинъ машросъ несъ на рукахъ, вдругъ закричала, вскочила и бросилась къ нему. Онъ узналъ ее, кликалъ къ себѣ и пропягалъ къ ней свои ручки. Она обняла его . . . Ужасныя намѣренія, занимавшія ее до шой минушы; потеря вольности, шоска опчаянія — все было вдругъ забыто. Она мать . . . она на-

шла своего сына! . . . Черезъ переводчика узнала она, какимъ образомъ Снельгравъ спасъ сына ея отъ жестокой смерти. Тогда, не выпуская младенца изъ объятий своихъ, бросилась она къ ногамъ своего благодѣтеля. Только шеперь, сказала она, я своя невольница! Если бы ты не возвратилъ мнѣ сына моего, то смерть избавила бы меня въ нынѣшнюю ночь отъ рабства. Я почитала тебя моимъ пираномъ; но ты избавитель моего сына — возвративъ его въ мои объятія, даровалъ ты мнѣ сокровище, которое мнѣ дороже жизни — ты спалъ отцемъ моимъ. Отъ нынѣшняго времени можешь надѣяться на неограниченную мою покорность: порука въ томъ эпомъ милой младенецъ. — Когда сія женщина съ жаромъ изъясняла свою благодарность, переводчикъ сказывалъ Снельграву, что она говорила. Не могъ онъ получить большей платы за свое человеколюбіе; но оно принесло еще новые плоды. На корабль его было болѣе шрехъ сотъ невольниковъ. Молодая Арабка рассказала имъ всѣмъ приключеніе свое. Выслушавъ сію прогашельную повѣсть, всѣ Арабы окружили Снельграва, изъясляли свое удивленіе радостнымъ крикомъ, и

кля-

клялися ему строго повиноваться. Въ самомъ дѣлѣ, во все время путешествія оказывали они Снелыграву такое почтеніе и повиновеніе, какое только опецъ можеть ожидать отъ дѣтей своихъ (*).

Естьли благодѣяніе производить такое сильное впечатлѣніе въ сердцахъ дикихъ и свирѣпыхъ народовъ, по какую же силу надлежитъ ему имѣть между нами! Благодѣяніе есть самое лучшее средство покорять сердца, по есть, вселять въ нихъ къ себѣ почтеніе и любовь. Эпа исторія, любезныя дѣти, должна васъ еще утвердить въ истинѣ, которую часто надлежитъ вамъ повторять, а именно въ той, что доброе дѣло бываетъ всегда самимъ намъ полезно. — Петрѣ! сказала Гж. Добролюбова: какого рода есть дѣйствіе Снелыграва? *Героическое*, или нѣтъ? — „Героическое! . . Не думаю; однакожь разсмотрю его по тѣмъ правиламъ, которыя вы мнѣ сказали.“ — Посмотримъ, помнишь ли ты ихъ. Повтори ихъ шеперь. — „Надобно, чшобы Героическое дѣйствіе было полезно, сопряжено было съ великою опасностію,

(*) Исторія о Стран. Томъ III.

или стоило великой жертвы, и чтобы можно было отъ него отказать, не навлекши на себя презрѣнiя., — Хорошо. Обратимся къ Снельграву. — „Онъ подвергался великой опасности., — — — Опасности было менѣе, нежели ты думаешь. Правда, что съ нимъ было только одиннадцать человекъ и что Арабовъ было около ста, однакожь свирѣпые Арабы очень робки. У Англичанъ были ружья; и какъ бы скоро изъ нихъ выстрѣлили, то Арабы конечно бы побѣжали. — „И такъ опасность была не велика. Впрочемъ мнѣ кажется, что Снельгравъ заслужилъ бы презрѣнiе, если бы допустилъ при себѣ умертвить эпова ребенка, будучи въ силахъ тому воспрепятствовать. И такъ мнѣ кажется, что дѣло его было доброе, а не Героическое дѣйствiе., — Заключение хорошо. Но не уже ли ты ни за что считаешь то первое движенiе великодушiя, совсѣмъ не зависящее отъ разсудка, которое заставило Снельграва броситься на помощь къ ребенку? Это первое движенiе было такъ сильно, что Снельгравъ конечно бы отважился на все. По тому-то самому и прогашельно это дѣйствiе. Въ самомъ дѣлѣ оно само по себѣ не есть Героическое,

ское, по тому что человеколюбіе предписывало его; но первое движеніе, первое побужденіе къ этому дѣйствию, было Героическое. —

Исторія ваша, бабушка, сказала Елисавета, очень хороша; однакожь она коротка. Хорошо, отвѣчала Гж. Правосудова, я вамъ разскажу другую. Петрѣ нашелъ, что дѣйствіе Снельграва не было Героическое; посмотримъ же, что онѣ скажетъ объ этомъ.

Добродѣтельной Дюкѣ Бурбонской былъ Аманомъ у Короля Иоанна, и восемь лѣтъ помился въ пемницѣ. Опустоствіе его подало поводъ ко многимъ беспорядкамъ. Бароны разграбили казну его, и Шово, его Генераль-Прокуроръ, по долгу своему на нихъ донесъ. Дюкѣ освободился изъ плѣна, забылъ всѣ прошедшія преступленія и старался только о приобрѣщеніи любви подданныхъ своихъ. Онѣ учредилъ Орденъ надежды. Среди торжественной церемоніи явился Шово, держа въ рукѣ доносъ. Спавъ на колѣни передъ Дюкомъ, сказалъ ему: *Государь! вы увидите здѣсь многихъ злодѣевъ: одни достойны смерти, а другихъ по крайней мѣрѣ надлежитъ лишить имѣнія. Вотъ описаніе ихъ преступленій.* Преступники
были

были всѣ шумѣ и шрепетали. *Шово!* сказаѣ Принцѣ: *описали ли вы и заслуги ихъ?* Взявѣ бумагу, бросилѣ онѣ ее вѣ огонь, не хотѣвѣ чипать. Сіи милоспивыя слова и сіе великодушное дѣйствіе заставили всѣхѣ присутствовавшихѣ пролишь слезы радости. Всѣ дворяне, и пресступники и правые, всѣ клялись умереть за такого добродушнаго Принца (*).

Ахѣ! закричалѣ Петрѣ: вотѣ подлинное Героическое дѣйствіе! — Видите, любезныя дѣти, продолжала Гж. Дравосудова, какѣ хорошо прощать. Естьли бы знали, какѣ полезно для самихѣ насѣ не мстить врагамѣ нашимѣ, то такіе примѣры не былибѣ споль рѣдки. —

Вѣ томѣ вечерѣ всѣ разошлись спать ранѣе обыкновеннаго; для того что на другой день согласились встать рано, итти прогуливаться, и по томѣ ѣхавѣ вгости, вознамѣрившись побывать у нѣкоторыхѣ сосѣдей. Послѣ прогулки позавтракали и поѣхали сперва кѣ Г. Чванову, у котораго и пробыли цѣлыя сушки.

Онѣ

(*) Hist. de la Querelle de Philippe de Valois, T. II.

Онъ показывалъ имъ свой садъ, кошорой былъ *въ Англійскомъ вкусѣ*; по еспь, въ немъ ни одно дерево не было обрѣзано; въ маленькихъ аллеяхъ можно было сучьями выцарапать себѣ глаза, перну дана была полная свобода распи, два или три смешанные пригорки назывались почпешнымъ именемъ *горь*, куча камней *развалинами*, вешкая изба *пустынною хижиною*, а рѣкою шинисное болошо, на кошоромъ сдѣлано было нѣсколько деревянныхъ мостиковъ. И шакъ видно, что въ семъ саду соблюдена была вся прощпша, какую необходимо должно соблюспи хозяину въ Англійскомъ саду, еспьли хочешъ онъ, чтообы его почипшали челоуѣкомъ разумнымъ, имѣющимъ вкусъ и голову изобрѣпашельную; шолько недошпавало въ немъ *каменной горы, храма и гробницъ*. Правда, что Г. Чвановъ и не мало гордился шакимъ прекраснымъ садомъ, дѣломъ рукъ своихъ. Онъ пришпивалъ себѣ всю славу, на кошорую имѣешъ право заводчикъ *истиннаго Англійскаго сада*. Онъ возшпавалъ прошивъ прямыхъ алей, партеръ и другихъ украшеній правильного сада, и думалъ, что его *пустыня и горы* будущъ навсегда памяшниками его изящнаго вкуса.

Елисавета и Катерина, опмѣнно полюбившія Софію съ того времени, какъ посредствомъ телескопа узнали добрую душу ея, прогуливались съ нею и пришли по помѣ къ ней въ комнацу. Тамъ нашли онѣ въ корзинахъ множество изщипанныхъ васильковъ; и какъ онѣ спросили у Софіи, на что ей сіи цвѣты, то она сказала имъ, что изъ нихъ дѣлается вода, копорая очень хороша для глазъ. Какъ! сказала Катерина: вы сами умѣете дѣлать ее? Это очень не мудрено, отвѣчала Софія. Она, сударыня, перервала ея Надзирательница, умѣетъ дѣлать и розовую воду. Изъ розъ же составляетъ она и хорошія краски, копорыми пишетъ цвѣты. Здѣсь на стѣнахъ видите все ея работу. — „Гдѣ же беретъ она зеленую краску?“, — Зеленую дѣлаетъ она изъ листочковъ. -- „Ахъ! это прекрасно.“ -- Она и многое дѣлать умѣетъ. Малиновой сокъ, копорой вамъ полюбился, и смородинной ягодникъ она же дѣлала. --- „Какъ бы хотѣла я сама это дѣлать!“ --- Вы пошчасъ узнаете, какъ все это дѣлать, сказала Софія: я вамъ все покажу. Вамъ не надобно будетъ кубиковъ и другаго тому подобнаго. — „И такъ мы будемъ дѣлать розовую воду и краски?“ ---

За-

Завтра, еспьли вамъ угодно. --- Тутъ обѣ сестры бросились обнимать Софію. По помѣ Надзирательница (которой не очень пріятно было, что Софія хотѣла научить гостей своихъ всему, что сама дѣлать умѣла) открыла ящикъ, подозвала Елисавету и Каперину, и сказала: вотъ этому, сударыни, не можете вы такъ скоро научиться. Посмотрите: подушечки, кошельки и все, что тутъ видите, все это шила молодая Госпожа моя — — И другія люди это дѣлать умѣютъ, перервала Софія: я люблю переменную работу, и мапушка своимъ примѣромъ приучила меня никогда не быть въ праздности.

Каперина, смотрѣвшая со вниманіемъ на все бывшее въ комнатѣ, увидѣла большой сундукъ, подъ постелею споявшій. Она спросила, что въ немъ лежало. Софія покраснѣла и отвѣчала, что въ немъ не было ничего примѣчанія достойнаго. Надзирательница засмѣялась и сказала ей: мнѣ бы не хотѣлось, сударыня, показывать, что вы говорите неправду; однакожь --- Сдѣлай милость, перервала Софія, не говори! — — Краска молодыхъ дѣвушекъ очень обманчива, продолжала Надзирательница: по ней ничего не угадаешь. Кто бы не подумалъ, увидѣвъ,
какъ

какъ покраснѣлась Гж. моя, что ешь, отъ чего ей краснѣться? однакожь — — — — —
., Сдѣлай же милость, говорю я,, — — — — —
Хорошо, я не скажу ничего, кромѣ того, что въ эшомъ сундукѣ лежишь также Софіино рукодѣліе, и мапушка бранила ее за то, что она нынѣ вспала въ пятомъ часу для окончанія эшой работы, копорую вчера помѣшалъ ей окончашь пріѣздъ Госпожи Добролюбовой. — Елисавета и Каперина послѣ сего спали болѣе любопытствовашь; а особливо Каперина, копорая бросилась Софіи на шею, жаловалась, что она *не имѣетъ къ нимъ довѣренности*, и всячески ее упрашивала, чтобы она показала имъ свою *прекрасную работу*, копорая лежала въ сундукѣ. Софія краснѣла, улыбалась, обнимала Каперину и не говорила ни слова. Надзирапельница, копорой неперпѣливо хопѣлось, чтобы сундукъ былъ отворенъ, сказала тогда: правда, что Софіи не надобно сказывашь — не надобно хвалишься — да она и дѣлала эшо пихонько, не пребуя ни у кого подмоги — и эшо гораздо похвальнѣе — но когда нибудь всякое дѣло выходитъ наружу. Я сама узнала эшо дни за чешыре передъ эшимъ, и шо не по ся волѣ. Исполните, сударыня, исполните

ните прозбу милыхъ вашихъ госпей. Увѣрю васъ, что онъ этова не расскажутъ. — Конечно, конечно, закричала Каперина. Я не могу имъ ни въ чемъ опказать, сказала Софія съ печальнымъ видомъ: однакожь, право, это не спойшъ того — — Позволеніе дано, перервала надзирательница, выпавивъ сундукъ на середину комнаты. Елисавета и Каперина потчасъ спали на колѣни, чтобы лучше все разсмотрѣть. Наконецъ надзирательница открыла сей тайнствен- ной сундукъ. Но какъ же удивились Елисавета и сестра ея, увидѣвъ, что сундукъ наполненъ простыми крестьянскими платьями! Вотъ шесть рубашекъ, сказала надзирательница: холстъ не тонкой, только шовъ мастерской. Вотъ три сарафана, два сборника, пять плашковъ, три передника, четыре пары чулокъ. А въ этомъ ящичкѣ лежатъ нитки, ножницы и наперстокъ. Вы удивляетесь, сударыни? Что вы объ этомъ думаете? — Елисаветѣ и Каперинѣ не трудно было отгадать, что Софія все сіе назначила въ подарокъ какой нибудь бѣдной женщинѣ; и хотя были онъ еще дѣши, однакожь почувствовали цѣну скромности Софиной, которая никакъ было не хотѣла удовле-

Часть XIII. No. 5. Д шво-

шворить ихъ любопытству. Будучи пронуты ея добродѣшелоу и спыдливымъ замѣшательствомъ, въ которомъ была сія добродушная дѣвица, бросились онѣ въ ея объятія. Чувствительная Софія обнимала ихъ съ жаромъ нѣжнѣйшей дружбы. Надзирательница плакала отъ радости и въ молчаніи разсматривала сію прогательную картину. Наконецъ сказала она, что сей сундукъ дѣйствительно назначенъ былъ въ подарокъ бѣдной старухѣ, о которой Софія уже болѣе мѣсяца имѣетъ попеченіе. Каперина, разспросивъ подробнѣе, узнала, что сія старуха была та, которую видѣла она въ телескопѣ. Наконецъ перервался такой пріятной разговоръ. Гж. Добролюбова возвратилась изъ саду и прислала звать къ себѣ дочерей своихъ. Софія, взявъ ихъ за руки, пошла съ ними въ залу.

Вечеру, возвратившись въ село Уединенное, Елисавета и Каперина рассказали матери все видѣнное и слышанное ими. Воспользуйтесь такимъ примѣромъ, любезныя дѣти! сказала Гж. Добролюбова: знайте, что самыя жестокосердыя люди бывающъ принуждены удивляться добродѣтели; а люди добросердечныя горятъ желаніемъ подражать ей. — „Ахъ, ма-
шущ-

пушка! будьте увѣрены, что мы станемъ подражать Софіи. Она безпрестанно что нибудь дѣлаетъ: и мы никогда не будемъ въ праздности. Во время отдыха спанемъ дѣлать розовую и васильковую воду, вышивать записныя книжки, шить подушечки и плащье для бѣдныхъ., — Не сказывала ли вамъ Софія, что она училась Ботаникѣ, и что совершенно знаетъ всѣ полевыя растенія и свойства ихъ? — „Нѣтъ, матушка: она очень скромна. Да гдѣ же было ей этому научиться?„ — Ее учитъ Господинъ Чудинъ, съ копорымъ она часто прогуливается, и копорой, какъ вы сами знаете, великой Ботаникѣ. Софія не пропускаетъ случая учиться; и когда Господинъ Чудинъ пріѣзжаетъ къ нимъ въ гости, всегда съ нимъ ходитъ по полямъ и спрашиваетъ о свойствахъ каждой травки — „Ахъ! если бы намъ пришла эта мысль въ голову, то мы бы уже много травъ знали; по тому что часто случалось намъ прогуливаться съ Господиномъ Чудинымъ., — Если бы мы сами болтать не любили, и умѣли бы пользоваться знаніями всѣхъ тѣхъ людей, копорыхъ видимъ, или съ копорыми живемъ: то люди научили бы насъ лучше книгъ, и ни кто бы не былъ намъ

въ шягось. На прим. Г. Сохинъ очень не забавной человекъ,, — О! самой скучной! — Онъ говоритъ только о Англійскихъ сохахъ, о большихъ десятинахъ. Эшо я очень зашвердила; по шому чшо эшо одно и слышишь отъ него, когда онъ бываетъ у васъ вгостяхъ.,, — Ты называешь его самымъ скучнымъ человекомъ; однакожь для меня онъ никакъ не скученъ. Я всегда говорю съ нимъ о земледѣліи; по шому чшо его знаетъ онъ совершенно и только имъ однимъ занимаешься. Я дѣлаю ему удовольствіе, говоря съ нимъ о любезномъ его предметѣ, и сама отъ него научаюсь. — „Для шого-шо вы и съ Господиномъ Милепомъ говорили все объ Анапоміи, когда онъ жилъ у насъ въ проѣздѣ свой въ Москву.,, — Да, я говорила съ нимъ объ Анапоміи, для шого чшо Г. Милепъ Докторъ. И такъ нѣтъ такого человекъ, отъ котораго бы не лзя было ни чему научиться, и котораго бы обхождение ни въ чемъ не было намъ полезно.

Послѣ сего говорили еще о Софіи, и Гж. Добролюбова не забыла сказать своимъ дочерямъ, что онъ очень дурно сдѣлалъ, просивъ неосшупно Софію показать шо, что она скрываетъ хопѣла. Она
дала

дала имъ почувствовать, что онъ во зло употребили Софіину къ нимъ любовь и сговорчивость ея, и что любопытство всегда бываетъ опасно. Да скажите мнѣ, друзья мои, продолжала Гж. Добролюбова: позволила ли вамъ Софія открыть мнѣ эту шайну? — „Позволила, мапушка, не сказавши ни слова.“ — Для того что она знаетъ всѣ дочернія должности; но если бы она была не такъ добросердечна и умна, и потребовала бы отъ васъ, чтобы вы объ этомъ приключеніи никому не сказывали: то что бы вамъ дѣлать? -- „Тогда — намъ бы не лъзя было говорить.“ -- Да не дали ли вы слова не сказывать о томъ никому, пока еще сундука не открыли? — „Дали, мапушка.“ — Только съ такимъ условіемъ было исполнено ваше желаніе. — „Мы не думали, чтобы надобно было договорить: *выключая матушку*. Это уже разумѣлось.“ — Во всякомъ договорѣ важны слова, а мысли ничего не значатъ. Вы конечно и сами чувствуете, что если бы послѣ заключенія договора можно было ссылаться на мысли, то никакое слово не было бы вѣрно, ни на что бы не лъзя было положиться. Вы обѣщали *никому* о томъ не сказывать, не *выключая*

и меня; слѣдственно безѢ Софіина согласія не лзябѢ было вамѢ повѣрить мнѣ этой шайны. И такѢ естѣли бы она нашо не согласилась, то что бы вы сдѣлали? — „АхѢ, машушка! — эшобѢ было намѢ очень неуряпно. Однакожь, чшобы сдержашь свое слово, намѢ бы должно было молчать.„ — А естѣли бы спала я васѢ по обыкновенію разспрашивашь; естѣли бы велѣла вамѢ обстоятельно разсказать, что вы съ Софією дѣлали, о чемѢ съ нею говорили? — „Мы — не знаемѢ, что вамѢ сказать.„ — Чшобы не открычь шайны, вамѢ бы надлежало меня обмануть, насказать мнѢ множество неправды. — „Нѣтъ, машушка! мы бы васѢ не спали обманывашь.„ — ТакѢ бы вы открыли шайну? — „Мы бы признались вамѢ въ нашемѢ проступкѢ; сказали бы вамѢ, что Софія ввѣрила намѢ шайну.„ — ТакѢ бы вы уже опчастпи не сдержали своего слова; а я могла бы еще подумать, что эша шайна не служитѢ къ чести Софіиной. — „Мы бы сказали, что она по одной своей скромности не хочешѢ, чшобы эшо открылось.„ — ТакѢ бы я все узнала. — „Правда, машушка, правда! намѢ бы должно было или васѢ обманывашь, или

не

не сдержать нашего слова. Мы очень неосторожны были. Впередъ мы никогда не будемъ въ такомъ замѣшательствѣ. Никогда уже не захотимъ знать шайны, не выпросивъ позволенія открыть ее вамъ; а если эпова намъ не позволятъ, то откажемся отъ повѣренности., — Такъ и должно; по тому что тотъ человѣкъ, которой захотѣлъ бы ограничить вашу ко мнѣ довѣренность, поступилъ бы противъ правилъ честности, и шайна его не могла бы вамъ принести никакой пользы.

Госпожѣ Добролюбовой надлежало писать много писемъ, и для того вечернія повѣсти еще не начинались. Петръ просилъ у матери своей позволенія читать Французской переводъ Илліады. Ты еще не въ такихъ лѣтахъ, отвѣчала Гж. Добролюбова, чтобы могъ чувствовать красоты эпова сочиненія; но какъ необходимо надобно прочитатъ эту книгу, чтобы разумѣть множество картинъ, то позволяю тебѣ читать ее — однакожь не во время отдыха. — „А для чего, мапушка?“, — Если со мною будешь ее читать, то лучше почувствуешь ея красоты, особливо погрѣшности. — „Да я знаю, мапушка, что Госпожа

Дасье сочинила къ Иллиадѣ свои примѣчанія; и такъ я спану ихъ читашь. „ — Миѣ бы очень непріятно было, естли бы ты самыя примѣчанія спалѣ читашь безѣ меня --- „Развѣ шупѣ естъ что нибудь нехорошее? „ — Я расскажу тебѣ нѣкошорыя приключенія, описанныя въ 6шой Поэмѣ; а по томѣ скажу, что говоришѣ о томѣ Госпожа Дасье въ своихъ примѣчаніяхъ. Адрасѣ, молодой Троянецѣ, сражался въ колесницѣ. Лошади его спали битъ, колесница изломалась, и Адрасѣ упалѣ на землю внизѣ лицемѣ. Менелай на него бросается и хочетѣ своимѣ копьемѣ пронзитѣ лежащаго и безоружнаго врага. Но Адрасѣ проситѣ, чтобы онѣ пощадилѣ его жизнь и обѣщаетѣ ему заплашитѣ за себя выкупныя деньги. Менелай щадитѣ его и хочетѣ его опослать на свои корабли; но вдругѣ подскакалѣ къ нему Агамемнонѣ и гнѣвно спалѣ укоряетѣ его, что онѣ такѣ сожалителенѣ. Не пощадимѣ Троянцовѣ, говоритѣ онѣ: умертвимѣ и самыхъ младенцовѣ. Такой мудрой совѣтѣ, говоритѣ Гомерѣ, перемѣнилѣ Менеласевы мысли. Онѣ соглашается на умерщвление Адраса. Агамемнонѣ пронзаетѣ его своимѣ копьемѣ. Адрасѣ падаетѣ; а Агамемнонѣ, спавѣ ногою ему

на

на горло, вышаскиваетъ изъ него свое копье (Книга VI). --- Скажи мнѣ, продолжала Гж. Добролюбова, каково поступилъ Агамемнонъ? Это ужасной поступокъ, опвѣчалъ Петрѣ: одинъ только злодѣй можетъ умертвить безоружнаго непріателя. — „Что же говоришь объ этомъ Гж. Дасье въ своемъ примѣчаніи? Гомеръ, говоришь она, хвалишь Агамемнонову жестокость; для того что жестокость бываетъ иногда столь же спасительна, сколь мяткосердіе бываетъ пагубно. Враги вѣроломные, каковы были Троянцы, не стоили пощады.„

Какъ, мапушка! Госпожа Дасье оправдываетъ этотъ поступокъ? — „Я думаю, что жестокость ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть похвальна; а какъ въ Иліадѣ найдешь множество пакихъ злодѣйствъ, копорья Госпожа Дасье всегда оправдываетъ, по я и боюсь, чтобы ты, читая одинъ эпю Поэму, не лишился опчасти сердечной нѣжности, копорая съ ужасомъ отвращается отъ безчеловѣчныхъ дѣйствій. --- „Какъ, мапушка! не уже ли Гж. Дасье не оуждаетъ нигдѣ варварства?„ — Нигдѣ, даже и самой подлости не оуждаешь. Долонъ, шпіонъ, пойманъ Улиссомъ и Ди-

омидомъ. Долоиъ проситъ, чтобы избавили его отъ смерти. Улиссъ обѣщаетъ сохранить его жизнь, естли онъ скажетъ все, что знаетъ. Послѣ такого увѣренія подлой Долоиъ рассказываетъ имъ все обстоятельно; но они были и сами такъ подлы и вѣроломны, что, не смотря на данное слово, лишили его жизни. Прочитавъ примѣчаніе, увидишь, что Гж. Дасье оправдываетъ такой гнусной поступокъ. --- Еще скажу примѣръ. Улиссъ, давъ Сокусу смертельную рану, ругается надъ нимъ, говоря, что у него не будетъ могилы, и что пожрутъ его хищныя пшицы, которыя на его трупъ будутъ между собою драться. Гж. Дасье не говоритъ ничего объ этомъ мѣстѣ; но въ другомъ случаѣ хвалишь она такія злобныя и варварскія насмѣшки — надъ кѣмъ же? Надъ врагами мертвыми. Гомеръ называетъ иныя насмѣшки жестокими; но Гжа. Дасье находить въ нихъ одно геройство. — „По этому, мапушка, у Госпожи Дасье было самое жестокое сердце? „ --- Никакъ; она была очень добросердечна. — „Такъ у нее не было разума? „ — Напрошивъ того, разумъ у нее былъ острой. — „Да какъ же могла она такъ думать? „ — Она со-

вер-

вершенно знала Греческой языкъ, и по тому лучше другихъ могла чувствовать красоты Илліады; но чувствованіе красоты превратилось у нее наконецъ въ пристрастіе къ Гомеру, и ей казалось уже и то красотою, что безпристрастному кажется погрѣшностію. — „Это доказываетъ, что ничего не надобно любить спростно, кромѣ добродѣтели, такъ какъ вы намъ говорили, мапушка; по тому что всякая спрость насъ ослабляетъ. Скажите, мапушка, какимъ образомъ во всю свою жизнь можно быть безпристрастнымъ?„ — Надобно въ сердцѣ нашемъ питать и утверждать то природное чувство, котораго никогда совсѣмъ испребитъ не возможно, то есть, *любовь къ истинѣ*; надобно беречься спростей. Тогда будемъ мыслить хорошо, видѣть ясно, рассуждать здраво и заключаать справедливо. Самымъ врагамъ будемъ тогда отдавать справедливость. Еслии они имѣютъ достоинства, признаемъ ихъ, и даже почувствуемъ великое удовольствіе, хваля въ нашихъ непріятеляхъ то, что подлинно хвалу заслуживаетъ. — „Это, кажется мнѣ, самое трудное. Признаюсь, мапушка, что я не почувствовалъ бы *великаго удовольствія*, хваля

хваля того, кто меня ненавидитъ., — Не уже ли ты не почувствовалъ бы никакого удовольствія, естли бы люди вообще спали хвалишь швой разумъ и сердце швое? — „Мнѣ бы это очень пріятно было., — И такъ я кладу, что ты уже не въ томъ щасливомъ возрастѣ, въ которомъ не имѣюшъ еще враговъ; кладу, что у тебя есть непріятель, которой тебя явно ненавидитъ. При тебѣ говоряшъ многое на его щетъ, и ты молчишь. По томъ начинаютъ уже явно бранить его. Всѣмъ дѣламъ его приписываютъ злыя намѣренія; перемѣняютъ обстоятельство, и смотрятъ на всѣ его поступки съ худой стороны. Непріятель швой имѣетъ дарованія, острый разумъ; но говорятъ, что онъ совершенной глупецъ. Тогда, будучи побуждаемъ *любовію къ правдѣ*, начинаешь ты съ жаромъ говоришь въ пользу непріятеля своего. Ты приводишь всѣхъ въ нѣкоторое изумленіе. Сперва слушаюшъ тебя съ недовѣрчивостію; сомнѣваются еще, чтобы ты говорилъ искренно. Остерегись! Надобно предлагать основательныя доказательства; надобно совершенно оправдать швоего непріятеля, а въ противномъ случаѣ почиташъ тебя лицемеромъ.

ромѣ. Но ты совершенно доказываешь справедливость своихъ положеній. Тогда на всѣхъ лицахъ изображается удивленіе. Всѣ внутренно тебя похваляютъ; ты заставляешь всѣхъ любить тебя. Непрiятель твой узнаетъ, чѣмъ онъ тебѣ обязанъ. Если не перестанетъ тебя ненавидѣть, то онъ чудовище. Но какъ же осмѣлился онъ поносить тебя? Обнаруживъ ненависть свою къ тебѣ, подвергнешся онъ всеобщему презрѣнію. — „Ахъ! какъ бы желалъ я теперь имѣть непрiателя, для того чтобы защищать и хвалилъ его!“, — Люби, мой другъ, люби всегда правду; отдавай справедливость всякому, и тебѣ будущъ отдавать справедливость. Любовь къ правдѣ приноситъ всегда хорошіе плоды.

„У васъ нѣтъ непрiателей, мамушка?“, — Ты увѣренъ, думаю, что я никому зла не желаю. — „Очень увѣренъ.“, — Религія и человеколюбіе не позволяли мнѣ никогда ненавидѣть людей; однакожь мнѣ сказывали, что у меня бывали непрiатели. — „Можно ли!“, — Только думаю, что никто не могъ на меня долго злобиться; по тому что всякая злоба мало по малу ослабѣваетъ и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ, если не да-
ютъ

юшѣ ей пищи. — „Ваши непріятели конечно васѣ не знаютъ.“ — Надѣюсь, что они перестали бы меня ненавидѣть, естли бы узнали сердце мое. — „Однакожь не лзя имѣ ничего дурнаго говорить о васѣ.“ — По крайней мѣрѣ не могутъ они называть меня дурною матерью, женщиною коварною; или почипать такую, копорая хвалился хорошими чувствами сердца своего, а дѣлами своими показываешь, что сердце ея совсѣмъ инаго свойства. Но оставимъ это.

Скажи мнѣ теперь, хочешь ли одинѣ чипать Илліаду? — „Нѣтъ, матушка, нѣтъ. Мнѣ сказали, что Илліаду позволяютъ чипать всѣмъ дѣтямъ, и что примѣчанія очень хороши; и для того-то просилъ я у васѣ эту книгу. Теперь же не хочу ее чипать одинѣ. Когда вамъ угодно, такъ буду чипать Илліаду и Одиссею съ вами вмѣстѣ; вы мнѣ скажете, что хорошо и что дурно.“ — Вообще не много такихъ книгъ, копорыя могъ бы ты одинѣ чипать безопасно. — „Пожалуйста мнѣ какую нибудь историческую книгу.“ — Ты чипалъ уже Милонову всеобщую Исторію: какую же теперь хочешь чипать? — „Я видѣлъ у васѣ въ кабинетѣ Исторію Мальшы: пожалуйста-

жалуйте мнѣ ее чипать., — Аббатъ Вершопъ Историкъ пріятной; однакожь его разсужденія не всегда справедливы и согласны съ правилами хорошей Морали. — „Такъ сами выберите для меня книгу, какую вамъ угодно., — Ты обѣщаль чипать всегда не скоро и съ размышленіемъ, и всякой вечеръ давай мнѣ опчешъ въ шомъ, что чипаль. — „Такъ, мапушка., — И пакъ я дамъ тебѣ чипать сокращеніе Англійской Исторіи; слоги этой книги ясенъ и хорошъ.

Черезъ два дни послѣ сего сказалъ Пепръ мапери своей, что онъ недоволенъ однимъ мѣспомъ въ той книги, которую она дала ему чипать. Что же тебѣ въ ней не полюбилось? спросила Гж. Добролюбова. — „Генрихъ V, говоритъ Историкъ, побилъ Французовъ при Азинкуртѣ, и взялъ ихъ такое множество въ плѣнъ, что для безопасности надлежало ихъ всѣхъ умертвить (*). Такую жестокость называетъ Историкъ необходимостію. Мнѣ кажется, что эпова никакъ оправдать не можно., — Госпожа Добро-

(*) Nouvel Abrégé Chronol. de l'Hist. d'Angleterre, T. I. pag. 75.

бролюбова обняла своего сына и сказала ему: ты читалъ не такъ, какъ ребенокъ; ты размышлялъ и совѣтовался съ разумомъ и сердцемъ своимъ. Чипая не такъ, не получишь отъ чпенія ни какой пользы. Что же скажешь о томъ сочиненіи, которое я теперь чипаю, и въ которомъ Фредегонда такъ изображается:

„Фредегонда была такъ велика, что
 „она имѣла право быть знашною, хопя
 „и въ низкомъ соспоянїи родилась. Она
 „одна изъ тѣхъ Героинь, которыми не
 „должно стыдиться низкаго своего рода.
 „Посредствомъ великаго своего духа имѣла
 „она почти неограниченную власпъ надъ
 „Шильперикомъ (*).„

Можно ли такъ говорить объ ужасной преступницѣ? — Можно ли подумать по этому изображенію, что Фредегонда была чудовище, спыдъ своего рода? — Сочинитель хвалилъ ее за ея хитрость. Она умѣла, говоритъ онъ, побѣдить всѣхъ враговъ своихъ; да какими средствами? Обманами и убійствомъ. Вся ея хитрость состояла въ томъ, что она

окар-

(*) Memoires Historiques-critiques et anecdotes de France, T. I. pag. 70.

окармливала ядомъ шѣхъ, копорыхъ боялась. Ты найдешь истинное изображеніе этой женщины въ исторіи Карла великаго, сочиненной Господиномъ Гальярдомъ. — Весьма опасно для дѣшей читать такихъ Историковъ, которые, не имѣя никакого понятія о добродѣтели, хвалятъ пороки и хотятъ извинять злодѣйства. И такъ я еще повторю, что надобно читать съ великимъ вниманіемъ и строго разсматривать положенія сочинителей. Такое разсудительное членіе просвѣтитъ разумъ и будетъ полезно для сердца; а наконецъ и никакая уже книга не будетъ для тебя опасна. Напротивъ того, еслии будешь читать безъ разсужденія, то нечувствительно войдетъ къ тебѣ въ голову множество ложныхъ понятій, и членіе, вмѣсто просвѣщенія и наученія, ослабитъ только твой разумъ, и даже самое сердце испортитъ можеть.

Своемысловъ, пришедшій звать Петра учиться, перервалъ сей разговоръ. Вечеру Гж. Добролюбова рассказывала слѣдующую повѣсть.

ПАМЕЛА.

Фелиса, единственно занимаясь воспитаніемъ двухъ дочерей своихъ, жила въ объятіяхъ любезнѣйшаго семейства, будучи всегда окружена одними своими родственниками и друзьями. Фелиса всякой день поздравляла себя съ благополучіемъ своимъ. Она любила всегда чѣмъ нибудъ заниматься, особливо же любила чтеніе. Нравъ ея былъ самой кроткой, сердце чувствительное. Не знала она ненависти, гнушалась мщеніемъ, умѣла любить. Дружба могла пребыть для нее всякой жертвы. Она искренно презирала тщеславіе и суешное щастіе.

Между шѣмъ дочери Фелисины начинали выходить изъ дѣтства. Камилла, старшая дочь ея, вступила на четырнадцатой годѣ, и Фелиса по обещанствамъ своимъ принуждена была выдать ее за мужъ. Она не могла оставить дочерямъ своимъ такого имѣнія, которымъ бы могли онѣ жить пристойнымъ образомъ. Замужство, со всѣхъ сторонъ выгодное, было предложено Камиллѣ. Фелиса должна была согласиться на такое предложеніе; однакожь она весьма живо чувствовала, какъ непріятно выдать дочь свою за мужъ

въ такихъ молодыхъ лѣтахъ. Такое несчастіе чувствительнѣе по тому, что оно должно имѣть вліяніе на всю жизнь четырнадцатилѣтней дѣвушки. Ея воспитаніе никакъ еще не окончалось, и навсегда уже остается несовершеннымъ. — „Да еслии эта дѣвушка умна, перервала Елисавета, то она и послѣ замужства будетъ такъ же слушаться своей матери; и такъ ея воспитаніе можетъ продолжаться. — „Надобно, чтобы она была очень умна, когда послѣ замужства спанетъ учиться съ такою же прилѣжностію, какъ и прежде. Сверхъ того надобно будетъ ей оставлять или по крайней мѣрѣ перерывать ученіе, когда мужъ придетъ къ ней въ комнату. — „А еслии мужъ будетъ самъ любить просвѣщеніе? — По крайней мѣрѣ страхъ не быть въ тягость мужу своему, и удовольствіе говорить съ нимъ, будутъ мѣшать великому успѣху въ ученіи. — Однакожь обратимся къ нашей Исторіи.

Камилла, черезъ нѣсколько времени послѣ своего замужства, опасно занемогла. Фелиса столько о ней безпокоилась, и столько ночей провела безъ сна, что ея здоровье ослабѣло, и даже по выздоровленіи дочери ея не могла она еще долго

оправиться. У нее болѣла грудь, и для того Доктора предписали ей пить Бристольскія воды. Она принуждена была оставить любезную свою Камиллу въ Парижѣ, въ рукахъ ея свекрови, а съ другою своею дочерью, Напальею, поѣхала въ Англію.

Фелиса не имѣла предосторожности нанять для себя домъ прежде своего пріѣзда. И такъ, пріѣхавъ въ Бристоль, должна была жить въ весьма нехорошихъ комнахахъ, тѣмъ болѣе безпокойныхъ, что онѣ только однѣми досками отгорожены были отъ другихъ комнатъ, въ которыхъ жила больная Англичанка, мѣсяца два не сходящая съ постели. Фелиса, совершенно знавшая Англійской языкъ, разспрашивала хозяйку о сосѣдкѣ своей, и узнала, что она умираетъ чахоткою. Она была вдова. Мужъ ея, молодой человекъ знашнаго рода, родителеми своими лишенъ былъ наслѣдства, женившись противъ ихъ воли. Умирая, не могъ онъ ничего оставить женѣ своей, кромѣ небольшой пенсіи по ея смерти: обстоятельство, прискорбнѣйшее для сей несчастной женщины по тому, что у нее была пятилѣтняя дочь, которая по смерти матери своей лишалась всякаго пропитанія. Хо-
зяйка

зайка заключила сію повѣсть похвалою Памелы (такъ звали пяшилѣшнюю дѣвушку), и увѣряла Фелису, что она отъ роду своего не видала такого любезнаго ребенка. Сія Исторія весьма пронула Фелису, и во весь потѣ вечерѣ говорила она съ своею дочерью о несчастной своей сосѣдкѣ и ея ребенкѣ.

Фелиса и Напалья легли спать въ два часа. Напалья была уже въ глубокомъ снѣ, а мать ея только что засыпая начинала, какъ вдругъ чрезвычайное движеніе, которое услышала она въ комнатѣ больной Англичанки, совсѣмъ прогнало ея сонъ. Она спала подслушивать, и услышала стонъ. Тогда, вспомня, что у Англичанки въ услугахъ были только двѣ женщины, Фелиса подумала, что ея помощь можетъ быть ей нужна. Она поспѣшно встала, взяла свѣчу и попихоньку вышла изъ комнаты, чтобы не разбудить своей дочери. Проходя черезъ переднюю комнату, разбудила она свою дѣвку и велѣла ей не отходить отъ Напальи; потомъ вошла въ коридоръ. Двери въ комнаты больной были отворены. Фелиса слышитъ рыданіе. Съ трепетомъ подходитъ она къ дверямъ. Вдругъ служанка Англичанки выбѣжала изъ другой комнаты

и со слезами вскричала: *все кончилось!* ее уже нѣтъ на свѣтѣ! — Боже мой! сказала Фелиса: а я шла къ вамъ предложить мои услуги! — Она только теперь духъ выпустила, опивчала служанка: Боже мой! что будетъ съ ея несчастною дочерью! У меня самой четверодѣшей: какъ мнѣ взять еще эту несчастную! — Гдѣ эшотъ ребенокъ? перервала Фелиса. — „Ахъ, сударыня! невинной младенцѣ не можетъ еще чувствоваться своего несчастія. Знаетъ ли еще бѣдная Памела, что такое и смерть! Она нѣжно любила мать свою — по тому что сердце у нее самое чувствительное — однакожь она покойно спитъ въ той же комнатѣ, гдѣ скончалась ее мать. — Фелиса затрепепала. Пойдемъ, воскликнула она, пойдемъ, вынесемъ несчастнаго младенца изъ такого ужаснаго для нее мѣста! --- Фелиса входитъ въ другую комнату. Чтобы подойти къ кровати Памелиной, надлежало пройти мимо постели несчастной Англичанки. Фелиса оспанавливаея. Проливая слезы, разсматриваетъ она умершую; попомъ упадетъ на колѣни и восклицаетъ: о несчастная мать! какъ горестны были послѣднія твои минуты! — Ты оставляла дочь свою безъ

защи-

защиты и безъ помощи! — Ахъ! я надѣюсь, что изъ объятій вѣчности можешь ты меня видѣть и слышать слова мои! — Дочь своя будетъ моею; только никогда не дамъ ей забыть ту, которая на свѣтѣ ее произвела; всякой день будетъ она со слезами молиться Богу за мать свою. — Сказавъ сіе, Фелиса встала и съ сердечною скорбію подошла къ кровати младенцевой. Отвернувъ занавѣсъ пре-
пещущою рукою, съ восхищеніемъ раз-
смапривала она красоту несчастной си-
роты, Ангельской образъ ея. Невинная
Памела была въ глубокомъ снѣ; подлѣ
постели умершей родительницы своей по-
койно наслаждалась она пріятностями сна.
Веселость, изображавшаяся у нее во всѣхъ
чертахъ лица, и пріятная улыбка ея, ни-
какъ не отвѣчали погдашнему несчастному
ея положенію. Какъ безопасно спитъ она!
воскликнула Фелиса: въ какія минуты,
и въ какомъ мѣстѣ! . . . Любезная сирота!
пробудившись, будешь ты щещно спра-
шивать мать свою! . . . Однакожь человѣ-
колюбіе даешъ тебѣ другую мать. Такъ,
ты будешь моею дочерью; въ сердцѣ
моемъ найдешь чувствительность, нѣжную
любовь матери! — Пойдемъ, продолжала
Фелиса, оборотившись къ служанкѣ: по-

моги мнѣ эту кровать перенести въ мою комнату. — Служанка съ радостію повиновалась, и Памела, не пробудившись, была съ кроватью перенесена въ комнату къ Фелисѣ. Между тѣмъ Наталья встала, будучи въ безцкойной неизвѣстности, побѣжала она на встрѣчу къ своей матери, которая, входя въ комнату, сказала ей: поди, Наталья! вопѣ тебѣ другая сестра, которую ты любить должна. Обѣщай мнѣ любить ее всемъ сердцемъ. — Наталья побѣжала къ кровати и спала на колѣни, чтобы лучше рассмотреть ребенка. Фелиса рассказываетъ ей кратко все приключеніе. Наталья проливаетъ слезы, слушая сію печальную повѣсть. Съ нѣжностію смотритъ она на Памелу, называя ее сестрою своею. Неперпѣливо ждала она наступленія дня, чтобы услышать ее говорящую, чтобы тысячу разъ обнять ее. Между тѣмъ надобно было еще лечь на постелю. Фелиса не могла во всю ночь сомкнуть глазъ: но можно ли пожелать сна тогда, когда воспоминаніе добраго дѣла не даетъ намъ заснуть?

Въ семь часовъ Фелиса встала. Какъ скоро открыли окна, Памела проснулась. Фелиса подошла къ ея кровати. Прекрасная сирота, увидѣвъ ее, казалась изумлен-

денною; но по томъ, посмотрѣвъ на нее пристально, улыбнулась и прощинула къ ней руки. Фелиса съ восхищеніемъ ее обнимала. Она вѣрила, что есть симпатія: такъ думаютъ обыкновенно всѣ чувствительныя сердца. Она была увѣрена, что Памелины ласки происходили отъ сей симпатіи. Она полюбила Памелу, едва увидѣвъ ее; но въ сію минуту любовь ея къ ней несравненно умножилась. Однакожь Памела скоро спросила, гдѣ ея мать. Имя матери, Памелою произнесенное, весьма тронуло Фелису. Матери своей, сказала она, здѣсь уже нѣтъ. . . Памела, услышавъ такой отвѣтъ, залилася слезами. Наталья хотѣла утѣшить ее; но Фелиса, вздохнувъ, сказала ей: пусть сердечная скорбь изливается у нее слезами! я хотѣла, чтобы она плакала. Подумай, любезная дочь о ея состояніи; я увѣрена, что ты со мною одно почувствуешь.

Когда Памелу одѣли, бросилась она на колѣни и вслухъ молилась Богу. Фелиса затрепетала, услышавъ ее говорящую: *молю Тебя, Боже мой, чтобы матушка моя была по прежнему здорова!* Не молись объ этомъ, сказала Фелиса: потому что матушка своя уже не больна. . . Не больна! воскликнула Памела: и

такъ благодарю Тебя, Боже мой! — Сердце Фелисино облилось кровію. Любезная Памела! сказала она: молись теперь только о томъ, чтобы Богъ со Святыми упокоилъ душу матушки твоей. Памела повторила сіи слова съ сердечнымъ чувствомъ. По томъ оборотилась къ Фелисѣ, и посматрѣвъ на нее съ невинною боязливостію, сказала ей: позвольте мнѣ еще помолиться Богу о томъ, чтобы я скорѣе съ матушкою увидѣлася! — Сказавъ сіе, увидѣла она, что глаза у Фелисы были наполнены слезами. Она вспала, бросилась ей на шею и горько плакала. — Въ самую сію минупу пришли сказать Фелисѣ, что ея карета готова. Она взяла на руки Памелу, и съвѣ съ Напальею въ карету, поѣхала въ Батъ. Въ Бристоль возвратилась она черезъ пятнадцать дней, и не хотѣвъ жить въ прежнемъ домѣ, наняла для себя нѣсколько комнатъ въ другомъ.

Любовь Фелисина къ Памелѣ всякой день умножалась. Небесная красота, чувствительность и благодарность сего ребенка восхищали ее: уже вкушала она сладкіе плоды своего благодаренія. Пробывъ въ Бристолѣ три мѣсяца, оставила Фелиса Англию и возвратилась въ Парижъ.

Всѣ

Всѣ ея родные съ радостію приняли Памелу въ свое семейство. Не лѣзя было, увидя ее, не почувствовать къ ней любви. Когда минуло ей семь лѣтъ, Фелиса разсказала ей исторію несчастной Англичанки, ея родительницы. Слушая сію печальную повѣсть, Памела проливала ручьи слезъ. Когда Фелиса перестала говорить, бросилась она къ ногамъ ея, и изъявляла ей благодарность свою въ такихъ прогательныхъ выраженіяхъ, какихъ едва ли бы можно было ожидать отъ чувствительной дватцатилѣтней дѣвушки. Такова была Памела; душа ея возвеличивалась совсѣмъ не по ея лѣтамъ. Когда она говорила о своихъ чувствахъ, тогда ея краснорѣчіе восхищало всѣхъ слушателей. Разумъ былъ у нее самой острой; когда ее спрашивали, отвѣчала она всегда коротко, ясно и основательно. Чувствительность сердца ея видна была во всѣхъ ея поступкахъ. Тысячу разъ видали Памелу, не зная, правильны ли были черты лица ея, или нѣтъ. При первомъ взглядѣ удивлялись Памелиной красотѣ, но не лѣзя было хвалить ее такъ, какъ другихъ, говоря: какой у нее прекрасной ротъ! какія губы! У нее были большіе черные глаза, длиныя черныя брови: но

нико-

никогда и ничего не говорили о глазах ея: говорили только о ея взорѣ. Она всѣмъ нравилась своею услужливостію, вниманіемъ, великодушіемъ, искренностію и простосердечіемъ. Въ ней соединялись такія свойства и пріятности, которыя весьма рѣдко соединяются. Она была нѣжна и вольна, весела и чувствительна, жива и кропка. Пероки Памелины происходили единственно отъ сей великой живости, которая хотя и никогда не превращалась у нее въ несносное неперпѣніе, однакожь дѣлала ее въ иныхъ случаяхъ весьма вѣпреною. Сіе объяснитъ примѣръ, которой покажетъ пріпомъ и ея кропость, почтение и любовь къ Фелисѣ. Памела по своей живости и вѣпрености часто теряла то, что ей давали. Когда ходила прогуливаться, сбрасывала съ себя головной уборъ, и всегда оставляла его на правѣ, убѣжавъ домой. Окончавъ работу, желаніе играть не дозволяло ей прибирать къ мѣсту своей работы, наперсіковъ, иголъ и прочаго; вскочивъ вдругъ, все роняла, и, не оглядываясь, убѣгала вонъ. Любовались, смотря на нее бѣгающую въ полѣ или въ саду; однакожь ей запрещали бѣгать и прыгать въ комнатахъ. Памела, сколь-

ни желала во всемъ повиноваться, всегда забывала сіе запрещеніе; всякой день обыкновенно падала она три или четыре раза, и у всякихъ дверей оставляла лоскутки своего платья и передника. Наконецъ, по многимъ прозбамъ, увѣщаніямъ и наказаніямъ, нечувствительна укрощалась въ ней такая необузданная живость. Фелиса всякое утро требовала у нее отчета во всемъ, что было у нее въ карманахъ, въ иглахъ, булавахъ, ниткахъ и проч. Такой ежедневной отчетности не мало пособилъ ей исправиться, то есть, отстать отъ порока небрежливости, производившаго у нее отъ вѣтрености. Однимъ утромъ Фелиса по обыкновенію обыскивала ея карманы, и не нашла у нее ножницъ. Она стала бранить Памелу, и спросила, гдѣ она потеряла ножницы. Увѣряю васъ, отвѣчала Памела, что ножницы не потеряны; я знаю, гдѣ ихъ найти. — „Да гдѣ же онѣ?“, — На полу въ сѣстрициной горницѣ. — „На полу? Да для чего же ты ихъ тамъ покинула?“, — Я шамъ была, матушка, пошла въ карманъ за платкомъ и выронила ножницы; въ ту самую минушу услышала, что вы звоните, и побѣжала къ вамъ. — „Не поднявъ съ полу

полу ножницъ?», --- Да, машушка, чтобы скорѣе васъ увидѣшь. — „Да, вишь ты знала, что, я спрошу ножницы, и стану тебя бранить, ешьли ихъ у тебя не будешь?», — Я объ этомъ не думала, машушка; я думала только о васъ, объ удовольствіи васъ видѣшь. — Памела, сказавъ сіе, покраснѣлась; глаза ея наполнились слезами. Фелиса посмогрѣла на нее пристально, а Памела еще болѣе покраснѣлась. Такая краска и невѣроятность сказаннаго Памелою заставили Фелису подумать, что она хочетъ ее обманывать. Поди съ глазъ моихъ, сказала ей Фелиса: я увѣрена, что ни въ одномъ словѣ своемъ нѣтъ правды — поди, говорю тебѣ! --- Памела зарыдала, упала къ Фелисинымъ ногамъ, и не говорила ни слова. Фелиса думала, что такой смиренной поступокъ значитъ признаніе, и выгнала ее отъ себя съ гнѣвомъ. Памела, не говоря ни слова, изъясляла свою горестъ одними вздохами и рыданіемъ. Фелиса была въ деревнѣ и пошла къ обѣднѣ. Она обыкновенно брала Памелу съ собою, а тогда приказала дѣвкѣ своей привести ее въ церковь. Фелиса, придши въ церковь, была прошивъ воли своей въ великомъ разсѣяніи, оборачивалась

дась часто къ дверямъ и наконецъ увидѣла пришедшую Памелу, у которой были глаза заплаканы и красны. Памела смиренно спала на колѣни на крыльцѣ. Дѣвка, съ нею пришедшая, сказала, что ей дурно стоять вмѣстѣ съ слугами, и чтобы она подвинулась впередъ. Печальная Памела отвѣчала ей тихимъ голосомъ: *я не достойна и здѣсь стоять.* Такое смиреніе пронуло Фелису; она подбѣжала къ себѣ Памелу, которая плакала отъ радости, ставъ подлѣ Фелисы. Послѣ обѣдни подошла къ Фелисѣ горничная дѣвка и сказала ей, что Памела ее не обманула. Какъ? перервала Фелиса. Она вамъ правду сказала, отвѣчала дѣвка: Памела просила меня итти съ нею въ Напальину комнату, и мы въ самомъ дѣлѣ нашли тамъ ножницы на полу лежащія. Любезная Памела! воскликнула Фелиса, ее обнимая: и ты терпѣла брань, ни мало себя не оправдывая? — „Вы, матушка, запрешили мнѣ говорить.“ — И ты упала передо мною на колѣни, и, казалось, просила прощенія! — „Мнѣ всегда надобно просить прощенія, когда матушка на меня сердится. Когда она меня бранишь, такъ я вѣрно виновата.“ — Да я понапрасну тебя бранила;

нила; я передъ тобою виновата. — —
„Нѣтъ, матушка, нѣтъ; вы моя благо-
дѣтельница и никогда не можете быть
передо мною виноваты.“ — — — Какъ
не любить такого ребенка, которой былъ
столько привязанъ къ своей благодѣтель-
ницѣ, оказывалъ ей такое повиновеніе,
былъ такъ кропockъ!

У Памелы съ семи лѣтъ начали бо-
лѣть зубы. Сверхъ того сдѣлалось у
нее въ нервахъ расслабленіе, и сія бо-
лѣзнь продолжалась болѣе года. Фелиса,
чтобы лучше смолчѣть за нею, клала ее
спать у себя въ комнату. Памела сна-
ралась скрывать болѣзнь свою, видя Фе-
лисино безпокойство. Ее мучила бессон-
ница. Фелиса часто просыпалась, брала
ее въ свои объятія, давала ей пить. Въ
такихъ случаяхъ Памела всегда проли-
вала слезы благодарности и просила Фе-
лису ложиться спать. Почивайте ма-
тушка, говорила она: вашъ сонъ мнѣ
нуженъ. Когда вы поживаете, тогда мнѣ
бываетъ гораздо легче.

Въ Памелѣ видны были и такія
добродѣтели, которыя обыкновенно бы-
ваютъ уже плодомъ здраваго разсудка.
Едва воспоминала она Англію, и любивъ
нѣжно Фелису, любила и Францію; одна-
кожь,

кожь, знавъ, что была Англичанка, любила она пользу своего опечества. Сія любовь была для неѣ шѣмѣ большею добродѣтелию, что ей никакѣ не лзя было думатьь когда нибудѣ возвращишья въ опечество и шамѣ жишь. Однажды (ей было тогда восемь лѣтъ) Фелиса писала, а Памела спокойно играла подлѣ ея сполы. У Французовѣ была тогда сѣ Англичанами война. Фелиса услышала пушечной выспрѣлѣ. Она переспала писать и сказала: вопѣ, можешѣ бышь, знакѣ побѣды, одержанной Французами надѣ Англичанами. Сказавѣ сие, посмопрѣла она на Памелу, и чрезмѣрно удивилась, видя, что она поблѣднѣла, по помѣ покраснѣла и попупила глаза. Въ сию минушу вошли въ комнашу люди и сказали, что кушанье на сполѣ поставили. Памела все еще была въ великомѣ замѣшательствѣ. Фелиса, хотѣвъ неопмѣнно узнать, что происходило въ Памелиномѣ сердцѣ, сказала: надобно освѣдомишья, для чего стрѣляли изѣ пушекѣ. Я все еще надѣюсь, что мы побили *Англичанѣ*. — Лишь только Фелиса сие сказала, Памела заплакала и бросилась къ ногамѣ ея. Ахѣ, матушка! сказала она: позволъше мнѣ плакать! Я люблю Французовѣ; однакожь

Часть XIII. No. 7. Ж Англія

Англія мое опечество. — Такое чувство, удивительное по ея лѣтамъ, весьма пронуло Фелису. Любезная Памела! воскликнула она: чистое и чувствительное сердце! ты любишь свое опечество, хотя разумъ твой еще и не созрѣлъ, хотя ты еще и не разсуждала о нашихъ обязанностяхъ въ разсужденіи опечества. Ты думала, что чувство, заставившее тебя проливать слезы о несчастіи Англичанъ, есть чувство порочное; но знай, другъ мой, что это самое чувство приводитъ меня въ восхищеніе. Питай эту нѣжную любовь къ Англіи, къ той землѣ, гдѣ ты родилася. Ты должна любишь Французовъ; однакожь не забывай никогда, что Англія есть твое опечество. — Сии слова оживили Памелу и наполнили ее радостію; и въ тотъ же еще вечеръ, ложась спать, въ молитву свою включила она слѣдующее: *Господи! сдѣлай, чтобы Англичане и Французы перестали другъ друга ненавидѣть, перестали другъ другу дѣлать зло.* При такой чувствительности нельзя было ей не быть искренно набожною. Будучи увѣрена, что Богъ всегда ее видитъ, слышитъ всѣ слова ея, всегда она искренно раскаявалась, сдѣлавъ какой чибудь

нибудь проступокъ, и проливала слезы. Но прежде своего покаянія передъ Богомъ, признавалась она Фелисѣ въ винѣ своей, разсуждавъ такимъ образомъ: можетъ ли Богъ простишь меня, естли я не буду имѣть довѣренности къ мадушкѣ моей? Всякой проступокъ несносно гнѣшетъ меня, пока она еще не знаешъ его. Я чувствую сладчайшее удовольствіе, когда открываю ей сердце мое. Можетъ быть мадушка меня накажетъ; однакожь она будетъ говорить со мною, спанешъ со мною разсуждать, похвалитъ искренность своей Памелы, будетъ меня цаловать, и ввечеру, когда приду къ ней прощатся, благословитъ меня еще съ большею нѣжностію. — Послѣ такого разсужденія Памела бѣжала броситься въ объятія своей мащери, которая нѣжными своими ласками всегда награждала ее за ея откровенность и чистосердечіе. Не могши разспаться съ Фелисою, и предпочишая удовольствіе бытъ съ нею всякому иному удовольствію, была она всегда у нее въ комнашъ, даже и тогда, когда Фелиса читала, писала, или играла на клавесинѣ, и сидѣла всегда тихо, бояся обезнокоить ее. Иногда вставала, подходила тихонько къ ней, и поцаловавъ у нее руку, садилась на прежнее

нее свое мѣсто. Часто кидала она свои игрушки, бросалась въ Фелисины объятія и со слезами говорила ей: ахъ, мамушка! вмѣсто игрушекъ я думала о васъ, о вашихъ благодѣянїяхъ . . . Упавъ къ ногамъ своей благодѣшельницы, обнимала ее колѣни, омочала ихъ слезами, и съ живымъ чувствомъ благодарности вспоминала все, чѣмъ была ей обязана.

Всѣ знавшіе Памелу думали, что достоинства такого любезнаго ребенка съ лѣтами будутъ только умножаться. Время доказало, что такое мнѣніе было справедливо. Памела на семнадцатомъ году имѣла всѣ знанія, какія только могутъ украшать разумъ женщины. Не было такого руководящаго, которому бы она не выучилась. Она совершенно хорошо шила, вязала филе и дѣлала всякія женскія украшенія; прекрасно рисовала цвѣты и съ опмѣннымъ искусствомъ играла на арфѣ, чему училась она съ особливою охотою: ибо учила ее тому сама Фелиса. Памела любила чтеніе, Натуральную Исторію, а особливо Бопанику. Весьма скоро выучилась она писать правильно и чисто, и слогъ ея былъ самой ясной. Имѣя такое нѣжное и чувствительное сердце, имѣла она и живое воображеніе; и что писала, по

по писала со вкусомъ. Пришедши въ лѣта, не лишилась она искренности и шѣхъ пріятностей, которыя имѣла въ дѣтствѣ своемъ: ласковости, невинной веселости и той привлекающей кропости, которая всѣхъ заставляла любить ее. А какъ въ младенчествѣ любила она бѣгать и прыгать, по спала отъ того весьма здорова; хотя была нѣжнаго сложенія и очень тонка, однакожь имѣла удивительную силу. Никто не могъ ее перебѣжать; она всѣхъ лучше танцевала, и походка была у нее самая пріятная. Доброе сердце ея придавало всѣмъ таковымъ пріятностямъ большой блескъ. Подобно Софѣ, часто попихоньку работала она для бѣдныхъ. Къ ней можно было отнести ту разумную похвалу, которую одинъ славной Сочинитель приписалъ несчастной Королевѣ, и вообще всѣмъ женщинамъ: *въ ней видны были тѣ пріятныя и добродѣтельныя свойства, которыя Философія велитъ приобретать женщинамъ, и которыя женщины отъ природы имѣютъ* (*).

(*) Mr. Gaillard; Supplément a l'Histoire de la Rivalité.

Наталя, которая была старше Памелы семью годами, жила уже нѣсколько лѣтъ въ большемъ свѣтѣ, и веселила Фелису своею къ ней любовію, хорошимъ поведеніемъ своимъ и доброю своею славою. Коротко сказать, Камила, Наталя и Памела, дѣлали Фелису совершенно щасливою. Сіе благополучіе было отчасти разрушено горестнымъ приключеніемъ. Молодая жена брата ея, Александрина, которая своими добродѣтелями, дарованіями и красою веселила все семейство, нѣсколько мѣсяцевъ была больна нѣкоторымъ разслабленіемъ, которое сперва не считали опасною болѣзнію. Александрина рѣшилась ѣхать на годъ въ южныя Провинціи. Фелисѣ горестно было съ нею разставаться, а особливо по тому, что и мать ея ѣхала съ нею. Сія мать, добродѣтельная и нѣжная, рѣшилась разстаться съ дочерью и сносить трудности долгаго путешествія, чтобы провожать больную Александрину, которой могла она присутствіемъ своимъ приносить пользу. Она опѣвжала съ радостною надеждою; но скоро невозвратно лишилась ее. Путешествіе умнѣшило Александрину, болѣзнь. Наконецъ жестокіе припадки приближили ее къ смерти. Фе-
 лиса,

лиса, получивъ отъ матери своей такую печальную вѣдомость, все еще старалась себя обманывать и уверять, что жизнь Александрины не въ опасности; но скоро получила отъ нее другое письмо такого содержанія:

И З Ъ Н * * *

Сентября . . . 1782 года.

„**О**на еще жива! . . . Но, можетъ быть,
 „ въ самое по время, какъ ты по-
 „ лучишь сіе письмо Ахъ, любезная
 „ дочь! что будетъ съ несчастнымъ тво-
 „ имъ братомъ? . . . Что будетъ и со мною
 „ послѣ такого несчастнаго приключенія? . .
 „ А я отъ тебя за двѣсти миль! . . . Мы
 „ весьма несовершенно знали эту Ангель-
 „ скую душу, которую шеперь теряемъ.
 „ Въ покойной и тихой жизни не могла
 „ она показати высокихъ своихъ добро-
 „ дѣтелей. Ты не можешь вообразить
 „ себѣ ея твердости, благочестія, перпец-
 „ нія и того неописаннаго усердія, съ
 „ которымъ предается она въ волю Божию.
 „ Я обманывалась, писавъ къ тебѣ, что
 „ она не знаетъ своего состоянія; она
 „ еще въ Парижѣ знала, сколь опасна бо-

„лѣзнь ея. За шайну сказала она это
 „горничной своей дѣвкѣ, копорая нынѣ
 „сама увѣдомила меня обѣ этомѣ. Чшобы
 „облегчить нашу горесть, несчастная хо-
 „шѣла насѣ увѣришь, что по крайней
 „мѣрѣ она не терястѣ еще шой надежды,
 „копорой мы лишились; но вчера она
 „проговориластѣ. Мы были сѣ нею однѣ
 „вѣ комнашѣ. Послѣ завтра, сказала
 „она мнѣ, намѣрена я причаститься Свя-
 „тыхѣ Таинѣ: сдѣлайте мнѣ милость,
 „мапушка, приготовайтесь кѣ этому мужа
 „моего, чшобы онѣ не испугался. Послѣ
 „шого она была вѣ глубокой задумчивости,
 „Чшобы перервать ея размышленіе, спала
 „я говористѣ, и сказала, что нынѣ буду
 „кѣ тебѣ писатѣ. Казалось, что она
 „хотѣла мнѣ что-то сказать, но не
 „могла еще совсѣмѣ на то рѣшиться. Я
 „пожала у нее руку и спросила, не при-
 „кажестѣ ли она о чемѣ нибудь опи-
 „сатѣ кѣ тебѣ отѣ ея имени? *У меня*
 „*лежитѣ нѣчто на сердцѣ*, отвѣчала она,
 „*что меня очень беспокоитѣ. Вы знаете,*
 „*что на тринадцатомѣ году потеряла я*
 „*мать мою. Меня отдали вѣ монастырь.*
 „*Черезѣ нѣсколько дней пришла ко мнѣ*
 „*одна больная и бѣдная старуха, и ска-*
 „*зала мнѣ, что матушка моя. За два*
 „*года*

„года передъ своею смертію взяла ее на
 „свое содержаніе, и съ того времени поила
 „и кормила ее. Я со слезами обнимала
 „эту бѣдную старуху и общала ей да-
 „вать деньги на пропитаніе, что и дѣлала.
 „И такъ, матушка, сдѣлайте мнѣ ми-
 „лость, отпишите къ сестрицѣ, чтобы,
 „она по дружбѣ своей ко мнѣ взялась
 „имѣть о ней попеченіе. Юлія, дѣвка
 „моя, скажетъ вамъ, гдѣ ее найти. —
 „Однѣми слезами могла я ошвѣтспововать
 „на сіи слова. Съ прогательною призна-
 „пельностію цаловала она руку мою. —
 „Въ сію минушу любимая ея собачка,
 „Земира, которую ты знаешь, хотѣла
 „вспрыгнуть къ ней на постелю. Я взяла
 „ее къ себѣ на колѣни. Сестра твоя
 „наклонилась поцаловать ее. Бѣдная Зе-
 „мира! сказала она: матушка! вы любите
 „постельныхъ собачекъ: я дарю ее вамъ...
 „Одолжите меня, не отдавайте ее ни-
 „кому. — Ты конечно почувствуешь
 „цѣну такой попечительности. Гопо-
 „вись все оставишь, думая обо всемъ,
 „не забыть ничего! . . . Ей дваццать че-
 „тыре года; она была хороша, щасплива,
 „пользовалась доброю славою . . . и раз-
 „лучаясь навсегда съ любезнѣйшимъ су-
 „пругомъ, съ милымъ младенцемъ, со

„ всѣми друзьями и родственниками —
„ однимъ словомъ, умирая, бытъ споль
„ человеколюбивою, думашъ о судьбѣ бѣд-
„ ной и дряхлой старухи, которой была
„ она подпора; думашъ еще о такихъ ма-
„ лосяхъ, которыя бы у иной при самой
„ легчайшей болѣзни вышли изъ памяти;
„ думашъ даже о самой постельной соба-
„ чкѣ! . . . Ахъ! какъ не удивляшъся та-
„ кой твердоспи, такой героической бод-
„ рости! . . . Прости, любезная дочь!
„ Богъ съ тобою! — При семъ посылаю
„ къ тебѣ записку, гдѣ найти бѣдную
„ старуху. Я увѣрена, что для тебя
„ утѣшительно будетъ исполнить волю
„ умирающей: найди эту дряхлую жен-
„ щину и имѣть о ней попеченіе. „

Прочитавъ сіе письмо, Фелиса пош-
часъ приказала подвезти карету, и съ Па-
мелою поѣхала въ ту улицу, гдѣ жила ста-
руха. По фамиліи была она Бюска; но
во всемъ домѣ, въ которомъ она жила,
звали ее обыкновенно *добренькою ста-*
рушкою. Фелиса и Памела удивились и по-
чувствовали великую жалость, увидѣвъ ее.
Она была въ параличѣ; ноги и руки у нее
совсѣмъ высохли. Безмѣрно длинные пальцы
ея, въ которыхъ не видно было никакой
живости, казались совсѣмъ нечеловѣческими.

Лицо

Лицо ея было не отвращительно, однакожь ужасно сухо и блѣдно. Она не могла ни поднятъ, ни поворошить головы своей, въ такомъ состояніи была она уже болѣе десяти лѣтъ, но ни мало не потеряла памяти и разума. Она лежала въ большой горницѣ, порядочно прибравной и чистой. Подлѣ постели ея сидѣлъ проповѣдникъ весьма почтеннаго вида. Фелиса, вошедши въ комнату, сказала, что она Александринина сестра. Когда спаруха сіе услышала, то подняла глаза вверхъ и залилася слезами. Ахъ, сударыня! сказала она: ваша сестрица не чловѣкъ, а Ангелъ. Она еще очень молода, однако уже одиннадцать лѣтъ живу я милостию ея. Если бы вы знали, сударыня, какъ она обо мнѣ пеклась! — „Часто ли она у тебя бывала?“, — Прежде замужства ея, когда она еще не могла выходить изъ монастыря, всякую недѣлю три раза шаскалась я къ монастырской рѣшеткѣ. Она выпросила позволеніе пускать меня за рѣшетку, чтобы быть со мною въ одной горницѣ, и пощивала меня такимъ кушаньемъ, которое сама изготавляла. Она кормила меня изъ своихъ рукъ, и съ такою ласкою, что я безъ слезъ не могу объ этомъ

эпомѢ вспомнишь. Знаете ли, сударыня, какое было для нее самое большое наказаніе? Въспомни всякой брани, надзирательница говорила ей: *завтра не дадутъ тебѣ кормить старушку; я сама буду кормить ее.* Послѣ эпшова спановилась она такъ смирна, какъ овечка. Она всегда называла меня матерью, и пребывала отъ меня, чшобы я называла ее дочерью. А какъ бывало увижу, что надзирательница ею недовольна, то называю ее *сударынею.* Это ее такъ огорчало, что она заливалась слезами и прашивала прощенія у своей надзирательницы . . . Вы плачете, сударыни . . . А ешлы я расскажу вамъ все, что она изволила дѣлать для меня послѣ замужства своего, шакъ вы со мною еще болѣе поплачете. Можно ли подумать, чшобы шакая молодая и прекрасная барыня прѣзжала всякую недѣлю раза при кѢ бѣдной дряхлой старушкѢ и сживала у нее часа по два? Она привозила мнѣ бѣлье, всякіе плоды, пироги, и часто прочишывала мнѣ главы по двѣ изъ священнаго Писанія. Вы знаете, сударыня, какъ прекрасно она поешъ. Однажды я просила ее что иибудъ пропѣшь. Я знаю, отшвѣчала она, однѣ вздорныя свѣтскія цѣсни, кошорыя конечно не полюбятся
мой

моей матушкѣ; однакожь для себя выучу наизусть какія нибудь хорошія священныя пѣсни. Дней черезъ пять пріѣхала она ко мнѣ, и проѣла многія прекрасныя духовныя пѣсни, и пѣла такъ пріятно, какъ Ангелъ. Въ другой разъ привезла съ собою арфу, и болѣе часа на ней играла. — Но это еще не все, сударыня. Вы видите, въ какомъ я состояніи. Надобно вамъ еще знать, что чувствую чрезвычайную боль въ безобразныхъ рукахъ и ногахъ моихъ, и во всемъ тѣлѣ. Не проходишь недѣли, чтобы не было у меня спрашныхъ припадковъ . . . Я не смѣла бы, сударыня, и рассказывать вамъ эшова, естли бы оно не служило къ прославленію вашей сестрицы . . . Ахъ! говори, другъ мой! перервала Фелиса, проливая слезы: говори! — И такъ, сударыня, продолжала старуха, человѣколюбіе эшой Ангельской души такъ велико, что я принуждена была принимать отъ нее всякія услуги. На примѣръ, когда вы приказываете, скажу вамъ, что я чувствую чрезвычайную боль, естли мнѣ небрежливо обрѣзываютъ ноги; и для того всегда сама она это дѣлала. . . Вы знаете, какъ бѣлы и нѣжны руки ея; однакожь не знаете того, что такія пре-
кра-

красныя руки всякую недѣлю мыли ноги драхлой старухи. . . . Сказавъ сіи слова, старуха замолчала и опять залилася слезами. Фелиса и Памела были не въ силахъ говорить. Продолжалось молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ вошла въ горницу молодая дѣвушка, и спросила у старухи, не надобно ли ей чего нибудь. Старуха поблагодарила ее, а дѣвушка вышла вонъ. Послѣ того проповѣдникъ, сидѣвшій все подлѣ постели, сказалъ Фелисѣ: эта молодая дѣвушка, предлагавшая свои услуги нашей больной старухѣ, есть дочь ея сосѣдки. Всѣ сосѣдки, сударыня, любятъ ее: одна приходитъ къ ней работать, другая убираетъ ея комнату, третья приноситъ дрова и разкладываетъ у нее огонь въ каминѣ. Коротко сказать, милосердіе вашей сестрицы оживляетъ духомъ любви всѣхъ шѣхъ, кошорые живутъ въ этомъ домѣ. — Ахъ! сказала Фелиса: какими спасительными чувствами наполняется сердце мое! — Все слышанное вами, сударыня, продолжалъ проповѣдникъ, и предметъ, представляющійся глазамъ вашимъ — все это достойно удивленія. Если бы вы знали, сударыня, какъ эта несчастная женщина благочестива, какую имѣетъ она вѣру, съ ка-

кимъ

кимъ терпѣніемъ сноситъ всѣ болѣзни! . . . Она описала вамъ еще не всѣ свои муки. Это изсохшее и неподвижное тѣло покрыто ранами и нарывами. . . . Я не хочу разстрогать чувствительнаго сердца вашего Вы бы ужаснулись и запрестепали. — Несчастная! воскликнула Фелиса: не уже ли не лзя облегчить ея страданія? Не уже ли нѣтъ лѣкарствъ? — „Нѣтъ сударыня, человѣческое искусство не можетъ подать ей никакой помощи. Тѣмъ болѣе достойна она удивленія, что ни въ какой болѣзни не ропщетъ. „ — Можно ли! -- Такъ, сударыня, сказала спаруха: болѣзни мои переношу я не только съ терпѣніемъ, да еще и съ радостію. Да и чему шупъ удивляться? За минушнюю болѣзнь, перенесенную съ терпѣніемъ, наслаждаемся вѣчнымъ блаженствомъ. Награда будетъ соразмѣрна нашимъ заслугамъ. Какъ должно мнѣ благодарить Бога за то, что Онъ привелъ меня въ такое состояніе, въ которомъ могу я всегда угождать Ему, терпѣливо страдая — въ которомъ ничто не можетъ меня отвращать отъ Него, въ которомъ все заставляетъ меня думать объ одной вѣчности! . . . Какъ же любезны мнѣ мои болѣзни! Онѣ загладилъ пороки молодыхъ лѣтъ моихъ, очи-

шили

спили мое сердце, отвратили меня отъ всѣхъ ложныхъ благъ . . . Уже нѣтъ для меня міра; уже не можетъ онъ соблазнить, испорчить и погубить меня. Душа моя живетъ уже не въ здѣшнемъ мірѣ; а скоро будетъ она еще ближе къ Творцу своему. . . Боже мой! я слышу гласъ любви Твоей! онъ ободряетъ меня, повѣщаетъ мнѣ шептѣть безъ ропота и общается мнѣ за то вѣнецъ безсмертія! . . . Создатель мой! съ радостію Тебѣ повинуюсь, почитаю Твои утѣхи, благословляю судьбу мою, и состоянія моего не промѣняю ни на какое знатное и щастливое состояніе въ мірѣ. — Сія женщина произносила сіи слова такимъ твердымъ голосомъ и съ такимъ чувствомъ, что не лзя уже было почестъ ее больною и дряхлою; глаза ея, которые до того времени были покрыты пьмою, спали свѣтлы, и блистали въ нихъ чрезвычайной огонь. Фелиса и Памела слушали и разсмапривали ее съ восхищеніемъ. Могли ли вы думать, сударыня, сказалъ проповѣдникъ Фелисъ, чтобы въ такомъ состояніи она почитала себя щастливою? Что бы было съ этою старухою, благословляющею теперь судьбу свою, естли бы она не была Христіанка? Какъ бы

бы ужасно было ея состояніе, естли бы сомнѣвалась она въ вѣчныхъ истиннахъ, въ которыхъ шеперь увѣрено сердце ея! . . . Ахъ! что бы могъ отвѣчать ей безумной и злобной безбожникъ, старающійся развращать людей, естли бы она сказала ему: *ты хочешь лишить меня единственнаго утѣшенія, которое мнѣ остается и которое могу вкушать! ты хочешь всегогнунуть меня въ ужасное отчаяніе! . . . Жестокой! смотри, какъ страдаетъ тѣло мое; но сколь велика и моя твердость, терпѣніе и вѣра! Смотри, какъ тиха душа моя, и ужаснись твоего злобнаго ученія!*

По томъ Фелиса встала и простилась съ старухою, обѣщавъ ее часто посѣщать. Во весь шопъ день Фелиса и Памела говорили шолько объ Александринѣ и добродѣтельной старухѣ. Удивительно, сказала Памела, что шешушка не говорила съ нами никогда объ этой старушкѣ. Это самое, отвѣчала Фелиса, заспавляешъ насъ болѣе почитать ее. Вошъ свойство истинной добродѣтели. Когда одинъ разумъ заспавляетъ насъ дѣлать добрыя дѣла, тогда мы гордимся шѣми трудами, которыхъ онъ споятъ намъ; но когда дѣлаемъ добро по влеченію сер-

дечному, тогда, вмѣсто того, чтобы удивляться своей добродѣтели, думаемъ такъ: я не спою похвалы; я слѣдую только склонности и побужденію сердца моего. Видала ли ты, какъ скупые дарятъ? Въ такомъ случаѣ всегда старающіяся они показать всѣмъ людямъ щедрость свою; но въ самомъ дѣлѣ показываютъ свою суешность и неприличку дарить. Да и подлинно, подарки споятъ имъ такъ дорого, что можно нѣкоторымъ образомъ извинить ихъ щеславіе. Напроставъ того, посмотри, какъ просто дарятъ люди щедрыя, и какъ мало гордятся они своею щедростію. Обыкновенныя люди щеславятся своими добрыми дѣлами и весьма ихъ уважаютъ для того, что онѣ для нихъ прудны; но великія души не имѣютъ этой гордости, будучи всегда оживляемы любовію ко всякому добру. — Все, что вы говорили, мамушка, сказала Памела, заставляющъ любить скромность и никогда не хвалишься добрыми своими дѣлами; для того что такое щеславіе обнаруживаетъ низкую душу и малую любовь къ добродѣтели.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего разговора, Фелиса получила печальное извѣстіе

шіе о смерти своей невѣстки, которую она всегда нѣжно любила, но которую полюбила еще гораздо болѣе послѣ того, что бѣдная старуха о ней рассказывала. Хотя уже около трехъ мѣсяцевъ гошвилась она къ сему приключенію, однакожь погрузилась въ великую печаль. Она поѣхала къ старухѣ и вкусила печальное удовольствіе плакать вмѣстѣ съ нею, и слышать похвалы умершей.

Памела хотѣла у бѣдной старухи заступитъ мѣсто любезной и добродѣтельной Александрины. Она оказывала ей пакія же услуги, и всякую недѣлю обыкновенно бывала у нее по два раза. Уже около года исполняла она сію священную должность помогать спраждущему человечеству, какъ въ одно утро, когда она, стоя на колѣняхъ, мыла ноги больной старухи, отворилась дверь и вошелъ въ комнату человекъ лѣтъ въ пятьдесятъ, вида важнаго и благороднаго. Спустивъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился и со вниманіемъ разсматривалъ прогашельную каршину, представившуюся его взору. Памела, наклонившись, обтирала старухины изсохшія ноги; длинныя волосы ея висѣли у нее по лицу и почти до половины закрывали его. Шумъ, произ-

3 2 вден-

веденной приходомъ незнакомаго, заспавилъ ее оглянувшись. Увидѣвъ его, она пришла въ замѣшательство; скромной румянецъ покрылъ ея щеки и придалъ большій блескъ красотѣ ея. Она оборотилась къ провождавшей ея служанкѣ, Англичанкѣ, и дѣлала ей на Англійскомъ языкѣ выговоръ, что она не заперла двери. Когда она перестала говорить, незнакомой въ восхищеніи сказалъ по Англійски: *Слава Богу! этотъ Ангелъ моя единоземка!* — Памела была въ великомъ изумленіи, и ея смятеніе еще умножилось, когда незнакомой подошелъ къ ней, взялъ стулъ и съ важностію сѣлъ противъ нее. Когда она одѣвала старухины ноги, чтобы ошойти отъ нее, незнакомой сказалъ: кто не видалъ такой каршины, тотъ не можетъ знать, какое впечатлѣніе въ чувствительномъ сердцѣ могутъ сдѣлать прелести добродѣтели. --- Сказавъ сіе, незнакомой замолчалъ и пристально смотрѣлъ на Памелу. Онъ погружился въ такое глубокое размышленіе, что никакъ не примѣчалъ великаго замѣшательства и изумленія, производимаго его присутствіемъ. Наконецъ Памела вспала, простилась съ спарухою, и поклонясь низко незнакомому, вышла поспѣ-

поспѣшно вонѣ, оставя Англичанина одного съ больною. Черезъ нѣсколько дней послѣ сего приключенія, Памела пріѣхала опять къ старухѣ, которая сказала ей, что незнакомой пробылъ у нее около часа и разспрашивалъ ее объ ней; что онѣ хотѣлъ знать имя ея, и къмѣ она воспитана. Въ потѣ же еще вечерѣ получила Фелиса письмо, которое она показала Памелѣ, и которое было такого содержанія:

Милостивая Государыня!

„Осправляясь въ Англію, не могу я
 „уѣхать не сказавъ вамъ, хопя черезъ
 „письмо, того, что нынѣ весьма меня
 „занимаетъ. Вы по великодушію своему
 „воспитали Англичанку, бѣдную сироту,
 „и воспитали ее какъ родную свою дочь.
 „Любезная Памела дѣлаетъ честь своему
 „отечеству. Всякой Англичанинѣ, любя-
 „щій честь Англіи, долженъ любить и
 „Памелу — любить ее, радоваться ею,
 „и благодарить васъ, вкоренившую въ
 „сердцѣ ея правила испинной добродѣ-
 „тели, или возраспившую въ ней по
 „добро, съ которымъ родилась она. И
 „такъ изъясляя вамъ мою благодарность,

„увѣряю васъ, что во всю жизнь буду
 „почитать ваши добродѣтели. Мнѣ
 „пятьдесятъ лѣтъ, сударыня; и такъ
 „ничто не мѣшаетъ мнѣ сказать вамъ,
 „что добродѣтельной поступокъ Памелы,
 „которому за нѣсколько дней передъ
 „симъ былъ я очевидной свидѣтель, про-
 „извелъ во мнѣ нѣжнѣйшую къ ней лю-
 „бовь. Прекрасная Памела, споящая на
 „колѣняхъ и моющая ноги дряклой спа-
 „рухи, никогда не выдѣтъ изъ моей па-
 „мяти. Мнѣ сказали, что у нее есть
 „въ Англии родственники, которые отъ
 „нее отказались: откройте же мнѣ тайну
 „ея рода; а я обещаюсь служить ей съ
 „такимъ усердіемъ, какое только можно
 „ожидать отъ нѣжнѣйшаго отца.»

Имѣю честь быть, и проч.

Чарльсъ Лресби.

Ахъ, мамушка! сказала Памела, про-
 читавъ сіе письмо: сдѣлайте милость,
 не сказывайте обо мнѣ ничего этому Ан-
 гличанину. Въ васъ нахожу я все. Не
 увѣдомляйте обо мнѣ моихъ родственни-
 ковъ, которые меня совсѣмъ оставили.
 Я ваша: и такъ не совершенно ли щасп-
 лива Памела? — Однакожь, другъ мой,
 есть-

если бы нашлись твои родственники, то бы ты имела имя, получила имение „Вы называете меня своею дочерью; вы позволяете мне всю жизнь мою посвящать вам: чего же мне еще желать?„ — Позволь мне позвать к себе этого Англичанина. Признаюсь, что его любовь к дражайшей моей Памеле вселяет во меня желание с ним познакомиться. Он знает достоинства моей дочери: как же мне не почтись к нему? Обещаюсь не сказывать ему своего рода без твоего согласия. — С каким договором Памела согласилась позвать Англичанина. На другой день Г. Аресби пришел к Фелисе. После первых учтивостей, Г. Аресби возобновил предложение своих услуг, и усиленно просил Фелису открыть ему Памелину фамилию. Фелиса прямо сказала ему, что сама Памела того не хочет. Аресби вздохнул: Я теряю надежду быть ей полезным, сказал он печальным голосом. По крайней мере, сказала Памела, не сомневайтесь во моей благодарности. Без ужаса не могу я подумать ни о какой перемене во моем состоянии; по тому что во истинной любви великодушной моей благодетельницы на-

хожу я совершенное для себя щастіе, такъ что мнѣ не остается ничего желать. Однакожь ваше добродушіе меня прогаешъ и заставляешъ почипать васъ, государь мой. — Господинъ Аресби посмотрѣлъ съ нѣжностію на Памелу, потомъ оборотился къ Фелисѣ и сказалъ ей: я ѣду въ концѣ этой недѣли: могу ли надѣяться, сударыня, что вы мнѣ позволите иногда писать къ вамъ? — Фелиса обѣщалась вести съ нимъ переписку, и спросила, куда надписывать къ нему письма. Я уже не живу въ Лондонѣ, сказалъ Аресби, и часто переѣзжаю изъ мѣста въ мѣсто; но вы можете, сударыня, надписывать письма въ Лондонѣ, на имя Госпожи Сельвинъ, которая мнѣ ихъ будетъ доставлять. При имени Сельвины Фелиса и Памела пришли въ великое движеніе. Господинъ Аресби, смотрѣвшій на Фелису, примѣтилъ ея удивленіе, и спросилъ у нее, не знаетъ ли она Госпожи Сельвинъ. Мнѣ известна ея фамилія, отвѣчала Фелиса. Я одной съ нею фамиліи, сказалъ Аресби „Какъ?“, — Такъ, сударыня. Женившись на сиротѣ, надлежало мнѣ принять ея фамилію. Я уже десять лѣтъ вдовъ, и у меня нѣтъ дѣшей. — Нѣтъ ли у васъ брата?

брата? спросила Фелиса съ чрезвычайнымъ движеніемъ. Ахъ, сударыня! опвѣчалъ Аресби: у меня было ихъ двое, но я лишился ихъ. Госпожа Сельвинъ была за мужемъ за большимъ братомъ моимъ, которой давно уже умеръ; а другою „Другой?“, — Ахъ, сударыня! эштоу несчастной, будучи ослѣпленъ страстію, забылъ должность свою въ разсужденіи родителей, и былъ лишенъ наслѣдства. Раскаяніе и горесть сократили жизнь его. Несчастной отецъ нашъ скоро по смерти его лишился жизни. Я былъ тогда въ отсутствіи. Несчастныя приключенія продлили мое пупешество: въ Англію возвратился я черезъ чепыре года. Жена покойнаго брата моего умерла прежде моего пріѣзда. У нее осталась дочь, которую хотѣлъ я сыскать и воспитать какъ дочь свою. Женщина, взявшая ее къ себѣ, умерла; но мужъ ея сказалъ мнѣ, что несчастная сирота лишилась жизни скоро послѣ смерти своей матери. — Говоря сіи слова, Г. Аресби увидѣлъ, что Памела плакала, какъ она ни старалась скрывать слезы свои. Будучи удивленъ волненіемъ ея души и блѣдностію лица ея, смотрѣлъ онъ на нее съ великимъ движеніемъ. Фе-

лиса, бывшая въ такомъ же замѣшательствѣ, взяла у нее пренеющую руку и съ нѣжностію пожимала ее. Вдругъ Памела вспала и съ препеномъ подошедъ къ Аресби, сказала ему: мнѣ должно опкрыться брату опца моего . . . Боже мой! воскликнулъ Аресби, бросаь къ ней . . . Памела, пришедшая въ ужасъ, котораго она преодолѣть не могла, опступила назадъ и бросилась въ объятія къ Фелисѣ. Любезная мать! сказала она, проливая слезы: благодѣтельница моя! я принадлежу вамъ одной! не оставляйте меня, не оставляйте своей дочери! .. Если вы опкажешесь опъ меня, то я умру съ печали. -- Послѣ сихъ словъ почувствовала она великую слабость, глаза ея закрылись . . . она упала въ обморокъ. Фелиса, будучи внѣ себя опъ страха, омывала ея лице слезами, и не знала, что дѣлать. Памела скоро пришла въ себя и опворила глаза. Аресби, пожимая у нее руку, сказалъ ей: Памела! перестань страшиться и терзать сердце мое. Я не имѣю ни права, ни безчеловѣчнаго желанія вырвать тебя изъ объятій твоей благодѣтельницы; ты должна посвящать ей всю жизнь твою . . . Ахъ! если ты подлинно та несчастная Сельвинъ, о

копо-

копорой я сполько проливалъ слезъ, то найдешь во мнѣ друга, нѣжнаго опца, не могущаго потребовать отъ тебя никакой жертвы. --- Памела, услышавъ сіе, съ восхищеніемъ обнимала Фелису, и изъявляла свою радость и благодарность къ Господину Аресби съ пою пріятностію, съ пою чувствительностію, копорая всегда одушевляла ее. Фелиса принесла ящикъ, въ копоромъ лежали доказательствва Памелина рода. Господинъ Аресби прочиталъ письма и разныя бумаги, копорыя служанка Госпожи Сельвинъ опдала Фелисѣ. Сія женщина, получивъ тогда подарки отъ Фелисы и не хотѣвъ раздѣлить ихъ съ мужемъ своимъ, сказала, что Памела умерла, будучи увѣрена, что она никогда не покажется въ Англіи.

Г. Аресби, нашедши племянницу свою въ самой шой прекрасной дѣвицѣ, копорой добродѣтели сдѣлали въ сердцѣ его шакое глубокое впечатлѣніе, хотѣлъ, чтобы съ самаго того дня приняла она свою фамилію. Наконецъ любовь его къ Памелѣ возрасла до шакой степени, что онъ переѣхалъ жить во Францію. Памела достойна была его благодарній, любивъ его какъ опца своего. Она никогда

не разспавалась съ Фелисою, и стараніе угождать ей было для нее всегда первою и пріятнѣйшею должностію.

Госпожа Добролюбова, окончавъ свою повѣсть, замолчала. И какъ не пришло еще время ложиться спать, то начался разговоръ. Разсуждали о Исторіи Памелы; удивлялись характеру Героини, а особливо ея чувствительности; и признавали, что благодарность есть самая прогашельная добродѣтель. Долго говорили о добродѣтельной Александринѣ. Замѣтили, что она примѣромъ своимъ вдохнула въ Памелу любовь къ благодѣянію — любовь, бывающую всегда свойствомъ великихъ душъ. Наконецъ удивлялись пому щасливому вліянію, которое имѣло на судьбу Памелы благодѣяніе ея въ разсужденіи больной старухи, и силѣ Религіи, которая даетъ такія высокія добродѣтели, такое непоколебимое мужество, что столько лѣтъ сноситъ человекъ безъ роптанія самыя ужаснѣйшія болѣзни, какія только могутъ перзати бѣдное человечество (*). По

(*) Госпожа Биска, которая еще и нынѣ живешъ въ Парижѣ (въ Августѣ 1783)

По томѣ пошли спать. Нѣсколько дней не рассказывали никакихъ повѣстей; однакожь послѣ ужина проводили всегда нѣсколько часовъ въ разговорахъ. Пріятная луна освѣщала ночи. Всякой вечерѣ, вславъ изъ за-стола, прогуливались по саду и не выходили отсюда прежде десятого часа. Гж. Добролюбова показывала дѣтямъ красоту неба, усѣяннаго звѣздами. Сіе разсматриваніе скоро произвело желаніе имѣть понятіе о звѣздахъ; и познаніе небеснаго глобуса, о чемъ прежде совсѣмъ не думали, сдѣлалось вдругъ пріятнѣйшимъ предметомъ послѣобѣденныхъ упражненій. Особливо Пешрѣ учился тому съ опмѣнною прилѣжностію, и внутренно радовался, когда хвалили память его.

Гжа. Добролюбова скоро примѣшила его щеславіе и сказала ему: не уже ли забылъ ты Памелино разсужденіе о скромности? Правда, что оно относилось къ щеславію въ разсужденіи нашихъ добрыхъ дѣлъ; однакожь его можно отнести и къ той гордости, которая основывается

подлинно осьмнадцатъ лѣтъ находящаяся въ описанномъ состояніи.

ется на знаніяхъ и дарованіяхъ. Человѣкъ, подлинно просвѣщенной, никогда не щеславится своею ученостию; по тому что нѣтъ нужды выспавлять всѣмъ передъ глаза такого достоинства, въ которомъ никто не сомнѣвается, и котораго не лзя оспорить. Можно почитать себя разумнѣйшимъ человекомъ, будучи глупцемъ; и всякой, кто такъ заблуждается, знаетъ, что можетъ заблуждаться. Сіе сомнѣніе, сколь бы слабо ни было, производитъ въ насъ всегда нѣкоторое безпокойство въ разсужденіи мнѣнія другихъ людей, и заставляешъ насъ показывать всѣмъ, что мы умны и знающы. Однакожь въ самомъ дѣлѣ не лзя человѣку не знать, знающъ ли онъ или невѣжда. Кто въ самомъ дѣлѣ ученъ, тотъ увѣренъ, что не лзя опнять у него достоинства его; а когда какойнибудь безразсудной и назовешъ его невѣждою, то онъ менѣе всякаго въ такомъ случаѣ осердится. Ложныя обвиненія прогаютъ менѣе основательныхъ; по тому что легко доказать ихъ несправедливостъ. Вопшъ причина, для чего между такъ называемыми оспроумцами болѣе щеславія и подлиннаго педанпства (то есть, желанія блеспѣть), нежели между уче-

учеными. Полоученые, естли такъ ска-
зашь можно, помѣшаны на желаніи пока-
зывать себя учеными. Имѣя нѣкопорыя
легкія познанія, хопятъ всѣхъ увѣришь,
что имѣютъ знанія глубокія, и всячески
спараются искашь случаевъ обнаруживать
свою ученость. Помни, что это пше-
славіе свойственно однимъ посредствен-
нымъ умамъ, и что по тому же само-
любію, которое заставляешъ насъ пше-
славиться, не надлежало бы намъ того
дѣлать; по крайней мѣрѣ надлежало бы
хотя только *показываться* скромными.
Бываютъ люди умныя и несносно гор-
дыя; однакожь такіе примѣры рѣдки, да
и разумъ ихъ вѣрно не самой прои-
цательной. Скажу, что гордость есть
самой несноснѣйшій порокъ въ общежи-
тіи. Въ чемъ состоишь свѣтская наука?
Въ искусствѣ забывать самага себя, за-
ниматься другими, искашь случая обна-
руживать ихъ достоинства, показывать
желаніе имъ служить и нравиться, почи-
ташь и ласкашь ихъ; особливо же увѣ-
ряшь всѣхъ, что самага себя считаешь
ни за что: по тому что надобно изъ-
являшь великую благодарность при самомъ
малѣйшемъ къ намъ вниманіи и при обы-
кновенныхъ привѣтствіяхъ. Къ чело-
вѣку,

вѣку, копорой вѣ разсужденіи своего со-
споянія гораздо насѣ ниже, пишемѣ мы:
вашъ покорнѣйшій слуга. Всѣ обыкновенныя
привѣтствія отъмѣнно смиренны. Кому мо-
жемѣ приказатѣ, того просимѣ; на прим.
пожалуйте сдѣлайте, и проч. Прося о
бездѣлицѣ, говоримѣ: *сдѣлайте мнѣ ми-
лость* — *смѣю ли просить васѣ*, и проч.
Изобрѣташели всѣхѣ такихѣ обыкновеній
хотѣли сдѣлатѣ общежитіе пріятнымѣ и
заставишѣ каждого человѣка скрывать
свое самолюбіе. И такѣ заключимѣ изо
всего эпова, что пошѣ не знаешѣ *науки
жить*, кто показываешѣ свою гордость.
Но гордость есть такой порокѣ, копо-
раго скрывать не лзя. Голосѣ, ужимка,
глаза, лицо — все обнаруживаешѣ ее.
И такѣ, кто хочешѣ знашѣ *науку жить*,
кто хочешѣ бытѣ вѣ общежитіи пріят-
нымѣ, тому не надобно имѣтѣ гордости,
порока несноснаго, копораго скрывать не
возможно, и копорой доводишѣ насѣ до
великихѣ глупостей.

Да кто уменѣ, мапушка, сказалѣ
Петрѣ, пошѣ конечно можешѣ гордость
свою обуздашѣ такѣ, что никогда не сдѣ-
лаешѣ и не скажешѣ ничего смѣшнаго. —
Нѣшѣ, другѣ мой, отъвѣчала Гж. Добро-
любова: гордость совсѣмѣ занимъваешѣ
раз-

шить для ребенка рубашкѣ и пеленокѣ. Петрѣ взялъ на себя приказать споляру сдѣлать сундукѣ, въ которой бы положить все бѣлье, въ подарокѣ бѣдной женщинѣ приготавливаемое. Гж. Добролюбова одобрила ихѣ намѣреніе. Собрали все старое бѣлье въ домѣ и опдали его Елисаветѣ и Катеринѣ, которыя потчасѣ принялись за работу. Когда все приготовлено было, дѣти просили, чобы позволили имѣ самимѣ опнести все сіе къ бѣдной крестьянкѣ. Хорошо, отвѣчала Гж. Добролюбова: да какѣ вамѣ нести сундукѣ? до этой деревни будетѣ около двухѣ верстѣ. — „Мы, матушка, положимѣ сундукѣ на дрожки, сядемѣ на него и поѣдемѣ., — И это хорошо, сказала Гж. Добролюбова: а я пойду пѣшкомѣ и опнесу бѣдной женщинѣ рубли два денегѣ. Завтра, послѣ завпрака, туда опправимся. — Такое разположеніе привело дѣшей въ великое восхищеніе. Впрочемѣ какѣ и не радоваться, дѣлая дѣброе дѣло и имѣя случай проѣхать двѣ версты на сундукѣ!

Елисавета, Катерина, Петрѣ и Николай, были во весь потѣ день въ великомѣ движеніи. По крайней мѣрѣ дватцати

цать разъ посылали къ кучеру, чшобы онѣ на другой день поушру запрягѣ лошадь въ дрожки. Елисавета и Катерина уложили бѣлье въ сундукѣ, и раздѣлили его на двѣ части, чшобы работа ихѣ не перемѣшалась. Все перевязали лентами, и наклали ихѣ даже кусками, такѣ что лента было не менѣе бѣлья. На другой день дѣти проснулись прежде разсвѣта и съ великимѣ нетерпѣніемѣ дожидались пого часа, въ которой обыкновенно вспавали. Одѣлись опмѣнно скоро, позавтракали и пошли на крыльцо посмопрѣть, подвезли ли дрожки. Все было готово къ пущешествію. Вынесли сундукѣ и поставили его на дрожки; дѣти сѣли на него съ такимѣ гордымѣ видомѣ, съ какимѣ побѣдитель садится на триумфальную колесницу, и чувствовали въ сердцѣ своемѣ великую радость. Г. Добролюбова и Своемысловѣ пошли пѣшкомѣ подлѣ дрожекѣ, и дорогою разговаривали съ дѣтьми. Не смотря на великое желаніе прѣхать поскорѣе въ шу деревню, въ которой жила бѣдная крестьянка, дорога не казалась долгою. Разговоры были самые веселые. Дѣти пѣли и кричали, будучи побуждаемы къ тому своею матерью, которой никогда не была въ шя-

гость невинная радость ихъ. Издалека можно было слышать громкой смѣхъ, пѣсни и крикъ. Молодые крестьянки, бывшія въ полѣ, и пастухи сбѣгались смотреть на нихъ. Такимъ образомъ продолжалось путешествіе.

Когда подѣхали къ избѣ бѣдной крестьянки, дѣти перестали шумѣть; но радость умножилась. Въмѣсто побужденія къ смѣху и къ пѣснямъ, дѣти чувствовали въ сердцахъ своихъ пріятное тихое волненіе. Когда дрожки остановились у воротъ, Петръ и сестры его спали такъ тихо, какъ за четверть часа передъ тѣмъ были шумливы. Сошли съ дрожекъ. Два человека взяли сундукъ и понесли его въ избу, куда дѣти вошли прежде всѣхъ. Елисавета и Катерина раскрыли сундукъ и сказали бѣдной крестьянкѣ, чтобы она приняла отъ нихъ въ подарокъ сіе бѣлье съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ онъ дарятъ ее. Говоря сіе, чувствовали онъ въ сердцѣ своемъ необыкновенное радостное движеніе. Гж. Добролюбова дала ей нѣсколько денегъ. Бѣдная крестьянка, приведенная въ изумленіе такимъ неожиданнымъ благодѣніемъ, долго не могла сказать ни слова; наконецъ,

нецѣ, залившись слезами, бросилась целовать руки у добродушныхъ своихъ гостей, и благодарила ихъ съ такимъ жаромъ, что онѣ сами не могли отъ слезъ удержаться.

Возвращившись домой, говорили все о бѣдной крестьянкѣ. Гж. Добролюбова сказала дѣшьямъ своимъ: не забывайте никогда того удовольствія, копорымъ вы нынѣ наслаждались. Отъ чего спраши приваекапельны для человѣка? Безъ сомнѣнія отъ того, что онѣ выводятъ его изъ скучнаго бездѣйствія — для того, что производятъ въ немъ живыя чувства. Человѣкъ лучше хочетъ впастъ во множество заблужденій, спрадатъ и мучиться, нежели быть въ скукѣ. Однакоть спраши производятъ одно болѣзненное потрясеніе, или такія удовольствія, копорыя всегда смѣшаны съ безпокойствомъ, съ раскаяніемъ. Одна добродѣтель можетъ быть для насъ неизпошимымъ источникомъ истинныхъ удовольствій. Она болѣе всего можетъ насъ пронуть, произвести въ сердцѣ нашемъ сладостнѣйшее волненіе, привести насъ въ восторгъ. Вспомните, любезныя дѣши, по великое удовольствіе, копорое чувствовали сердца ваши, когда вы вздумали сдѣлать благо-

дѣяніе бѣдной крестьянкѣ; вспомните ту прилѣжность, съ копорою вы для нее работали, и то волненіе, вѣ которомъ вы были вчера — пріятную минушу выѣзда нашего — ту радость, копорую ощущали вы во всю дорогу — по движеніе, копорое почувствовали вы подѣѣжая кѣ избѣ бѣдной крестьянки — то восхищеніе, вѣ которое привела васѣ благодарность ея... и будьте увѣренѣ, что страсти никогда не производятѣ такой сильной радости, такого сладостнаго удовольствія. То удовольствіе, копорое чувствуемѣ мы упившись какою нибудь страстію, есть опасная мечта, копорая вѣ минушу исчезаетѣ; исчезнувѣ же, оставляетѣ вѣ душѣ ужасную пустоту, мучительное воспоминаніе и горькое раскаяніе. Напрошивѣ того радости, чувствуемая нами послѣ какого нибудь добраго дѣла, бываетѣ продолжительна и не можетѣ произвести никакихѣ худыхѣ слѣдствій. —

Послѣ сихѣ словѣ дѣти бросились обнимать мать свою, увѣряя, что ея разсужденіе сдѣлало глубокое впечатлѣніе вѣ ихѣ сердцахѣ, и что онѣ во всю жизнь будутѣ искать удовольствія вѣ одной добродѣтели. По томѣ Петрѣ просилѣ

у матери позволенія окрестить съ Елисаветою или Капериною того ребенка, котораго родишь бѣдная крестьянка. Ты еще очень молодѣ, сказала Гж. Добролюбова. — „Да я видалѣ, матушка, что дѣши въ мои лѣта бывающѣ крестными отцами.“ — Правда; однакожь надобно тебѣ знать, что крестной отецѣ обязывается имѣти попеченіе о крестникѣ своемѣ, долженѣ его научать и во всемѣ помогать ему; однимѣ словомѣ, любить его какѣ своего сына. — „Ахѣ, матушка! теперь я еще болѣе желаю быти крестнымѣ отцемѣ, потому что буду имѣти случай дѣлать добро.“ — Хорошо, я соглашаюсь. — А кто изѣ насѣ будетѣ крестною матерью? спросили вдругѣ Елисавета и Каперина. Эта честь принадлежишь старшей, отвѣчала Гж. Добролюбова: однакожь увѣряю тебя, Каперина, что и ты черезѣ годѣ будешь крестною матерью. — Послѣ сего всѣ были довольны; а чтобы сіе удовольствіе сдѣлать совершеннымѣ, то Гж. Правосудова въ слѣдующій вечерѣ начала рассказывать слѣдующую повѣсть.

ОЛИМПІЯ и ТЕОФИЛЬ.

На берегахъ рѣки Везеры, во Франціи, находится еще и нынѣ внутри Лимузеня старой замокъ, достошной примѣчанія по своей древности и прекрасному своему положенію. Онѣ окруженъ лугами, покрытыми всякимъ скотомъ, и построенъ на свѣсѣ холма, съ котораго видны рѣка и въ перспективѣ прекрасной городокъ Юзершѣ, которой въ семъ разстояніи составляетъ удивительной и пріятной видъ (*). Въ семъ уединеніи Баронъ Солины, бывший уже нѣсколько лѣтъ вдовцемъ, воспитывалъ сына своего, которой былъ у него одинъ и составлялъ все

(*) Сей городокъ построенъ на крупной каменной горѣ, у подошвы которой течетъ рѣка Везера. Каждой житель изъ дому или изъ саду всего видитъ течение рѣки, и каждой домъ, если посмотришь на него въ перспективѣ, покажется маленькимъ древнимъ замкомъ съ башенками и павильонами, покрытыми черепицею. Отъ Парижа до сего городка 109 миль. Городъ Лиможъ, лежащій на рѣкѣ Виеннѣ, въ 97 миляхъ отъ Парижа, есть главной городъ въ Лимузенѣ.

все утѣшеніе его жизни. Баронъ всю свою молодость прожилъ въ большомъ свѣтѣ. Будучи честолюбивъ, жилъ онъ въ семѣ уединеніи болѣе по нуждѣ, нежели по склонности. Разпочивъ часть имѣнія своего и потерявъ самыя первыя свои надежды, долгое время его обольщавшія, рѣшился онъ наконецъ оставить свѣтъ. Онъ жалѣлъ о немъ прошивъ воли своей, хотя говаривалъ о немъ всегда съ досадою. Досаду свою почиталъ онъ Философіею и думалъ, что очистилъ разумъ свой отъ всѣхъ предразсужденій; но въ самомъ дѣлѣ онъ обманывался. Однакожь Баронъ имѣлъ досхоинспва: онъ былъ чувствителенъ и нѣжно любилъ своего сына. Теофиль (такъ назывался сей ребенокъ) имѣлъ такое хорошее сердце и такой разумъ, что Баронъ надѣялся быть совершенно щасливимъ въ сынѣ своемъ. Близъ Баронова замка жила одна вдова, именемъ Эфразія, которая была искренная его пріятельница. Теофиль, явдѣвшій почти всякой день молодую Олимпію, племянницу Эфразіину, почувствовалъ въ сердцѣ своемъ сильную къ ней склонность, которую отецъ его примѣчалъ съ удовольствіемъ. Олимпія была бѣдная сирота; но Баронъ зналъ, что

Эфразія, не имѣвшая ближнихъ родственниковъ, хотѣла опдать ей все свое имѣніе. Олимпія была двумя годами моложе Теофіля. Когда ей минуло шестнадцатъ лѣтъ, Баронъ со всюю искренностію изъяснился съ Эфразією; и въ тотъ же день Олимпія и Теофиль узнали, что они соединяются бракомъ. Черезъ двѣ недѣли написали свадебной контрактъ. Эфразія обязывалась опдать все свое имѣніе племянницѣ, копорую она воспихала и любила, какъ дочь свою.

Теофиль, будучи внѣ себя отъ радости, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, назначеннаго для его брака. Щастіе его было совершенно. Онъ любилъ, и зналъ, что былъ любимъ: въ присутствіи его отца и Эфразіи призналась Олимпія, что его любитъ.

На канунъ того щасливаго дня, въ копорой Теофилю и Олимпіи надлежало навсегда соединиться, занемогла Эфразія; а черезъ четыре дни послѣ того Баронъ получилъ изъ Парижа письмо, въ копоромъ увѣдомляли его, что умеръ свойственникъ его, хотя весьма дальной, однакожь его однофамилецъ, и въ духовной своей опказалъ ему все свое имѣніе.

ніе. Сіе приключеніе, доставившее Барону великое имѣніе, принудило его немедленно ѣхать въ Парижъ. Не лзя было совершиться браку сына его прежде его отъѣзда. Эфразія была безъ памяти, и потому не могла подписать контракта. Теофиль, принужденной ѣхать съ опцемъ, былъ такъ печаленъ, что Баронъ для его утѣшенія неопступно просилъ нѣжную Олимпію писать письма къ Теофилю. Опецъ, говорилъ онъ, проситъ васъ о томъ; а нисѣть вы будете къ такому человѣку, которой будетъ вашимъ супругомъ. Олимпія, проливая слезы, обѣщала увѣдомлять Теофиля о состояніи своей пешки. Баронъ обѣщаль съ своей стороны пробыть въ Парижъ не болѣе шести недѣль, и въ шотъ же день съ Теофилемъ поѣхалъ.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Баронъ получилъ во владѣніе великолѣпной домъ и богатое наслѣдство. Домъ его шотчасъ наполнился множествомъ искреннихъ пріятелей, которые въ двѣнацать лѣтъ совсѣмъ было забыли его. Сперва Баронъ думалъ такъ: *одно богатство мое, одни мои обѣды и ужины привлекаютъ ко мнѣ сихъ энусныхъ льстецовъ.* Однакожь самолюбіе скоро его ослѣпило и увѣрило, что одеъ

досто-

достоинства его причиною той привязанности, которую имѣяи къ нему всѣ сии люди. Теофиль, переселившись вдругъ совсѣмъ въ новой для него свѣтъ, не наслаждался никакими удовольствіями, которыя всячески старались доставлять ему. Занимаясь одною Олимпіею, съ великимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ обѣщаннаго отъ нее письма; но ожиданіе его было тщетно. Наконецъ Баронъ получилъ изъ Лимузеня письмо, въ которомъ увѣдомляли его, что Эфразіи вѣтъ уже на свѣтъ, и что, не приходя въ память во всю свою болѣзнь, не сдѣлала она духовной; что несчастная Олимпія, не могшая быть по закону ея наследницею, не получила ничего изъ имѣнія теткы своей, кромѣ небольшой пенсіи, которую опредѣлили ей наследники, и которую едва ли можетъ она прокормиться; и что она рѣшилась жить въ монастырѣ, въ городѣ Тюль (*). Теофиль, получивъ такое извѣстіе, заключилъ

(*) Большой городъ въ нижнемъ Лимузенѣ, гдѣ сливается рѣка Салантъ съ Корезою, окруженной со всѣхъ сторонъ горами и пропастями; онъ во 114 миляхъ отъ Парижа.

налъ отца своего поскорѣе окончатъ дѣла свои и ѣхать въ Лимузень, говоря, что Олимпіино несчастіе умножаетъ его къ ней любовь. Баронъ, казалось, одобрялъ его чувства и обѣщалъ ему скоро выѣхать изъ Парижа. Теофиль тотчасъ написалъ къ Олимпіи самое прогашельное и нѣжное письмо, увѣряя ее, что прежде прошествія мѣсяца бросится онъ къ ногамъ ея. Онъ не удивлялся, что Олимпія въ первыхъ минутокъ своя горестіи не писала къ нему; но по прошествіи двухъ недѣль послѣ сего приключенія, не получая отъ Олимпіи никакого увѣдомленія, пришелъ въ великое безпокойство. Баронъ утѣшалъ его, увѣряя, что скоро окончатъ всѣ дѣла свои. Въ одинъ день, когда Теофиль былъ отменно печаленъ и сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, Баронъ пришелъ къ нему, и, съѣвъ прошивъ него, сказалъ ему съ важнымъ видомъ: я получилъ извѣстіе объ Олимпіи. Теофиль, приведенной въ восхищеніе сими словами, хотѣлъ схватить письмо, которое Баронъ держалъ въ рукѣ. Умѣръ свою неперпѣливость, сказалъ Баронъ: ты узнаешь не радость. — „Боже мой! не уже ли Олимпія больна?“, — Нѣтъ, она въ совершенномъ здоровьѣ; однакожь она тебя недо-

недостойна. — „Недостойна? . . . Кто! Олимпія? Нѣтъ, этому быть не лзя., — Послушай, что пишешъ ко мнѣ извѣстной тебѣ человѣкѣ, человѣкѣ чесной и правдивой. — Сказавъ сіе, Баронъ показалъ сыну своему руку и подпись одного Лимузенскаго дворянина, котораго свидѣтельство въ самомъ дѣлѣ не могло быть подозрительно. По помѣ прочиталъ онъ ту часть письма, которая касалась до Олимпіи, и была такого содержанія:

„Вы принуждаете меня быть совершенно искреннымъ. И такъ признаюсь вамъ, что извѣстная молодая особа ведетъ себя не весьма благоразумно и осужденно. Послѣ смерти теткы своей весьма хорошо вздумала она удалиться въ монастырь; но черезъ пятнадцать дней уѣхала отсюда къ своей пріятельницѣ, съ копорю прежде познакомилась въ Юзершѣ, и копорая, вышедъ за мужъ, живетъ въ маленькой деревенькѣ близъ Тюля. Сей пріятельницѣ нѣтъ еще двадцати лѣтъ, и по несчастію разсѣялись о ней весьма худые слухи, такъ что всѣ ее чуждаются. У нее есть братъ, молодой надмѣнной человѣкѣ, котораго общества надлежало бы убѣ-

,,галь

„гашь всякой дѣвицѣ, не копящей по-
 „дашь людямъ повода говорить о себѣ
 „дурно. Однакожь все сіе не можетъ еще
 „безчестить ее. Все увѣрены, что пле-
 „мянница добродѣтельной Эфразіи имѣ-
 „етъ честныя и швердыя правила. Не-
 „осторожной поступокъ ея приписыва-
 „ютъ только ея невинности, неопыт-
 „ности, и неизвинительному равноду-
 „шію опекуна ея, которой даетъ ей пол-
 „ную волю въ разсужденіи ея поступ-
 „ковъ. Между тѣмъ, милостивый госу-
 „дарь мой, я увѣренъ, что вашъ совѣтъ
 „въ семъ дѣлѣ уважится, и все будетъ
 „хорошо; вы же, гоповясь вступитъ съ
 „сею дѣвицею въ такую связь, имѣете
 „право подавать ей совѣты. Все будетъ
 „хорошо, говорю, естли она какъ можно
 „скорѣе возвратится въ монастырь; по-
 „тому что до сего времени ничего дур-
 „наго не примѣтили въ поведеніи ея,
 „кромѣ нѣкотораго легкомыслія и не-
 „осторожности, что все свойственны мо-
 „лодымъ людямъ, и что весьма проспи-
 „тельно, и проч.

Сердце Теофилево перзалось, когда
 онъ слушалъ сіе увѣдомленіе. Онъ чув-
 ствовалъ раждающуюся въ себѣ ревность,
 и брата Олимпіиной пріятельницы почи-
 талъ

шалъ за опаснѣйшаго совмѣстника своего. Однакожь скрылъ онъ безпокойство, его перзавшее, и показывалъ, что не сомнѣвается въ вѣрности своей Олимпіи. Это еще не все, сказалъ ему Баронъ: письмо, которое я читалъ тебѣ, писано человекомъ осторожнымъ, которой не все по сказываетъ, что думаетъ. Вотъ другое письмо отъ моего прикащика, которой пишетъ прямо, что у тебя есть совмѣстникъ; что Олимпіи не льзя не знать такой спраски, которая всѣмъ постороннимъ извѣстна; что она по видимому питаетъ эту любовь, живя въ домѣ у своей пріятельницы; и что этотъ молодой человекъ публично хвалился, будто Олимпія отдала ему всѣ свои письма. — Онъ жецъ! закричалъ Теофиль: я никогда не повѣрю, чтобы Олимпія была такъ вѣроломна. Она несполнна, съ холодностію сказалъ Баронъ: а вѣроломною назвать ее не льзя. Она не хочетъ тебя обманывать; она не отвѣчала ни на твои, ни на мои письма, давая тебѣ знать, что чувства ея перемѣнились. — Нѣтъ, перервалъ съ жаромъ Теофиль: я не дамъся въ обманъ. Олимпія невинна. Извергъ поноситъ честь ея, и мнѣ надобно за нее опомститься. Позвольте мнѣ ѣхать.

Я

Я не могу здѣсь жишь. Позвольте мнѣ изъясниться съ нею. Я хочу знать, что она скажетъ; хочу наказать дерзкаго, это чудовище, поносящее честь ея.

Говоря сіи слова, несчастной Теофиль проливалъ слезы. Чрезмѣрная горестъ его ясно показывала его ревностъ. Баронъ, которому не трудно было видѣть производившее въ сердцѣ его, казался сожалѣющимъ о несчастной участи его. Пошлемъ нарочнаго въ Тюль, сказалъ онъ: напиши съ нимъ письмо къ Олимпіи, а онъ привезетъ тебѣ отъ нее отвѣтъ. Еслили этотъ отвѣтъ тебя не удовольствуешъ, то позволяю тебѣ самому ѣхать. Теперь же прошу тебя подождать. — Теофиль согласился на сіе, хотя съ великимъ прискорбіемъ. Тотъ же часъ написалъ онъ преспранное письмо, въ которомъ уведомлялъ Олимпію о всемъ томъ, что о ней говорили. „Одно слово, писалъ онъ, можетъ тебя оправдать. Живи у своей пріятельницы, еслили тебѣ угодно; только скажи мнѣ, что ты готова вступить со мною въ священную союзъ, и я почту себя щастливѣйшимъ человекомъ.“

Баронъ одобрилъ сіе письмо и поспѣшъ отправилъ его. Черезъ восемь дней возвратился сей посланной, котораго Те-

офиль ожидалъ сѣ величайшимъ нетерпѣніемъ, и которой рѣшилъ судьбу его. Теофиль хотѣлъ ложиться спать. Вдругъ слышитъ на дворѣ голосъ посланнаго человѣка — шепчетъ и бѣжитъ къ своему отцу. Черезъ минуточку входитъ посланной. Привезъ ли отвѣтъ? спросилъ у него Теофиль сѣ великимъ движеніемъ. — „Привезъ, сударь.“ — „Подай скорѣе.“ — „Письмо не къ вамъ.“ — „Къ кому же?“ — „Къ бабюшкѣ.“ — Сказавъ сіе, посланной подалъ Барону ящикъ и письмо, и вышелъ вонъ. Что это значитъ? сказалъ Баронъ сѣ видомъ удивленія: чѣмъ бытъ въ этомъ ящикѣ? — Теофиль ничего не отвѣчалъ. Онъ шепеталъ и не смѣлъ понуждать отца скорѣе распечатать письмо. Помолчавъ около минуточки, Баронъ распечаталъ письмо и тихонько читалъ его. Теофиль, смотря на лицо отца своего, ужаснулся, видя на немъ изображеніе изумленія и неудовольствія. Боже мой! воскликнулъ онъ: что она къ вамъ пишетъ? — Любезной сынъ! отвѣчалъ Баронъ: вооружись твердостью. Но что я говорю! можешь ли ты сожалѣть о такомъ предметѣ, которой достоинъ всего твоего презрѣнія? — Теофиль

филь поблѣднѣлѣ и упалѣ вѣ креслы. Отецѣ подалѣ ему письмо. Увидя Олимпіину руку, залился онѣ слезами. Но что чувствовалѣ онѣ, читая слѣдующее!

„Нынѣ могу я по своей волѣ разполагать жизнь мою; и такѣ искренно скажу вамѣ, милоспивой государь, что только изѣ одного повиновенія хотѣла я вступитѣ вѣ такой союзѣ, которой бы никогда не сдѣлалѣ меня щаспливою. Сіе признаніе дѣлаетѣ насѣ обоихѣ свободными. При семѣ имѣю честь возвращать вамѣ нѣ подарки, которые пригудила меня принятѣ покойная моя шешка. Впрочемѣ будьте увѣрены, что я во всю мою жизнь буду васѣ почтывать, и остаюсь навсегда, и проч.

Олимпія.

Прочитавѣ сіе письмо, Теофиль сѣ минушу молчалѣ. Вѣ глазахѣ его видна была свирѣпость. По томѣ сказалѣ онѣ: я опмщу за себя! опмщу! — „Какимѣ же образомѣ?“, — „Какимѣ образомѣ? У меня естѣ совмѣспникѣ: онѣ долженѣ умереть. — „Правда, что у тебя естѣ щаспливой совмѣспникѣ; да какая тебѣ до него нужда? Не надлежитѣ ли тебѣ презрѣть и навсегда забыть та-

кую женщину, которая совѣмъ недостойна бытъ своею супругою? — Да, я презираю, ненавижу ее; мнѣ легко ее забыть. Меня бы самого презирашь надлежало, есѣли бы я могъ еще любить ее. Вѣроломная! подъ такими прекрасными чертами, подъ видомъ невинности и чистосердечія, скрываетъ такую злую душу! — „Еще повторяю тебѣ, что она тебя не обманывала; она чистосердечно признается, что тебя не любишь.“ — Она меня любила, и сама въ томъ меня увѣряла. Я увѣренъ, что она меня любила. Ее вѣрно обманули. Можетъ бытъ она въ заблужденіи Ахъ! есѣли бы я могъ съ нею видѣться, могъ поговорить съ нею! . . . Позвольте мнѣ ѣхать; позвольте мнѣ видѣть ее, говорить съ нею! — „Безразсудной! возьми опять это письмо, прочитай его въ другой разъ и постыдись такой спра-спы, которая тебя бесчеститъ.“ — Ахъ, бабушка! я не знаю самого себя Сожалѣйте обо мнѣ, управляйте мною! Предаюся совершенно въ вашу волю.

Баронъ и несчастной Теофиль всю ночь пробыли вмѣстѣ. Теофиль легъ на постелю уже въ день; но сонъ и успокоеніе не приближались къ постелѣ его. Вечеру

черу заперся онъ въ своей комнатѣ и не выходилъ къ отцу своему; для того что у него ужинало множество гостей. На другой день Теофиль былъ наединѣ съ Барономъ. Обѣщая ему позабыть Олимпію, говорилъ только о ней одной. Изображалъ ее чудовищемъ, достойнымъ всей ненависти его; а черезъ минушу старался извинить ее и хотѣлъ по крайней мѣрѣ сохранить къ ней нѣкоторое почтеніе. —

Въ самомъ дѣлѣ, бабушка, перервала Елисавета, я не нахожу, чтобы Олимпія заслуживала презрѣніе. Если въ самомъ дѣлѣ она никогда не любила Теофиля, то не лзя называть ее непостоянною. Сверхъ того Олимпія была бѣдна, а Теофиль былъ очень богатъ; она не хотѣла выйти за мужъ за такого человѣка, котораго, по ея мнѣнію, не могла сдѣлать щастливымъ. Мнѣ кажется, что она очень хорошо сдѣлала. — „Положимъ, что Олимпія подлинно никогда не любила Теофиля (что еще также не доказано); однакожь она сказала ему, что его любилъ: развѣ не приняла она его предложенія и не обѣщала навсегда съ нимъ соединиться?“, — Это правда; однакожь Олимпія сказала, что тетка принудила ее дать такое обѣщаніе.

щаніе. — „Естьли она уже рѣшилась изъ повиновенія выйти за мужъ за Теофіля, то и послѣ теткиной смерти не надлежало бы ей перемѣнять своего рѣшенія, помня, что честной человѣкъ не можетъ опстугнуть отъ слова своего. Естьли же она имѣла непреодолимое отвращеніе отъ Теофіля, то для чего же не сказала она шого тещкѣ своей? Для чего не попросила она отсрочки, или прямо не сказала, что не можетъ согласиться на такой союзъ? Къ тому же тетка не мать; власть, которую имѣла тетка ея надъ нею, не была та неограниченная власть, которую имѣетъ мать надъ своею дочерью. — Теперь — теперь я понимаю, что она была виновата. — „Помни, что ничто не можетъ насъ освободить отъ исполненія даннаго обѣщанія. Извиненіе: *я далъ это обѣщаніе противъ воли моея*, есть самое худое извиненіе, противное совѣсти, противное всѣмъ правиламъ честности. Коротко сказать, мы должны держать свое слово, хотя бы то стоило намъ и самой жизни. — Возвратимся къ нашей повѣсти.

Баронъ всячески старался разсѣять Теофілеву горестъ. Часо возилъ онъ его къ Виконсесѣ Лизбе, въ домъ зна-
тной

пной и пышной, въ которомъ собирались лучшія люди. У Виконшесы была семнадцатилѣтняя дочь, кошорой красоту выхвалялъ Баронъ съ великимъ восхищеніемъ. Но въ самомъ дѣлѣ не лзя было назвать ее красавицею, хопя нарядъ ея показывалъ, что она почишала себя такою. Она много говорила, часто смѣялась, хорошо танцовала. Извѣстно было, что ее многому учили; и пакъ гости, всякой день посѣщавшіе машь ея, имѣли уже причину говорить, что она разумна, учена какъ Невшонъ, и съ Лейбницею можеть поспорить о пресимуществѣ въ знаніяхъ. А красота ваша, говорили они ей, красота ваша несравненна. Но Теофиль не приписывалъ ей такихъ похвалъ. Онъ находилъ ее несвѣдущею, припворною, манерною. Ему несносны были принужденной смѣхъ и кокетство ея; особливо же тогда казалась она ему противна, когда онъ противъ воли своей воспоминалъ умные и прятные Олимпіины разговоры, въ кошорыхъ не примѣтно было никакого принужденія, никакого желанія нравиться.

Въ концѣ зимы Теофиль пошелъ въ службу и записался въ полкъ брата дѣвцы Лизбе; въ началѣ же весны поѣхалъ

сѣ своимъ Полковникомъ вѣ гарнизонѣ. Черезъ пять мѣсяцевъ возвратился онъ вѣ Парижъ, и былъ также унылъ, какъ и прежде. Однакожь Баронъ сѣ удовольствіемъ примѣшилъ, что онъ не говоритъ уже объ Олимпіи. Прошелъ цѣлой годъ послѣ того, какъ Теофиль выѣхалъ изъ Лимузеня. Черезъ восемь дней послѣ пріѣзда его изъ полку, Баронъ призвалъ его къ себѣ вѣ кабинетѣ и открылъ ему свое намѣреніе женить его на дѣвицѣ Лизбе. Теофиль прямо сказалъ ему, что имѣетъ непреодолимое отвращеніе отъ женитьбы, особливо же не можетъ перенести дѣвицы Лизбе. Баронъ со всевозможнымъ краснорѣчіемъ описывалъ выгоды союза, ему предлагаемаго. Теофиль слушалъ все сѣ холодностію и отвѣчалъ, что не можетъ изъ одного честолюбія вступить вѣ такую связь, отъ которой отвращается сердце его. Тогда Баронъ разсердился и сказалъ, что онъ далъ уже Виконтесѣ слово женить его на ея дочери. Теофиль, пришедши вѣ изумленіе и ужасъ, просилъ времени на размышленіе, чтобы пригошовиться къ союзу, споль прошивному его склонности. Не болѣе осьми дней дано было ему на размышленіе. Запершись вѣ своей горницѣ, Теофиль про-

велъ

велъ часть ночи въ размышленіи о своихъ обстоятельствахъ. Онъ привелъ себѣ на память всѣ шѣ похвалы, которыми Баронъ изъ давнаго уже времени осыпалъ дѣвицу Лизбе; шѣсную связь его съ ея фамилією, основанную прежде того времени, въ которое получено Олимпіино письмо. Множество другихъ обстоятельствъ приходило ему на мысль, которыя увѣрили его, что въ Бароновыхъ поступкахъ кроется хитрость, и что онъ и тогда намѣренъ былъ женить его на дѣвицѣ Лизбе, когда по видимому хотѣлъ совершить бракъ его съ Олимпією. Онъ находилъ тысячу причинъ къ подозрѣнію. Можетъ быть, думалъ онъ, перехватили и мои и ея письма; можетъ быть рассказали ей чтонибудь на меня, такъ же какъ мнѣ на нее рассказали.

Долго боялся онъ писать въ сердцѣ своемъ такія подозрѣнія, которыя спольбезчестили отца его; но чѣмъ болѣе размышлялъ, тѣмъ болѣе въ нихъ утверждался. И не могли сносить никакой мучительной неизвѣстности, рѣшился онъ въ слѣдующую ночь тихонько оставить домъ отца своего и ѣхать въ Лимузень, чтобы самолично объясниться съ Олимпією. Онъ совсѣмъ не зналъ Олимпіиныхъ

обстоятельствѣ, и около шести мѣсяцевъ не смѣлъ даже произносить и имени ея. Онъ претепалъ, воображая, что можетъ найсти ее за мужемъ. Но сей страхъ не могъ перемѣнить его рѣшенія. На другой день умѣлъ онъ скрыть отъ отца волненіе сердца своего. Онъ открылся въ предпріятіи своемъ одному пріятелю, копорой отпустилъ съ нимъ своего слугу. Въ два часа по полуночи ушелъ онъ тихонько изъ дому, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ по Лимузенской дорогѣ.

Онъ поѣхалъ прямо въ Тюль, куда и пріѣхалъ прежде еще захожденія солнечнаго. Остановясь въ пракширѣ, съ великимъ страхомъ спрашивалъ онъ хозяйку объ Олимпіи и къ несказанной радости услышалъ, что она не за мужемъ. Но сія радость гораздо уменьшилась, когда хозяйка сказала ему, что никто не сомнѣвается въ Олимпіиной любви къ брату ея пріятельницы; что она восемь мѣсяцевъ жила у нее; что сей молодой человѣкъ, копорому пожертвовала она самымъ выгоднымъ замужствомъ, не захотѣлъ на ней жениться; что Олимпія отъ отчаянія рѣшилась возвратиться въ монастырь; что монахини не захотѣли принять ея, и она уѣхала въ Юзершъ къ своему

своему опекуну, у котораго близъ сего города есть замокъ; что сей послѣдній поступокъ ея заставилъ всѣхъ людей думать о ней дурно: для того что опекунъ ея человекъ неженатой, ведетъ разпутную жизнь и держитъ у себя въ домъ одну безчестную женщину, съ которою Олимпія весьма подружилась. — Не смотря на сіе ужасное извѣстіе, Теофиль хотѣлъ непременно видѣться съ Олимпією, и немедленно поѣхалъ въ Юзершъ.

Ему указали дорогу къ замку Олимпіина опекуна. Человекъ съ лошадьми оставилъ онъ на постояломъ дворѣ, надѣлъ на себя епанчу, а на голову большую разпущенную шляпу и съ несказаннымъ страхомъ пошелъ къ Олимпіину жилищу. У воротъ сказали ему, что хозяинъ уже болѣе шести недѣль въ отсутствіи, и что въ замкѣ была одна Госпожа Дю Рошеръ (та женщина, о которой говорила ему прахширщица), да дѣвица Олимпія. Тогда было восемь часовъ по полудни. Теофиль прошелъ черезъ большой темной дворъ. Ему встрѣтилась служанка, которая проводила его въ Олимпіину комнату. Волненіе сердца его было такъ велико, что онъ насилу могъ спо-
яшь

яшь на ногахъ; и хопя весьма желалъ видѣть Олимпию, однакожь доволенъ былъ пѣмъ, что не нашелъ ее въ своей горницѣ, желая сколько нибудь успокоиться и припши въ себя. Служанка, которой Теофиль не сказалъ своего имени, пошла за Олимпією, а онъ оспался одинъ. Съ великимъ движеніемъ разсмапривалъ онъ всѣ окружающіе его предметы: Олимпійиъ клавишинъ, ея чернилицу, уборной сполникъ, а особливо чижика, въ клѣшкѣ сидѣвшаго. Онъ потчасъ узналъ сію ппичку, которую подарилъ онъ Олимпіи передъ отбѣдомъ своимъ. Бѣдная ппичка! сказалъ онъ: пы шла изъ моихъ рукъ, и Олимпія все еще тебя держитъ! . . . Сказавъ сіе, залился онъ слезами, отворилъ клѣшку, взялъ ппичку и прижалъ ее къ своему сердцу. Чижикиъ бился на шрепещущемъ сердцѣ его и ясно произнесъ слова: *я люблю Теофиля . . .* Сіи слова опозвались во внушренности Теофилева сердца. Пришедши въ изумленіе, не смѣлъ онъ повѣришь, чтобы ппичка подлинно произнесла его имя; но она еще два раза повторила: *я люблю Теофиля . . .* Теперь не могу уже сомнѣваться! воскликнулъ Теофиль: сама, сама Олимпія учила ппичку произносить сіи драгоцѣнныя слова!

Сколь-

Сколько разъ надлежало ей повторять ихъ! и при томъ не могла она думать, что я ихъ услышу! . . . Олимпія! дражайшая Олимпія! ты мнѣ никогда не измѣняла! Ты невинна! . . . Ты безъ сомнѣнія считаешь меня виновнымъ, и еще можешь любить меня — держишь эту пшичку, слушаешь ее Сказавъ сіе, Теофиль съ восхищеніемъ цаловалъ чижика и омочалъ его слезами, а пшичка, выученная произносить только при слова, билась у него въ рукахъ и швердила: я люблю Теофиля.

Вдругъ Теофиль запрепеталъ. Онъ услышалъ, что кто-то шелъ, и скоро узналъ легкую Олимпіину походку. Онъ бросается къ дверямъ — двери отворяются — входитъ Олимпія — Теофиль упадаетъ на колѣни. Чижикъ вырывается у него изъ рукъ, лепитъ на грудь къ своей Госпожѣ и произноситъ Теофилево имя. Олимпія закричала, хотѣла бѣжать; но Теофиль удержалъ ее. Блѣдная и шрепещущая, падаетъ Олимпія на стулъ; силы оставили ее, и она не можетъ произнести ни одного слова. Теофиль, лежа у ногъ ея, изъясняется однѣми слезами. Одна пшичка не лишается способности говорить и тысячу разъ швердитъ:

диптъ: я люблю Теофиля. Олимпія, бывшая въ замѣшательствѣ, въ безпокойствѣ, въ неудовольствіи, перервала наконецъ молчаніе и сказала слабымъ голосомъ: вѣрьте мнѣ одной: я должна васъ ненавидѣть, презираю; мнѣ надлежало забыть васъ — „Олимпія! не осуждай меня! выслушай меня!.. Я не жена тѣ, я вѣренъ: и меня и тебя обманули. Эпа драгоценная ппичка опкрыла мнѣ мое заблужденіе. Выслушай же мое оправданіе!.. — Чѣмъ же вы оправдаетесь въ томъ, что не опвѣчали на мои письма? — На свои письма? Я не получалъ отъ тебя ни одного письма, а болѣе дващцати писемъ писалъ къ тебѣ! —

Сіи слова совершенно разсѣяли Олимпіины сомнѣнія. Она была столь невинна, столь чистосердечна, что ее легко было увѣрить. Она залилась слезами, подняла глаза къ небу и сказала: Ахъ, Теофиль! естли ты не перемѣнился, естли ты любишь меня, то не спану ни на что жаловаться; забуду все, что я претерпѣла! — Сіи слова оживили Теофиля. Изъявивъ ей радость и благодарность свою, подробно рассказалъ онъ ей все свое приключеніе. Олимпія слушала его съ изумленіемъ. По томъ сказала

ему,

ему, что не имѣя ни друзей, ни родственниковъ, не у кого было ей пребывать совѣшавъ, и что она всячески старалась поступать во всемъ такъ, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ злословію; что она никакъ не почитала за неблагоприсойное ѣхать въ деревню къ своей пріятельницѣ, которая (неотступно ее просила жить у себя; что не имѣла никакой причины сомнѣваться въ честности своей пріятельницы; что живъ у нее въ деревнѣ, сидѣла всегда одна съ чижикомъ въ своей горницѣ, и не принимала никого, кромѣ одного родственника своей пріятельницы, которой подл. видомъ дружбы скрывалъ самое злобное намѣреніе; что она имѣла довѣренность къ сему человѣку и открывала ему свое беспокойство, не получая писемъ отъ Теофіля; и что наконецъ сказалъ онъ ей, будто Теофіль уже не любитъ ее, влюбясь въ дѣвицу Лизбе. Онъ показалъ мнѣ, продолжала Олимпія, многія Бароновы письма, которыя увѣрили меня, что только одна честь можетъ еще заставить меня жениться на мнѣ. Тогда рѣшилась я разсказать съ тобою навсегда; и не хотѣвъ по гордости своей открыть тебѣ истинныхъ моихъ чувствъ, написала то письмо, кото-

которое ты чиналъ. Угнѣшенная горестію, и думая, что себя ненавижу, возненавидѣла я и эту невинную ппичку. Я не могла безъ досады слушать того, чему прежде учила ее съ великимъ удовольствіемъ. Въ одинъ вечеръ открыла я окно и выпустила ее. Въ самую сію минушу, противъ моей воли, спало мнѣ ее жаль. Я покраснѣлась; но шараясь увѣришь себя, что люблю эту ппичку только для нее самой, вспала я въ полночь съ постели и открыла окно, надѣясь, что она опять прилепится ко мнѣ. Однакожь щещпно ждала ее, и всю ночь о ней проплакала. На другой день поутру пошла я въ садъ, сѣла на праву и спала плакашь. Вдругъ услышала тихимъ и жалкимъ голосомъ произнесенное имя Теофилево . . . Вообрази мое чувство! . . . Вошъ, Теофиль, одно радостное движеніе, которое почувствовала я въ твое отсутствіе! . . . Я нашла бѣднаго моего чирика на розовомъ кустѣ; онъ былъ въ жалкомъ состоянїи, весь дрожалъ, и кустъ покрытъ былъ его перьями. Я взяла его, и рѣшилась держать его до того времени, какъ услышу о своей женидѣбѣ. Никогда не хотѣла я съ шобою видѣться; но не смотря на то,

ош-

отказывала я всѣмъ свапавшимся за меня женихамъ, и не могла увѣришься въ сердце своемъ, чшобы ты могъ на комънибудь женишься. Я пакъ думала: онъ будетъ мучиться совѣстью; онъ не рѣшится женишься на той, которую мнѣ предпочитаешь. Я никогда не прощу его; я буду неупросима — Но для чего же мнѣ не держашь у себя чирика моего? Теофиль этого не узнаешь. Никто не увидитъ моей пшички; одна я спану слушаешь ее говорящую. --- Такимъ образомъ спаралась я доказатьъ себѣ, что могу никогда не разсваваться съ любезнымъ моимъ чирикомъ.

Шесть мѣсяцевъ прожила я у моей пріятельницы. Въ сіе время недостойной мой повѣренной открылся мнѣ, что меня любитъ и хочетъ на мнѣ женишься. Вдругъ почувствовала я отъ него отвращеніе, и сказала ему, чшобы онъ никогда не казался мнѣ на глаза. Въ отмщеніе свое сказалъ онъ мнѣ, что всѣ говорятъ обо мнѣ дурно, что пріятельницу мою почитаютъ разпутною женщиною, и думаютъ, что я влюблена въ брата ея. Я презрѣла такое увѣдомленіе, почитая его злословіемъ. Между тѣмъ спала я строго разсмапривать пѣступки моей пріятель-

ниці, и скоро глаза мои опкрылись. Я рѣшила съ возвратишься въ монастырь, копорой прежде по неблагоразумію своему оставила; но монахини, предубѣжденныя, прошивъ меня, не захошѣли меня принять. Усмиренная, обманушая, оставленная и ушѣшаемая одною моею невинностію, пріѣхала я въ эту деревню къ моему опекуну, чшобы посовѣтоваться съ нимъ въ разсужденіи разположенія моеи жизни. Намѣреніе мое было единственнo такое, чшобы попросить его пріискашь для меня мѣсто, гдѣ бы я въ тишинѣ могла провести жизнь мою; по тому что благоприспойносшь не позволяла мнѣ жить у холоспаго челоувѣка. Однакожь въ семъ случаѣ была я щаспливѣе, нежели думала. Пріѣхавъ сюда, нашла я опекуна моего собирающагося въ дорогу. Онъ представилъ меня родспвенницѣ своей, копорая пресперпѣла великія нещаспія и за нѣсколькo мѣсяцевъ передъ шѣмъ переѣхала жить къ нему въ замокъ. Онъ скоро уѣхалъ, обѣщавъ возвратишься по прошествіи двухъ мѣсяцевъ. Госпожа Дю Рошеръ (такъ называется родспвенница его) кажется мнѣ любезною и добродѣтельною женщиною. Она разсказала мнѣ свою исторію, копорая могла бы соспавить

прі-

пріятнѣйшій романъ; и я думаю прожить здѣсь все по время, которое она здѣсь пробудетъ. —

Олимпія перестала говорить. Разпроганной Теофиль нѣсколько времени молчалъ; по томъ вздохнулъ и сказалъ: ахъ, Олимпія! все наше несчастіе надобно намъ приписывать твоей невинности, твоему просердечію! . . . Самыя добродѣтели твои подали поводъ къ злословію, къ поношенію твоей чести; онѣ и себя ослабляютъ. . . На примѣрѣ, ты думаешь, что этотъ домъ честной, и нѣтъ никакой опасности жить въ немъ? — „Что же?“, — Любимая твоя пріятельница есть женщина негодная. — „Боже мой!“, — То, что я слышалъ о ней въ Тюль, подтверждено здѣшними жителями.

Дражайшая тетка! воскликнула Олимпія, проливая слезы: я оплакивала смерть твою, смерть матери и благодѣтельницы моей; но тогда не знала я всего несчастія моего . . . По безразсудности своей не знала я, какъ нуженъ мнѣ путеvodитель . . . Можно ли думать, что при самомъ непорочномъ намѣреніи потеряешь доброе свое имя и честь? . . . И такъ не лзя, чтобы любовь къ добро-

К 2

дѣте

дѣтели замѣнила опышность. — Ради Бога успокойся, перервалъ Теофиль: вспомни, что всѣ наши нещатпія окончались, что мы другъ другу вѣрны. Священнѣйшій союзъ насъ соединяетъ . . . „Твой родителъ хочетъ разорвать его; онъ не хотѣлъ, чтобы твои письма доходили до меня, а мои до тебя, и въ то время, когда я не лишилась еще добраго моего имени. „ — Не думай эпова, любезная Олимпія. Сперва хотѣлъ онъ только испытать любовь нашу, а по томъ повѣрилъ ложнымъ извѣстіямъ, и по тому былъ въ заблужденіи; но когда узнаетъ все то, что ты мнѣ сказала — когда услышитъ, какъ тебѣ дорогъ былъ и самой чижикъ мой, швердившій мое имя — тогда вѣрно онъ самъ будетъ просить тебя о исполненіи обѣщанія — обѣщанія соединиться со мною навсегда неразрывнымъ союзомъ, котораго неперпѣливо желаю по любви, благодарности и чести.

Легко вѣрятъ тому, чего желаютъ; особливо же въ такихъ случаяхъ бываетъ легковѣренъ молодой человекъ. Олимпія была увѣрена, что Баронъ, узнавъ свое заблужденіе, всячески постарается загладишь проступокъ свой. Будучи спокойна въ разсужденіи будущаго, занималась

ПОЛЬ-

только настоящимъ. Она не хотѣла
 оспаться у своего опекуна; но гдѣ же
 могла она прожить до того времени,
 какъ Теофиль изъяснитса съ опцомъ сво-
 имъ? Она знала только двухъ или трехъ
 пріятельницъ покойной пещки ея, съ ко-
 торыми не видалась уже послѣ смерти
 ея, и которыя, вѣроятно, не приняли
 бы ее къ себѣ въ домъ, будучи пред-
 убѣждены противъ нее. Въ Юзершѣ не
 было монастыря. Наконецъ рѣшилась она
 ѣхать на другой день въ Бривъ (*),
 жить въ шамошнемъ монастырѣ и ожи-
 дать извѣстія отъ Теофиля, коюрой въ
 послѣдній же день хотѣлъ ѣхать въ Парижъ.
 Теофиль выпросилъ у нее позволеніе
 прийти къ ней еще на другой день и
 уговориться съ нею напередъ обо всемъ.
 Возвратившись къ своему человѣку, услы-
 шалъ отъ него весьма непріятное извѣ-
 стіе. Онъ сказалъ ему, что пять или
 шесть человѣкъ, закрывающихъ лица
 свои епанчами, ходили вокругъ постоя-
 ялаго двора и разспрашивали пошхоньку
 хозяина.

К 3

Лишь

(*) Названной La Gaillarde, по причинѣ прі-
 ятности его положенія; отъ Парижа до
 него 118 миль.

Лишь только успѣлъ онъ разсказать сіе, Теофиль услышалъ шумъ. Вѣрно хотѣя меня взять и везти въ Парижъ, сказалъ онъ; схватилъ заряженные пистолеты и пошелъ къ дверямъ. Двери отворились, и Теофиль увидѣлъ Баронова управителя, котораго оставилъ онъ въ Парижъ. А! господинъ Дюмондъ! сказалъ Теофиль: ты вѣрно посланъ отъ башюшки за мною? Такъ, сударь, отвѣчалъ управитель, которой, увидя пистолеты, пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство. Не силюю ли намѣренъ ты взять меня съ собою? спросилъ Теофиль. — „Милостивой государь . . . я надѣюсь . . . что вы послушаешесь своего родителя . . . Впрочемъ . . . я не хочу знать отъ васъ . . . я присланъ съ Королевскимъ повелѣніемъ. „ — Я послушался бы и повелѣнія отца моего. Онъ приказываетъ мнѣ съ тобою ѣхать: хорошо, я поѣду; только напередъ надобно мнѣ видѣться съ тою особою, для которой я сюда пріѣхалъ. — „Милостивой государь, „ — Тщетно будетъ всякое возраженіе. — „Мнѣ вѣрно потчасъ васъ взять. „ — Я шебѣ сказываю, что мнѣ необходимо надобно побыть здѣсь нѣсколько часовъ; мнѣ надобно побывать въ замкѣ. Теперь одинадцать часовъ;

часовъ; ворота въ замкъ заперты, и всѣ спяшъ: я не хочу надѣлать шума, всѣхъ разбудить и привестъ людей въ страхъ. И такъ ночь пробуду я здѣсь, въ шакмѣ положеніи, въ какомъ шеперь меня видишь. Поутру пойду въ замокъ, гдѣ пробуду около часа, и по томъ поѣду съ тобою. — Башюшка вашъ будешъ очень недоволенъ., — Онъ конечно меня извинишъ. Я все беру на себя. Еслии шебъ угодно, можешь дожидаться меня здѣсь. Я не хочу бѣжать отъ шебя, и даю шебъ въ томъ честное слово.

Дюмондѣ, видя, что Теофиль твердо рѣшился не ѣхать въ этотъ день и не оставляшь своихъ писмолюбовъ, согласился ждать его. Онъ легъ спать въ той же комнатѣ за перегородкою; а Теофиль всю ночь проходилъ по горницѣ, размышляя о своемъ разговорѣ съ Олимпією. Какъ скоро стало разсвѣтать, Теофиль разбудилъ Дюмонда и сказалъ ему, чтобы онъ проводилъ его до воротъ замка, еслии не хочешъ опустить его одного. Дюмондѣ вздумалъ еще уговаривать его; но Теофиль былъ такъ твердъ въ своемъ рѣшеніи, что Дюмонду надлежало уступить. Взявъ съ собою двухъ человекъ,

пошелъ онъ издали за Теофілемъ, ко-
рой обѣщалъ побыть у Олимпіи не бо-
лѣе часа. Пришедши въ замокъ, Теофиль
услышалъ, что Олимпія вышла изъ дому.
Отъ замка было не болѣе четверти мили
до той церкви, гдѣ погребли Эфразію.
Олимпія уговорила сѣ Теофілемъ, что-
бы онъ пришелъ къ ней въ десять часовъ;
а разставшись сѣ нимъ, хотѣла она неме-
дленно ѣхать въ Бривъ. И пакъ, уда-
ляясь отъ окрестностей Юзерскихъ,
хотѣла она принести послѣднюю жертву
памяти пещки своей.

Не смотря на Дюмондовы возраженія,
Теофиль пошелъ туда, гдѣ была Олим-
пія. Вошедши въ церковь, оспановился
онъ въ дверяхъ и разсматривалъ Олим-
пію, которая была одна въ церкви и
стояла на колѣняхъ подлѣ Эфразіина
гроба, положивъ на него свою голову.
Сіе прогательное зрѣлище, святость мѣ-
ста, видъ церкви, въ которой, естли бы
не умерла Эфразія, Теофиль соединился бы
навсегда сѣ Олимпією. — все сіе сдѣ-
лало въ сердцѣ Теофілемомъ глубокое
впечатлѣніе. Онъ приблизился къ Олим-
піи. Олимпія, услыша, что идетъ
къ ней человекъ, подняла голову и обер-
нулась къ дверямъ. Теофиль увидѣлъ,
что

что лице ея было омочено слезами. Онъ подошелъ къ ней и упалъ подлѣ нее на колѣни. Олимпія, удивленная его приходомъ, а особливо переменѣю, примѣченною ею въ лицѣ его, смотрѣла на него съ изумленіемъ и ужасомъ. Теофиль схватилъ Олимпіину руку, и сжавъ ее крѣпко, воскликнулъ печальнымъ голосомъ; о Эфразія! естли бы ты была жива, то здѣсь бы получилъ я эту руку, которую ты мнѣ обѣщала! здѣсь бы священной обѣтѣ навсегда соединилъ судьбу Олимпіину съ Теофилевою! . . . По крайней мѣрѣ будешъ онъ произнесенъ подъ сими сводами! . . . Такъ, Олимпія, я клянусь, что никто, кромѣ тебя, не будешъ моею супругою; клянусь и призываю во свидѣтели вышнее Существо, всегда слышащее наши слова и читающее въ моемъ сердцѣ! . . . Теофиль! Теофиль! воскликнула препенущая Олимпія; что ты осмѣливаешься произносить? . . . Спрашисъ, спрашисъ бышь клятвopреступникомъ! — „Я увѣренъ, что никогда не преступаю клятвы моей; и для того произношу ее съ восхищеніемъ. „ — Но естли родитель твой не захочетъ, чтобы я была твоею супругою? — „Нѣтъ, онъ не можеть разорвать того союза, которой

нѣкогда былъ имъ благословенъ. . . Олимпія! ешьли ты подлинно меня любишь, то докажи мнѣ опышомъ любовь свою. Въ сей церкви, въ которой насъ соединишь, обѣщали; передъ симъ жершвенникомъ, передъ которымъ надлежало мнѣ получишь руку и сердце швое; надъ гробомъ шой, которая заспувала мѣсто мапери швоей, и которая избрала меня шевъ въ супруги — Олимпія! клянись здѣсь бышь навсегда моею! — Чего ты пребуешь? Ахъ! можемъ ли мы сами разполагашь судьбу нашу? — Сказавъ сіе, Олимпія хотѣла вырвать шрепещущую руку свою, которую Теофиль держалъ въ своихъ рукахъ. — Олимпія! воскликнулъ Теофиль: уже ли хочешь ты оставишь меня? уже ли хочешь отъ меня отказатьсь? . . . Спрашись моего опчаянія! — Голосъ, которымъ онъ произнесъ сіи слова, попрясъ Олимпіино сердце. Она поблѣднѣла, и устремивъ на Теофиля глаза свои, въ которыхъ изображались помноспъ и боязливоспъ, сказала слабымъ голосомъ: хорошо, я клянусь бышь швоею. . . . Теофиль поднялъ вверхъ руки и со слезами благодарилъ Небо и Олимпію, которая, будучи все еще блѣдна, безмодвна и шерзаема печальнымъ предчув-

стві-

спвіемъ, устремила глаза на гробъ, вмѣстѣ съ Теофілемъ проливала слезы; но не могла вкушать той радости, которую онъ чувствовалъ.

Въ сію минушу вошелъ въ церковь пономарь. Теофиль просилъ Олимпію, чтобы она зашла съ нимъ къ священнику, котораго домъ былъ подлѣ самой церкви; тамъ, сказалъ онъ, можемъ мы обо всемъ переговорить. Олимпія согласилась съ нимъ студа итти. Тамъ сказалъ ей Теофиль, что Баронъ прислалъ за нимъ управителя своего. Сіе извѣстіе успрашило Олимпію. Ахъ, Теофиль! сказала она, проливая слезы: въ чемъ заставилъ ты меня клясться! и въ какую минушу! въ самое то время, когда раздраженной родителъ твой призываетъ тебя за тѣмъ, чтобы приказать тебѣ забыть меня!... Забыть тебя! перервалъ Теофиль: нѣтъ, ты моя; одна смерть можетъ разлучить насъ. Изпроби страхъ свой, и такими мыслями не безчести отца моего. Когда онъ тебя узнаетъ; когда любовь, честь и истина оправдаютъ тебя посредствомъ своего Теофіля: тогда онъ одобритъ мою любовь. Онъ меня любитъ. Сердце его не жестоко. — „Однакожь онъ честолобивъ.“ — Уже ли честолобіе побѣдитъ

дытъ въ немъ любовь къ сыну его, любовь къ справедливости? Я увѣренъ въ его согласіи; а боюсь только опсрочки, замедленія. . . . Ты можешь изшреить весь страхъ мой. — „Какъ?“, — Осмѣлясь ѣхать со мною въ Парижъ. — „Что ты говоришь?“, — Это не будетъ прошивъ благоприспойности, и нѣжность пвоя ни чѣмъ не оскорбится: мы не вмѣстѣ поѣдемъ. — „Гдѣ же буду я жить въ Парижъ?“, — Ты можешь жить въ домѣ друга моего. — „Какъ! жить въ домѣ у мущины, и, безъ сомнѣнія, у чело-вѣка въ пвои лѣша?“, — — Теофиль, чшобы уговорить Олимпію, прибѣгнулъ къ неправдѣ. Онъ описалъ ей Дервалая чело-вѣкомъ важнымъ и пожилымъ; увѣрялъ ее, что онъ достоинъ великаго по-чтенія и по опытности своей и по своему характеру. Сверхъ того, говорилъ онъ, ты его не увидишь; его не будетъ дома, и ты пробудешь у него не болѣе сушокъ. Въ это время сыщу я для тебя комнашы въ какомъ нибудь монастырѣ. Коротко сказать, я не могу рѣшиться оставить себя, испытавъ, какъ мучительно мнѣ жить съ побою въ разлукѣ. Отецъ мой не можетъ опровергнуть того, что я скажу ему; однакожь намъ надо-бно

бно осперечья, чшобы не быть жершвою новыхъ обмановъ. Прошу тебя, Олимпія, какъ будущій сулругъ швой прошу тебя не разлучаешься со мною, чшобы въ самую шу минушу, какъ ошецъ мой согласится на бракъ нашъ, могъ я тебя представить ему, и чшобы не возможно было насъ обмануть или найши причину опсрочить наше бракосочетаніе. — И пакъ, сказала Олимпія, намъреніе мое оспаеется безъ исполненія! Въ нынѣшнюю ночь думая о тебѣ, досадовала я, чшо нескромной чижикъ мой опкрылъ мои чувства, копорья надлежало бы мнѣ скрывать. Я укоряла себя шѣмъ, чшо долго тебя слушала, и рѣшилась не видатъся съ шобою и уѣхать опсюда прежде шого часа, въ кошорой ты хотѣлъ пришпи ко мнѣ. Ахъ! въ самой шой церкви, гдѣ ты нашелъ меня — передъ шѣмъ олшаремъ, гдѣ я обѣщалась пожертвовать нещасною моею любовію, ештли шо надобно будетъ — шамъ произнесла я безразсудную кляшву, исполняя швою убѣдительную прозьбу... А шеперь шребуешь ты, чшобы я ѣхала съ шобою въ Парижъ, чшобы подвергнулась презрѣнію опца твоего, чшобы... „Ты забываешь, чшо онъ въ заблужденіи, изъ кошораго можно

жно его вывести. Олимпія! ты не справедливо о немъ думаешь. Ты увидишь его упавшаго къ ногамъ твоимъ, какъ скоро откроется истина. Сверхъ того вспомни, что мы соединены уже такимъ союзомъ, котораго никакая человѣческая власть разорвать не можетъ. Какъ намъ разлучиться!... Олимпія!... минуты для насъ дороги... меня дожидаются... мнѣ надобно тебя оставить... я съ опчаяніемъ поѣду, если ты не дашь слова ѣхать за мною. — Ахъ, Теофиль! сказала Олимпія: ты не даешь мнѣ времени и подумаешь о слѣдствіяхъ такого дерзостнаго поступка!... Ты во зло употребляешь эту власть, которую надо мною имѣешь!...

Она не могла сказать болѣе ничего; слезы перервали слова ея. Теофиль неопступно просилъ ее рѣшиться въ его пользу, и наконецъ Олимпія согласилась ѣхать въ Парижъ. Теофиль далъ ей записку, гдѣ сыскалъ въ Парижѣ тотъ домъ, въ которой надлежало ей пріѣхать подъ чужимъ именемъ. Заливаясь слезами, обѣщалась она на другой день выѣхать. По томъ Теофиль, восхищенной такимъ обѣщаніемъ, пошелъ къ Г. Дюмонду, сѣлъ съ нимъ въ почтовую коляску, ихъ

ожи-

ожидавшую, поѣхалъ по Парижской дороге и занимался однѣми пріятными мыслями, не думая, чтобы Баронъ могъ опорочить его чувствуя, выслушавъ все то, что онъ ему сказать хотѣлъ. Но приближаясь къ Парижу, чувствовалъ Теофиль, что надежда его ослабѣваетъ — пріятныя мысли разсѣялись. Онъ съ ужасомъ помышлялъ о честолюбіи отца своего и о коварныхъ его поступкахъ. Сомнѣніе, страхъ, безпокойство, поспешенно въ немъ умножались; вѣбзжая въ Парижъ, перзался онъ такою горестію, которая малымъ чѣмъ опличалась отъ опчаянія. Въ девять часовъ вечера вошелъ онъ въ домъ отца своего.

Видъ, съ какимъ приняли его слуги, показалъ уже ему, что Баронъ на него въ великомъ гнѣвѣ. Вездѣ встрѣчали его важныя и печальныя лица. Одни смотрѣли на него съ злобнымъ любопытствомъ; другіе пожимали плечами; иные, когда онъ шелъ мимо ихъ, останавливались, пошупляли глаза въ землю и пожоки были на людей къ смерти приговоренныхъ. Никто съ нимъ не говорилъ. Когда онъ взошелъ на лѣспницу, встрѣтилъ его старой Бароновъ камердинеръ и опдалъ ему письмецо. Теофиль хотѣлъ

ишши

ишип вѣ комнаты кѣ Барону; но камердинерѣ грубымѣ голосомѣ сказалѣ ему: нѣшѣ, сударь, не ходите; нынѣ не изволишѣ онѣ сѣ вами видѣться. — „Какѣ! бапюшка не хочешѣ меня выслушать?“, --- Онѣ пишешѣ кѣ вамѣ. — Несчастной! воскликнулѣ Теофиль, и пошелѣ вѣ свою комнату, гдѣ сѣ шепетомѣ распечаталѣ письмо, кошорое было шакого содержания:

„Неблагодарной и непослушной не ешь
„уже сынѣ мой; шеперь почишаю шебя
„пойманнымѣ бѣглецомѣ. Ты увидишь
„меня шолько шогда, когда черезѣ письмо
„дашь обѣщаніе безпрекословно мнѣ во
„семѣ повинуваться.“

Теофиль, прочитавѣ сіе ужасное осужденіе, нѣсколько минутѣ споялѣ неподвижно; по шомѣ, собравѣ всѣ свои силы, сказалѣ: хорошо, я шерпѣливо буду шносить заключеніе мое. Но печальныя мысли скоро ослабили Теофилеву швердость. Черезѣ два дни надлежало Олимпіи пріѣхать вѣ Парижѣ: что бы она вообразила, ешьли бы не увидѣла Теофиля? Подумавѣ, что, можешѣ бышь, не лзя будетѣ ему скоро вышши изѣ дому ошца своего и предувѣдомить обо всемѣ Державая, у кошораго Олимпіи жишь надлежало,

что идетъ посланной зватьъ его къ Барону. На другой день около обѣда безпокойство его умножилось. Мысль, что Олимпія конечно пріѣдетъ въ тотъ вечеръ, а онъ съ нею не увидится, несносно его терзала. Во время сего великаго безпокойства дошла до него вѣдомость, разстроившая все его разположеніе. Человѣкъ, каторой былъ данъ ему для услугъ, будучи не доволенъ шѣмъ, что Теофиль имѣлъ довѣренность къ наемному слугѣ, весьма грубо обходился съ нимъ по пріѣздѣ его. Съ великою радостію узналъ онъ, что Баронъ приказалъ посадить въ смиришельной домъ того человека, каторой съ нимъ ѣздилъ; узнавъ же сіе, спѣшилъ онъ сообщить такое извѣстіе Теофілю. — Когда же взяли его? спросилъ испрашенной Теофиль. — !, О! потчасъ, лишь вы только пріѣхали. Бѣднякъ не успѣлъ опступить и пяти шаговъ отъ коляски, какъ его схватили и отвели въ Бисетръ. „

Сіе извѣстіе привело Теофіля въ ужасное состояніе. Естли Олимпія пріѣхала, то Дерваль, не будучи ни о чемъ предувѣдомленъ, конечно не принялъ ее въ свой домъ: что же она подумала? Что же сдѣлалось съ нею? Сверхъ того,

естли

если бы обыскали слугу, то конечно нашли и письмо его къ Дервалю, и Баронъ все узналъ. Сии мысли приводили его въ отчаяніе. Наконецъ, желая узнать судьбу свою, прибѣгнулъ онъ къ одному средству, которое оставалось ему выпши на волю и пріискать для Олимпіи домъ, или если она уже пріѣхала, вывести ее изъ мучительнаго замѣшательства. Онъ рѣшился писать къ своему отцу, и прещущая рука его начерпала сии слова: *Объщаюсь безпрекословно вамъ повиноваться; только выслушайте меня.* Отпославъ сію записку, черезъ минушу увидѣлъ вошедшаго къ нему Баронова камердинера, которой позвалъ его къ отцу.

Теофиль блѣднѣлъ, прещалъ и былъ въ себя; но рѣшившись все скрыть во внутренности своего сердца, пошелъ онъ къ Барону, которой вышелъ къ нему на встрѣчу, обнялъ его, взялъ его съ нѣжностію за руку и посадилъ подлѣ себя. Взаимное замѣшательство причинило минутное молчаніе. Наконецъ Баронъ, стараясь показаться чистосердечнымъ и довольнымъ, сказалъ: забудемъ, любезной сынъ, прошедшее. Ты общаешься безпрекословно мнѣ повиноваться: я по-

лагаюсь на твое обѣщаніе, и люблю тебя теперь такъ же нѣжно, какъ и прежде. Я увѣренъ, что женщина, которую ты видѣлъ въ Лимузенѣ, всячески старалась тебя ослабить и раздражить противъ меня. Вѣрно она сказала тебѣ, что ея и твои письма были перехвачены. Вотъ одна хитрость, которую употребилъ я. Собственная твоя польза и любовь моя къ тебѣ извинятъ мой поступокъ. Впрочемъ я не сказалъ тебѣ ничего лишняго объ этой женщинѣ, которая сдѣлалась недостойною любви твоей. Знаю, что она умѣла увѣрить тебя въ своей невинности; однакожь вѣрно не могла закрыть того, что всѣ думаютъ о ней дурно. Последнее мѣсто ея пребыванія и тѣсная связь ея съ разпущеною женщиною, совершенно обезчестили ее. Нѣтъ нужды разбирать, чему надлежитъ приписывать худое поведеніе ея: неосторожности ли, или разпущенству. Довольно того, что она лишилась чести. Жалюсь на ней, подвергнешься ты всеобщему презрѣнію. Сверхъ того, я хотѣлъ женить тебя на ней только съ тѣмъ условіемъ, чтобы Эфразія сдѣлала ее своею наследницею. Эфразія умерла, не сдѣлавъ завѣщанія и не оставя ей ничего: и такъ

по

по всѣмъ правамъ увольняюсь я отъ исполненія даннаго мною слова.

На сіи слова, внушенныя любочестіемъ и корысполюбіемъ, Теофиль могъ бы отвѣчать, что Баронъ увеличивалъ пропускъ Олимпіины; что честь ея была оскорблена, но не совсѣмъ поперяна; что ея лѣта и несчастная независимость, въ которой она жила, извиняли ее въ глазахъ всѣхъ разсудительныхъ людей; что всего несправедливѣе было осуждать ее, не слушая никакого оправданія; что весьма странная причина заставила Барона перехватывать ея первыя письма, въ то время, когда еще не льзя было ничѣмъ обвинять ее; что Олимпіина бѣдность не есть достаточная причина къ разрыву такого торжественнаго союза и къ уничтоженію священныхъ обѣщаній; что Баронъ и самъ не упоминалъ о сей причинѣ не сдержавъ своего слова, когда умерла Эфразія, и когда уже извѣстна была Олимпіина бѣдность; что сія причина могла бы быть уважена гражданскими законами, но осуждается добродѣшелію и честію, которыя въ семъ случаѣ спрже всѣхъ законовъ; что хотя бы Олимпія и получила послѣ Эфразіи наслѣдство, однакожь ея имѣніе ни-

чего бы не значило въ разсужденіи имѣнія Баронова. Теофиль все сіе думалъ; однакожь видя, что Баронъ не хочетъ перемѣнить своего рѣшенія, и нетерпѣливо желая получить свободу и скакатьъ къ Дервалю, не опвѣчалъ онъ ничего и старался только свѣдать, зналъ ли Баронъ о его письмѣ къ Дервалю, посланномъ къ нему съ его слугою. Скоро къ успокоенію своему узналъ онъ, что Барону сіе не извѣстно.

Скрывъ горесць свою подѣ видомъ смиренія и покорности, Теофиль тихимъ голосомъ увѣрялъ отца своего, что онъ готовъ во всемъ исполнить его волю. Баронъ обнялъ его. Въ сію минуту мучительное угрызеніе совѣсти дало почувствовать Теофилю, сколь ужасно обманывать, особливо своего отца, хотя Баронъ и подалъ къ тому причину своими коварными поступками. Ты знаешь, любезной Теофиль, сказалъ Баронъ, что я далъ слово женишь себя на дѣвицѣ Лизбѣ: надобно немедленно исполнить это обѣщаніе. Сіи слова привели въ прелесть Теофиля. Баронъ, не показывая, что примѣчаетъ его ужасъ, продолжалъ: Госпожа Лизбе теперь въ Версаліи; послѣ завтра она возвратится, и ты въ самой

пошлѣ

шотъ же вечеръ будешь представленъ ея дочери, какъ женихъ ея. На другой день послѣ того подпишемъ свадебной контрактъ. Повторяю, отвѣчалъ несчастной Теофиль, что я готовъ вамъ повиноваться. Послѣ сего новаго увѣренія Баронъ осыпалъ Теофиля похвалами, копоры шерзали сердце его. Наконецъ, будучи совершенно увѣренъ, что Баронъ не знаетъ ничего о прїѣздѣ Олимпіиномъ въ Парижъ, сказалъ онъ ему: позволишь ли мнѣ въ нынѣшній вечеръ выѣхать со двора? Мнѣ весьма нужно нѣкоторое разсѣяніе: позволишь ли мнѣ ѣхать къ моимъ прїятелямъ? Ты свободенъ, отвѣчалъ Баронъ: не шаю отъ тебя, что до дня твоей женидьбы будущъ за тобою присматривать; однакожь ты можешь ѣхать, куда тебѣ угодно. Только пребую того, чтобы ты ѣздилъ въ моей каретѣ и бралъ съ собою слугъ моихъ.

Теофиль спѣшилъ воспользоваться Бароновымъ позволеніемъ, котораго ожидалъ онъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Между шѣмъ, какъ закладывали для Теофиля карету, посмотримъ, что происходило въ домѣ у прїятели его, Дерваля. Въ шотъ день былъ онъ на ловлѣ. Воз-

вратившись, угощалъ онъ у себя шесть или семь своихъ пріятелей. Сии шумные и вѣпрные пріятели обѣщались пробыть у него весь шопъ день. При концѣ обѣда, въ то время, когда Шампанское вино начало разгорячать головы ихъ, вошелъ слуга и сказалъ Дервалю, что одна пріѣхавшая въ каретѣ Госпожа хочетъ вѣѣхать на дворъ. Какъ она называется? спросилъ Дерваль. — „Госпожа Форлисъ.“ — Ахъ! перервала Кашерина: это было конечно принятое Олимпією имя! Точно такъ, сказала Гжа. Правосудова: это была сама Олимпія, которая думала, что Дерваль уже о ней предвѣдомленъ; и ожидала, что ее выдутъ встрѣтить и проводятъ въ шѣ комнаты, въ которыхъ ей жить надлежало, надѣясь, что важной и почтенной Дерваль (ибо таковымъ Теофиль описалъ его) на сіе время изъ дому выведетъ. Госпожа Форлисъ? сказалъ Дерваль засмѣявшись: это комедіальное имя. Да какова эта Госпожа Форлисъ? — „Она очень молода и очень хороша собою.“ — Пусси, пусси ея! закричали всѣ гости. Пусси, пусси ея! повторилъ хозяинъ. Тотчасъ, отвѣчалъ слуга: я увѣренъ, что ее точно видѣлъ я на театрѣ; она въ балетшакъ

такъ танцовала. Сказавъ сіе, лакей вышелъ.

Олимпія, сидѣвшая въ каретѣ съ своею служанкою, дожидалась отвѣта. Вороты отворились; карета вѣхала на дворъ; лакей принялъ ее и провелъ по маленькому потасенному крыльцу. Олимпія, трепещущая отъ безпокойства и утомившаяся отъ дороги, насилу могла итти, будучи поддерживаема служанкою, полспою и большою дѣвкою, дочерью Лимузенскаго крестьянина, которая въ своихъ рѣчахъ и во всѣхъ ухваткахъ показывала сельскую простоту. Въ одной рукѣ несла она подушки, завязанныя въ большомъ узлѣ, а другою рукою вела ослабѣвшую Олимпию. Прошедши черезъ длинной коридоръ, лакей отворилъ двери и ушелъ. Олимпія и служанка ея вошли въ двери, которыя сами собою опять затворились. Какъ ужаснулась Олимпія, увидя себя окруженную молодыми людьми, которые всѣ почти были пьяны, и изъ которыхъ самому старшему не было еще двадцати пяти лѣтъ! Она закричала и хотѣла бѣжать; но ее остановили. Гдѣ я, гдѣ? воскликнула Олимпія: государи мои! мой кучеръ ошибся; мнѣ надобно было ѣхать къ одному почтенному чело-

Д 5

вѣку,

вѣку, Господину Дервалю. — Названіе почтенной заставило всѣхъ смѣяться.

Дерваль подошелъ къ ней и сказалъ притворнымъ важнымъ голосомъ: васъ не обманули, сударыня; я Дерваль. Олимпія пришла еще въ большой ужасъ; она не могла споясть на ногахъ и упала на креслы. Она въ самомъ дѣлѣ прекрасна, продолжалъ Дерваль. *This a Romantick girl indeed* (*), сказалъ другой, которой оставался одинъ за столомъ и пилъ. Клянусь честію, сказалъ претій, что ея застѣнчивость, притворная или натуральная, къ ней очень приспала. — Ахъ, Катерина! сказала Олимпія слабымъ голосомъ: выведи меня отсюда! — Жаль, закричалъ сидѣвшій за столомъ, что служанка ея называется Катериною; это имя не *Romantick*. Пойдемъ, барышня, сказала служанка: подайте руку; уйдемъ отъ эшихъ нахаловъ. Тутъ начались опять насмѣшки. Замѣтили, что служанка называла госпожу Форлисъ *барышней*. Олимпія, бывъ внѣ себя отъ ужаса,

вско-

(*) Это почно Романическая дѣвушка: выраженіе, часто употребляемое въ Англійскихъ романахъ.

вскочила и хотѣла бѣжать. Дерваль схватилъ ее за платье. Полно припворяться устращенною, сказалъ онъ: оспань-песь, сударыня, съ нами и будыте веселы. Олимпія отъ слабости спяшь упала на креслы. Въ сію минушу вошелъ слуга и съ усмѣшкою сказалъ Дервалю: лакей Госпожи Форлисъ принесъ большой чемоданъ и спрашиваетъ, которая комната будетъ спальнею Госпожи его; потому что она намѣрена здѣсь жить. Тутъ всѣ засмѣялись. Это самой забавной поступокъ, сказалъ Дерваль. такой способъ знакомиться освобождаетъ отъ всѣхъ скучныхъ комплиментовъ и чиновъ. Потомъ одинъ изъ гостей замѣнилъ, что служанка принесла подушки: сіе замѣчаніе подало поводъ къ новымъ насмѣшкамъ, столь же глупымъ и оскорбительнымъ, какъ и прежнія. Дерваль сѣлъ подлѣ Олимпіи, взялъ у нее руку и поцаловалъ ее. Тогда Олимпія собрала всѣ свои силы — гнѣвъ изшребилъ въ ней всякое иное чувство — она вспала, вырвалась изъ рукъ Дервалевыхъ и побѣжала къ дверямъ; отворила ихъ и вбѣжала въ большую галерею. Между тѣмъ Дерваль отъ нее не отставалъ. Олимпія бѣжала такъ прыпко, что Дерваль не могъ догнать ее.

Въ

Въ концѣ галереи увидѣла Олимпія отворенной кабинешъ; вбѣжала въ него, зашворила двери, заперла ихъ, бросилась на канапе и залилась слезами. Тщешно Дерваль спучился и кричитъ. Наконецъ грозитъ, что велитъ выломать двери. Олимпія зашрепешала. Она отворила окно; но сіе окно было въ садѣ Дервалевѣ, да и весьма высоко. Однакомъ, не смотря на то, опчаянная Олимпія рѣшилась выпрыгнуть въ садъ, естли Дерваль будетъ ломать двери. Она хотѣла уже спастъ на балконѣ; но не слыша Дервалаго голоса, оспановилась и сѣла на окно. Будучи увѣрена, что Дерваля не было въ галерсѣ, думала она, что онъ пошелъ звать людей и велитъ имъ выломать двери. Несчастная Олимпія! воскликнула она, проливая слезы: до чего довела себя швоя неосторожностъ и легковѣрностъ! Будучи обманута и оставлена, могу я шолько избрать или смертъ или вѣчное безчестіе . . . Нѣтъ, не въ чемъ мнѣ сомнѣваться! . . . О чемъ мнѣ жалѣть, когда могу я избавишься отъ поносной жизни! . . . Смертъ освободитъ меня отъ ига несчастной любви, которая меня безчеститъ . . . Чшо я говорю! . . . Уже ли могу еще любить обманщика, которой,

обѣ-

обѣщавъ найти для меня безопасное при-
бѣжище, завелъ меня въ эпомъ страшной
домъ? . . . Не могу думать, чѣобы онъ
имѣлъ ужасное намѣреніе подвергнуть
меня такому поношенію и лишитъ чести;
можетъ быть неизвѣстныя мнѣ причины
извиняютъ его . . . Однакожь онъ обманулъ
меня, описавъ мнѣ эпова негоднаго Дер-
валя человекомъ почтеннымъ . . .

Олимпія, произнеся сіи послѣднія
слова, запрепещала и замолчала, услы-
ша, что по галереѣ вдушъ люди. Не
сходя съ окна, спала она на колѣни и
сказала: прости преступленіе мое, ми-
лосердый Боже! Поступки мои были не-
благоразумны и неоспоржны; однакожь
сердце мое чисто. Прости, что я рѣ-
шилась лишиться жизни. Я слаба; я не
могу поносную жизнь предпочесть смер-
ти. — Произнеся сіе, услышала она къ
несказанной радости голосъ своей слу-
жанки, кошорая кричала ей, чѣобы она
отперла двери, и что нѣтъ для нее ни-
какой опасности. Олимпія нѣсколько по-
думала. Катерина сказала, что Державъ
и пріятели его выѣхали изъ дому. Тогда
Олимпія отперла двери и увидѣла Тео-
фила бросившагося къ ногамъ ея. Она
отско-

отскочила назадъ; лишась силъ, упала въ обморокъ въ рукахъ у своей служанки.

Когда она пришла въ себя, по первый предметъ, представившійся глазамъ ея, былъ Теофиль, заливающійся слезами и стоящій передъ нею на колѣняхъ. Олимпія отвернулась отъ него и сказала Катеринѣ: помоги мнѣ встать; выдемъ изъ этого ужаснаго мѣста. Служанка отвѣчала, что Дерваль уѣхалъ, и возвратится только тогда, когда она уже выѣдетъ изъ дому. И такъ онъ поспѣшь возвратиться можетъ, сказала Олимпія: потому что я теперь же оставляю этотъ домъ. Ты не хочешь меня выслушать? произнесъ Теофиль тихимъ и пренебрежимымъ голосомъ. По томъ Олимпія стала дѣлать ему жесточайшіе упреки. Теофиль терпѣливо слушалъ ее. Когда она перестала говорить, тогда сказалъ Теофиль, что хотя онъ и обманулъ ее въ разсужденіи лѣтъ и характера своего пріятеля, однакожь не на кого было ему положиться, кромѣ Дерваля; что онъ имѣлъ многіе пороки, однакожь былъ вѣрной и надежной другъ. По томъ Теофиль просилъ Олимпию, чтобы она выслушала отъ него наединѣ все то, что случи-

случи-

случилось съ нимъ по возвращеніи его въ Парижъ.

Долго Олимпія не соглашалась на сіе; но наконецъ рѣшилась она исполнить Теофилу прозбу и выслала Катерину въ другую комнату. Тогда Теофиль, будучи увѣренъ, что Олимпія конечно перестанетъ на него сердиться, согласясь выслушать его оправданіе, началъ рассказывать ей все то, что онъ вытерпѣлъ. Онъ не скрылъ отъ нее ничего; не утаилъ даже и своего обѣщанія жениться на дѣвицѣ Лизбѣ. Услыша сіе, Олимпія поблѣднѣла, и глаза ея наполнились слезами противъ ея воли. Клянусь Небомъ, продолжалъ Теофиль, что естли бы надлежало мнѣ только жизни лишиться, то никогда бы не произнесъ я этова ужаснаго обѣщанія, опровергаемаго сердцемъ моимъ; но мнѣ надлежало или обмануть отца моего, или оставить себя въ страшной для меня неизвѣстности, въ сомнѣніи о честности своего Теофиля. Я никакъ не думалъ, чтобы мое заключеніе могло подвергнуть тебя тому, что ты вытерпѣла; я лишился бы жизни отъ ужаса, естли бы вообразилъ такую ужасную картину! — Однакожь я воображалъ тебя пріѣхавшую
въ

въ неизвѣстной для тебя городѣ и требующую пристанища въ такомъ домѣ, въ которой бы тебя не приняли; а это одно могло уже заставить меня припвориться и дать такое обѣщаніе, котораго никогда я не исполню.

Нѣтъ, нѣтъ! сказала Олимпія, проливая слезы: ты долженъ исполнить свое обѣщаніе, давъ его отцу своему. — „Я исполню то обѣщаніе, которое дало сердце мое, и припомъ по воли отца моего. Онъ хотѣлъ, чтобы я былъ твоимъ супругомъ: я далъ слово исполнить его волю, и никогда не откажусь отъ этого обѣщанія, которое единство должно быть ненарушимо. — „Какая же теперь твоя надежда?„ — Я надѣюсь, что ты исполнишь обѣщаніе твое, пообещанное произнесенной. — „Могу ли я исполнить его, когда ты зависишь отъ отца; когда ты обѣщавъ ему жениться на другой, и черезъ три дни, Въ это время можемъ мы навсегда освободиться отъ несноснаго пиранства. — „Что же ты думаешь?„ — Я думаю пожертвовать тебѣ моимъ богатствомъ, моею знаменитію, моимъ отечествомъ . . . „Что ты говоришь? . . Боже мой!„ — Оставивъ его и удалившись въ чужое государство.

дарство. — „Что ты осмѣливаешься предлагать мнѣ?“, — Если ты по-длинно меня любишь, то не станешь колебаться. Ты обѣщались быть моею; ты мнѣ принадлежишь. Но ты можешь быть моею только въ чужей Землѣ; и такъ побѣдемъ въ Англiю. — „Въ какую бездну хочешь ты меня ввергнуть! Какъ! мнѣ, мнѣ похитишь сына у отца, и вступишь съ нимъ въ такой союзъ, которой законами не одобряется? Мнѣ бѣжать съ тобою, пожертвовать моею честью, навсегда поперять ее? Нѣтъ, я лучше умру, . . . Хорошо, и такъ проси навсегда! . . . Олимпiя! я не могу жить безъ тебя — Отказываясь быть моею супругою, дѣлаешь ты для меня жизнь несносною. — Успрашенная Олимпiя схватила за руку опчаяннаго Теофиля, хотѣвшаго выйти изъ комнаты. Выслушай меня, сказала она: переспань меня ужасать! . . . Теофиль! сжался надъ бѣдною, прибѣгающею къ своему милосердiю! . . . Уже ли захочешь ты, чтобы несчастная моя къ тебѣ любовь заславилла меня согласиться на то, что погубитъ насъ обоихъ?“, — Но подумай о моемъ положенiи; подумай, что черезъ три дни, если не уѣду отсюда, надлежитъ мнѣ

Часть XIII. Но. 13. М на

навсегда отъ тебя опказаться, женишься на той, копорую презираю, или бышь въ вѣчномъ заключеніи. Что же тогда будешь съ тобою, Олимпія? Лишась послѣдняго друга, копорого въ здѣшнемъ мірѣ имѣешь; спавъ предметомъ злобнаго гоненія, ненависти, мщенія. . . . Ахъ! уѣдеиъ изъ Франціи; избѣжимъ всѣхъ пакихъ ужасовъ. . . Я все предвидѣлъ, все разположилъ, и разположеніе мое вѣрно и безопасно. Остава наше опечество, будемъ мы щасптивы. Ты не будешь жипъ въ бѣдности. Я все придумалъ. . . Но не надобно перяпъ времени; надобно немедленно думашъ объ отъѣздѣ.

Олимпія, выслушавъ всѣ сіи убѣдительныя предспавленія, подняла руки къ небу и сказала: Боже мой! научи меня, что мнѣ дѣлать. . . Ахъ! шщетно ищу средствъ выпши изъ ужаснаго моего положенія! Чувствую слабость мою, чувствую незрѣлоспъ моего разсудка! . . . Оспавленная, преданная самой себѣ, вижу опверзшую бездну подѣ ногами моими . . . Рука опышнаго друга могла бы удержашъ меня и не допуспипъ упаспъ въ бездну; но нѣшъ у меня шакого друга, нѣшъ ни покровишеля, ни пушеводишеля. Погибель моя неизбѣжна. — Олимпія зарыдала и не

не могла сказать болѣе ни слова. Теофиль опять упалъ къ ногамъ ея и заклиналъ ее согласиться на его предложеніе; въ пропивномъ случаѣ клялся себя умертвить. Олимпія, будучи въ себя, произнесла несчастное обѣщаніе удалиться съ нимъ въ Англію — обѣщаніе, рѣшившее навсегда судьбу ея.

Между тѣмъ (сказала Гж. Правосудова, перервавъ свою повѣсть) пора намъ спать; мы нынѣ долѣе обыкновеннаго просидѣли. Завтра услышите конецъ приключенія Теофилева и Олимпіина. На другой день пріѣхалъ въ село Уединенное Г. Чудинъ. Дѣти рассказывали ему Теофилеву Исторію, и возбудили въ немъ великое желаніе узнать развязку ея. Вечернія повѣсти никогда для него не откладывались. Вечеру Гж. Правосудова продолжала свое повѣствованіе.

Теофиль, заспавъ наконецъ Олимпію согласиться на свое предложеніе, шопчасъ отъ нее поѣхалъ, оставя ее въ жертву великой горести и горькому раскаянію.

Теофиль возвратился къ отцу своему. Онъ имѣлъ сколько власпи надъ собою, что показывалъ весьма спокойной видъ. Баронъ, разговаривая съ нимъ

ввечеру нѣскольکو часовѣ, совершенно увѣрился, что Теофиль чистосердечно общалъ исполнить его волю, и что честолюбіе и щеславіе побѣдили въ немѣ любовь. Онѣ въ семѣ увѣрялся болѣе и болѣе, разсмапривая собственное свое сердце; часто ошибающія люди въ такихъ разчетахъ. На другой день Теофиль, казалось, занимался однѣми только малостями. Отецъ его чрезвычайно обрадовался, услышавъ, что онѣ призывалъ къ себѣ множество поршнихъ и швецовѣ, и думалъ все о нарядахъ; и что онѣ никуда не ѣздилъ, а былъ только у карешника, которой отдѣлывалъ для него карешы. Теофиль, зная, что всѣ поступки его примѣчаютъ, рѣшился не ѣздить въ домѣ къ Дервалю, и легъ спать не видавъ Олимпіи. Поступая такимъ образомъ, совершенно разсѣялъ онѣ безпокойства отца своего. Баронова радость была соразмѣрна великому его желанію женить Теофиля на двѣицѣ Лизбѣ; съ восхищеніемъ смотрѣлъ онѣ на такую перемѣну Теофилева поведения. Теофиль, которой въ день пріѣзда Олимпіина успѣлъ нѣскольکو минушъ поговорить съ Дервалемъ, тайно еще видѣлся съ нимъ у карешника и открылъ ему подлинное имя Госпожи Форлесъ;

но припомѣ сказалъ ему, что она сама уговорила его пожертвовать несчастною сирасшю и женишься на дѣвицѣ Лизбѣ; что Олимпія рѣшилась итти въ монастырь, копорой былъ отъ Парижа въ двѣнаццати миляхъ, и въ копоромъ Игуменьей была шепка ея; и что она выѣдетъ изъ Парижа ночью, на канунъ того дня, въ копорой надлежало ему женишься.

Наконецъ насталъ день свиданія. Баронъ отвезъ сына своего къ Госпожѣ Лизбѣ. Теофиль умѣлъ такъ во всемъ притвориться, что Баронъ былъ совершенно имъ доволенъ. Согласились, чтобы на другой день подписать свадебной контрактъ. Поѣхавъ отъ Виконтесы, Теофиль сказалъ Барону, что онъ чувствуетъ въ себѣ великое волненіе, отъ копорого не лзя ему заснуть рано; и что для разсѣянія нѣкоторыхъ безпокойныхъ мыслей поѣдетъ онъ въ маскарадъ. Сіе намѣреніе не показалось Барону подозрительнымъ; напрошивъ того въ словахъ Теофилевыхъ нашелъ онъ пріятное для себя чистосердечіе, и самъ упрашивалъ его ѣхать въ маскарадъ. Теофиль примолвилъ, что онъ думаетъ ужинашь у Дерваля. Въ восемь часовъ велѣлъ онъ закладывать карету, и между тѣмъ заперся въ своей

комнатѣ. Тамѣ, бросившись на кресла, и не могши заглушить въ сердцѣ своемѣ упрековѣ совѣспи, залился онѣ слезами. Тщешно старался изгоняшь изѣ головы своей печальныя мысли; щешно старался увѣрять себя, что онѣ не преступникѣ: глаза его открывались — мечша начинала исчезать, но — поздно. Несчастной Теофиль почувствововалѣ силу сынѣвнихѣ должностей, почувствововалѣ прежнее свое заблужденіе; но все сіе почувствововалѣ онѣ только для того, чтобы съ большимѣ мученіемѣ низвергнуться въ ужасную бездну, ископанную спрасьями его. Между тѣмѣ ударило девять часовѣ. Онѣ запрешалѣ . . . Уже не будетѣ меня здѣсь, когда ударитѣ десять часовѣ! воскликнулѣ Теофиль. . . . Какѣ тихо шеперь все въ этомѣ домѣ! но какое волненіе будетѣ въ немѣ завтра! — Онѣ зарыдалѣ и не могѣ сказать болѣе ни слова. Наконецѣ, собравѣ всѣ силы, оперѣ онѣ слезы свои, вооружился твердою рѣшимостію, и вознамѣрясь въ послѣдній разѣ обнять отца своего, вскочилѣ и пошелѣ въ кабинетѣ къ нему. Баронѣ примѣшилѣ, что онѣ плакалѣ, и ни мало тому не удивлялся. Зная его чувствительность, хотѣлѣ ушѣшнить его нѣжными ласками. Любезной сынѣ!

сынѣ! сказалѣ онѣ ему: я не благодарилѣ себя за швое послушаніе; однакожь будѣ увѣренѣ, что я чувствую цѣну его. Дражайшій Теофиль! любовь швоя ко мнѣ будешѣ мнѣ ушѣшеніемѣ вѣ моей старости и сдѣлаешѣ меня щасливымѣ; но я увѣренѣ, что эта самая любовь будешѣ испочникомѣ и швоего щаспія. Да услышишѣ Небо моленіе мое о вѣчномѣ швоемѣ благополучіи! Оно наказываетѣ дѣшей непокорныхѣ; но по тому же правосудію, по которому не можетѣ оспавить порокѣ безѣ наказанія, награждаетѣ Оно такихѣ добродѣтельныхѣ дѣшей, какѣ ты. — Послѣ сихѣ словѣ, которыя шерзали Теофилево сердце, сей несчастной молодой человекѣ, будучи внѣ себя, упалѣ на колѣни передѣ своимѣ опцемѣ. Тронушой Баронѣ обнимаетѣ и благословляетѣ его. Какѣ! воскликнулѣ Теофиль перерывающимся голосомѣ: вѣ сію минушу, вѣ сію минушу . . . вы меня благословляете!.. Ахѣ, родитель мой! обѣщайте мнѣ никогда не уничтожатѣ шого благословенія, которое шеперь произнесли! . . . Естли когда нибудѣ вы будете мною не довольны; естли сынѣ вашѣ когда нибудѣ прогнѣвитѣ васѣ . . . тогда жалѣйте о Теофилѣ . . . онѣ будешѣ достоинѣ сожалѣнія . . . со-

болѣзнуюте о немѣ, но никогда его не проклинайте. — Я читаю теперь чувства сердца твоего, сказалъ Баронъ: ты боишься сдѣлать несчастною супругу свою, которую я тебѣ избираю; но знай, любезной Теофиль, что не спраспная любовь, не эта скоропроходящая любовь дѣлаешъ щасптивнымъ такой союзѣ, копторой долженъ бытъ союзомъ вѣчнымъ. Я знаю доброе твое сердце, знаю твой разумъ, и увѣренъ, что супруга твоя будетъ щасплива. — По томъ Баронъ вспалъ, и обнявъ Теофиля, сказалъ ему: услышавъ отъ тебя, что ты долженъ, велѣлъ я выдать тебѣ дващцать тысячь ливровъ; а теперь хочу дать тебѣ еще нѣсколько денегъ на твои удовольствія. Въ этомъ ящикѣ лежатъ пять сотъ луйдоровъ: возьми ихъ и отнеси въ свою комнату; они твои. Прими этошъ подарокъ въ знакъ моей благодарности къ послушному сыну; въ знакъ благодарности за то удовольствие, которое онъ доставилъ мнѣ своимъ послушаніемъ. Нѣтъ, отвѣчалъ Теофиль, съ такимъ условіемъ не могу я принять этого подарка. Впрочемъ у меня теперь и безъ того много денегъ. — Баронъ напрасно старался принудить Теофиля взять сію сумму. На-

конецъ

конецъ Теофиль, проливая слезы и рыдая, вырвался изъ объятій отца своего. Не возможно описать того, что чувствовалъ онъ оставляя его, проходя переднія комнаты и садясь въ карету. Сердце его раздиралось, когда онъ выѣзжалъ изъ дому, воображая, что никогда уже въ немъ не будетъ. Позднее раскаяніе, мучительное и бесполезное! — Несчастной Теофиль пріѣхалъ въ домъ къ Дервалю въ самомъ жалостномъ состояніи. Однакожь, увидя Олимпію, забылъ онъ, хотя на нѣсколько минутъ, печаль свою и упреки совѣсти. Унылая Олимпія наблюдала глубокое молчаніе. На лицѣ ея изображалась ужасная горестъ, которая всѣ сіи дни безпрестанно ее терзала. Она была въ такомъ уныніи, что не могла ни жаловаться на судьбу свою, ни разсуждать о своихъ обстоятельствѣхъ.

Теофиль взялъ съ собою всѣ свои драгоценныя вещи и богатыя брилліаншовыя пряжки, кошорыя подарилъ ему Баронъ на канунъ погодня. Все вмѣстѣ продалъ онъ Жиду. Долговъ на немъ не было: и такъ у него было дваццать тысячъ франковъ, полученныя имъ отъ отца на заплачу мнимыхъ долговъ. Сіи деньги, и тѣ,

копорыя взялъ онъ съ Жида за проданныя ему вещи, составили сорокъ тысячъ ливровъ. Теофиль надѣялся приумножить сію сумму, думая, по прїѣздѣ своемъ въ Англію, войти въ какой иибудь шоргъ. Жидъ, ѣхавшій въ шопъ же вечеръ въ Англію, и бравшій себѣ паспортъ, взялъ и другой для Теофиля и Олимпіи, подъ именемъ Господина и Госпожи Андраззи. Опдавъ Теофилю сей паспортъ и деньги за купленные у него вещи, немедленно отправился онъ въ дорогу, часа за два до отѣзда Теофилева. —

Мнѣ досадно, бабушка, перервалъ Петръ, что Теофиль для полученія денегъ обманулъ своего отца, сказавъ, что онъ долженъ; это очень дурно. — „Такой поступокъ конечно дуренъ. Однакожь Теофиль имѣлъ благородную и нѣжную душу; въ доказательство чего служило то, что онъ не принялъ пять сотъ ливровъ, которыми дарилъ его отецъ.„ — Ахъ! я очень обрадовался, когда Теофиль, чувствуя, что онъ не достоинъ награжденія, отказался отъ такого подарка. — „Удивляешься ли ты этому поступку?„ — Нѣтъ, Теофиль поступилъ въ этомъ случаѣ очень естествен-
но.

но. — „Правда. У него было двадцать тысяч франков и еще много дорогих вещей: слѣдственно Олимпія была уже предохранена отъ бѣдности. Непростительнѣе было въ ту самую минушу, въ которую оставлялъ онъ навсегда отца своего, принявъ такое благодѣяніе, которое предложено было ему въ знакъ благодарности за его послушаніе. Такой поступокъ былъ бы самой подлой, и тогда бы не могла уже я сказать о Теофильѣ, что онъ имѣлъ благодарную и нѣжную душу. — Возвратимся къ нашей повѣсти.

Въ полночь Теофиль поѣхалъ въ маскерадъ. Тамъ онъ переодѣлся и опослалъ своихъ людей, сказавъ, что Дерваль привезетъ его домой въ своей каретѣ. Черезъ минушу вышелъ онъ въ мазкѣ, сѣлъ въ наемную карету и возвратился въ домъ къ Дервалю. Тамъ нашелъ онъ почтовую коляску, которую, по уговору, приказала сыскать Олимпія. Посадивъ несчастную Олимпию въ коляску, немедленно выѣхалъ онъ изъ Парижа. За нимъ не было погони. Онъ взялъ такую предосторожность, что Баронъ, узнавъ о его побѣгѣ, скорѣе всего могъ бы подумать, что онъ уѣхалъ въ Гишпанію;

что

что и въ самомъ дѣлѣ случилось. Онъ благополучно пріѣхалъ въ Лондонъ. Прежде всего сыскалъ онъ Каполическаго священника. Въ полночь, въ присутствіи двухъ слугъ, съ восхищеніемъ получилъ онъ руку печальной Олимпіи, которая во время всего обряда проливала слезы. Никакъ не лзя было думать, что она соединялась навсегда съ любимымъ чловкомъ; смотря на нее, надлежало бы ее почестъ жершвою послушанія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своей женидбы, Теофиль, не думая, чшобы онъ былъ въ безопасности въ такомъ городѣ, которой былъ наполненъ Французами, оставилъ Лондонъ и поѣхалъ съ Олимпією въ Эдимбургъ. Но оставимъ Олимпію и и Теофиля внутри Шотландіи. Довольно вамъ знать и того, что самыя лучшія лѣта своей молодости проводили они въ безпокойствѣ и нещастіи.

Возвратимся къ нещастному Теофилеву отцу. Долгое время не зналъ онъ о побѣгѣ сына своего. Теофиль поѣхалъ въ такой часъ, въ которой Баронъ ложился спать. На другой день, проснувшись, услышалъ онъ, что Теофиль не возвращался домой. Сіе ни мало его не обезпожило; ибо онъ подумалъ, что Дервалъ

валь увезъ его изъ маскарада куда нибудь вгости. Между тѣмъ въ десять часовъ послалъ онъ человѣка въ домъ къ Дервалю, чтобы освѣдомиться о Теофилѣ. Человѣку сказали, что Дерваль изъ маскарада поѣхалъ съ пріятелями своими завтракать въ загородной свой домъ, до котораго было отъ Парижа около мили. Послѣ сего извѣстія Баронъ ждалъ сына своего только къ обѣду; но въ при часа началъ онъ беспокоиться, по тому болѣе, что Теофиль, ведя себя благоразумно, никогда не соучаствовалъ въ пакихъ беспорядочныхъ веселіяхъ. Баронъ, желая непременно узнать, что дѣлалось съ Теофилемъ, велѣлъ себѣ осѣдлать верховую лошадь и самъ поѣхалъ въ загородной Дервалевъ домъ. Пріѣхавъ туда, узналъ онъ, что Теофиля тамъ не было. Онъ сталъ спрашивать о немъ Дерваля; но Дерваль, боясь сказать что нибудь лишнее и вредное другу своему, отвѣчалъ на вопросы Баронова весьма оспорожно, и заспавилъ его даже думать, что онъ всю ночь пробылъ съ Теофилемъ въ маскарадѣ.

Сіе обстоятельство опчаспи успокоило Барона. Возвратясь домой, вошелъ онъ въ Теофилеву комнату. Открывъ ящики

ящики и не найдя въ нихъ ничего изъ дорогихъ вещей, и вспомня припомѣ ужасное Теофилево безпокойство, съ какимъ прощался онѣ съ нимѣ на канунѣ того дня, не могѣ уже сомнѣваться въ своемѣ несчастіи. Всѣ его развѣдыванія увѣряли его, что Теофиль уѣхалѣ въ Гишпанію. Теофиль весьма хитро оставилѣ нѣсколько записокѣ, по которымѣ необходимо надлежало сіе подумать. Баронѣ пошчасѣ рѣшился самѣ ѣхать за сыномѣ своимѣ въ Гишпанію. Онѣ немедленно поѣхалѣ въ сію Землю; но успалость и внутреннее огорченіе принудили его остановиться въ * * *. Въ семѣ мѣстѣ онѣ опасно занемогѣ. Выздоровленіе его было весьма медленно. Доктора увѣряли, что однѣ Баррежскія воды могутѣ совершенно его вылѣчить. И такѣ онѣ рѣшился ѣхать туда на три мѣсяца. Печальныя размышленія, которыми могѣ онѣ свободно заниматьсѣ въ семѣ уединеніи, и угрызеніе совѣсти, умножали его несчастіе. Онѣ потерялѣ любезнаго сына своего, и потерялѣ его отѣ себя. Онѣ былѣ жертвою общественаго своего коварства; онѣ самѣ себя обманывалѣ. Тогда-то узналѣ онѣ, сколь опасно во зло употреблять права свои, и сколь гнусно жертвовать

щце-

щеславію истинною честію и родительскою любовію, пекущеюся всегда о спокойствіи и истинномъ благополучіи предмета своего. У него было великое богатство: но могъ ли онъ имъ наслаждаться? У него не было уже сына. Онъ вспоминалъ прелести и добродѣтели Олимпіины; ему надлежало признаться себѣ, что она сдѣлала бы и Теофиля и его самого счастливымъ. Не могъ онъ охудать въ Теофиль такой страсти, которую самъ возрождалъ въ немъ. А болѣе всего перзало его увѣреніе, что Теофиль никогда бы не оставилъ своего отца и опечесства, если бы онъ не принуждалъ его вступить въ другой союзъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Баронъ сказалъ ему, что онъ никогда не согласится на бракъ его съ Олимпіею, не угрожая ему вѣчнымъ заключеніемъ, буде онъ не женится на дѣвицѣ Лизбѣ: то Теофиль, довольствуясь жалобами на судьбу свою и несправедливость своего отца, повиновался бы его воли. И если бы Олимпія подлинно достойна была почтенія и любви Теофилевоу, то со временемъ она бы сама уговорила его пожертвовать несчастною страстію.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующей Части.)

ОГЛАВЛЕНІЕ

XIII Части.

	стран.
<i>Продолженіе.</i>	3
<i>Невольники, или Сила благодѣянія.</i>	51
<i>Намела.</i>	82
<i>Олимпія и Теофиль.</i>	136
